

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
2018
Том 17. № 2

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2018
Volume 17. No. 2

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2018. Vol. 17. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue:

Text Linguistics: Modern Approaches

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Journal is registered by Federal Service for Supervision
of Mass Media, Communications and Protection of
Cultural Heritage (Russia) (Registration Certificate
ПН № ФС77-25016 of June 29, 2006)

The journal is included into the **Index of Peer-reviewed
Academic Journals and Publications that must publish
academic results of doctoral and candidate’s degree
theses** that came in force on December 1, 2015

Journal is included into **Web of Science Core
Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian
and international databases: **Russian Science Citation
Index**; **MLA (USA)**, **CrossRef (USA)**, **DOAJ
(Sweden)**, **EBSCO (USA)**, **ProQuest (USA)**, **ERIH
PLUS (Norway)**, **CiteFactor (Canada)**, **COPAC* (Great
Britain)**, **Google Scholar (USA)**, **Journalindex.net
(USA)**, **JournalSeek (USA)**, **ULRICHSWEB™ Global
Serials Directory (USA)**, **OCLC WorldCat® (USA)**,
SHERPA/RoMEO (Spain), **MIAR (Spain)**, **ZDB
(Germany)**, **“CyberLeninka” Scientific Electronic
Library (Russia)**, **“Socionet” Information Resources
(Russia) et al.**

Address of Editorial Office

Prospect Universitetsky 100, Volgograd, 400062.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal Website: <http://l.jvolsu.com>

English version of Website: <http://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Editorial Staff:

Prof. Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)
Prof. Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)
Prof. Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)
Prof. Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary and Copy
Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof. Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik); Prof. Dr. *N.S. Bolotnova*
(Tomsk); Prof. Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);
Prof. Dr. *S. S. Vogeler* (Brussels, Belgium); Prof. Dr.
V.Z. Demyankov (Moscow); Prof. Dr. *N.N. Zapolskaya*
(Moscow); Prof. Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);
Prof. Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd); Prof. Dr. *V.I. Karasik*
(Volgograd); Prof. Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);
Prof. Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia); Prof.
Dr. *L.P. Krysin* (Moscow); Prof. Dr. *O.A. Leontovich*
(Volgograd); Prof. Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);
Prof. Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Volgograd); Prof. Dr.
O.N. Prokhorova (Belgorod); Prof. Dr. *V.I. Terkulov*
(Donetsk, Ukraine); Prof. Dr. *E. Hoffmann* (Vienna,
Austria); Prof. Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd); Prof.
Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland), Dr. *R. Schmitt*
(Mannheim, Germany)

Editor, Proofreader: *V.E. Ilyashenko*

Editor of English texts: *I.D. Volkova*

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing 09.07.2018.

Date of publication 27.07.2018. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 16,3. Published pages 17,5.

Number of copies 500. Order . «C» 13.

Published in the Publishing House
of Volgograd State University.

Bogdanova St. 32, Volgograd, 400062.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2018. Т. 17. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера:

«Лингвистика текста: современные подходы»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25016 от 29 июня 2006 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**; **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <http://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <http://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шентухина* – главный редактор (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)

д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)

канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);

д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);

д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);

д-р филол. наук, проф. В.З. Демьянков (г. Москва);

д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. Н.Н. Запольская (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. Д.Ю. Ильин (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);

д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);

д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохватилова* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);

д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);

д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);

д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);

д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редактор, корректор *В.Е. Ильяшенко*

Редактор английских текстов *И.Д. Волкова*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 09.07.2018 г.

Дата выхода в свет 27.07.2018 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,3.

Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 500 экз. Заказ . «С» 13.

Отпечатано в издательстве

Волгоградского государственного университета.

400062 Волгоград, ул. Богданова, 32.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

«ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ»

<i>Ионова С.В.</i> Лингвистика текста в стремлении к точности и широте	6
<i>Киров Е.Ф.</i> Текст и дискурс в семиотическом соотношении	15
<i>Матвеева Г.Г., Зюбина И.А.</i> Письменный текст: подходы к выявлению скрытой прагматики	26
<i>Рябцева Н.К.</i> Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия»	33
<i>Фатеева Н.А.</i> Грамматические инновации в современной поэзии как проявление лингвокреативности	44
<i>Иссерс О.С.</i> Новые типы текстов в сфере гостиничного бизнеса	53

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Ваулина С.С., Кукса И.Ю.</i> Лингвистические стратегии реализации побудительной модальности в политическом лозунге и рекламном слогане	63
<i>Ильин Д.Ю., Соломка Н.А.</i> Принципы формирования значения отсубстантивных глаголов	74
<i>Хлопова А.И.</i> Изменения в лексическом значении слова <i>дело</i> (по данным ассоциативного эксперимента)	82

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

<i>Прохорова О.Н., Матыцина М.С.</i> Дискурсивные стратегии портретирования иммигрантов и механизмы их осуществления	90
<i>Соловьева Е.А.</i> Аргументативные стратегии современного французского военного дискурса	97
<i>Дзюба А.В.</i> Объектно-ориентированная классификация игры слов в рекламе (на материале испанского языка)	107

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Костева В.М.</i> Языкознание Албании и Румынии в тоталитарный период государственного устройства	116
<i>Неровная Н.А.</i> Содержание концепта «толерантность» в английском языковом сознании: динамический аспект	126
<i>Попова О.В.</i> Особенности речевого поведения личности интровертного и экстравертного типа в парламентском дискурсе	134

ДИСКУССИИ

<i>Иванников Е.Б.</i> Метаязыковое сознание: структура и содержание понятия	143
<i>Шмитт Р., Филер Р., Ендич С.</i> «Размышления вслух» как метод сбора данных и основа когнитивного анализа [<i>На нем.</i>]	151

РЕЦЕНЗИИ

<i>Кушнерук С.П.</i> Особенности официальной коммуникации в профессиональных социумах (Рец. на кн: <i>Бойченко, В. В.</i> Культура речи сотрудников органов внутренних дел. Составление служебной документации [Текст] : учеб. пособие / <i>В. В. Бойченко.</i> – Волгоград : ВА МВД России, 2016. – 88 с.)	170
--	-----

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE: TEXT LINGUISTICS: MODERN APPROACHES

<i>Ionova S.V.</i> Text Linguistics in the Struggle for Precision and Comprehension Coverage	6
<i>Kirov E.F.</i> Text and Discourse in a Semiotic Relationship	15
<i>Matveeva G.G., Zyubina I.A.</i> Written Text: Approaches to Identifying Implicit Pragmatics	26
<i>Ryabtseva N.K.</i> Academic Paper Titles and Their Dominating Patterns: a Russian-English Perspective	33
<i>Fateeva N.A.</i> Grammatical Innovations in the Modern Poetry as Manifestation of Linguistic Creativity	44
<i>Issers O.S.</i> New Types of Texts in Hotel Business	53

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

<i>Vaulina S.S., Kuksa I.Yu.</i> Linguistic Strategies and Realization of Incentive Modality in Political Slogan and Advertising Slogan	63
<i>Ilyin D.Yu., Solomka N.A.</i> On Principles of Meaning Formation in Denominal Verbs	74
<i>Khloпова A.I.</i> Defying the Changes of Lexical Meaning in the Associative Experiment (on the Example of Lexeme <i>Delo</i>)	82

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

<i>Prokhorova O.N., Matysina M.S.</i> Discursive Strategies for Portraying Immigrants and the Mechanisms of Their Implementation	90
<i>Solovyeva E.A.</i> Argumentative Strategies in Contemporary French Military Discourse	97
<i>Dzyuba A.V.</i> Subject-Oriented Classification of Puns Used in Spanish-Speaking Advertisements	107

MATERIALS AND REPORTS

- Kosteva V.M.* Linguistics of Albania and Romania
in the Period of Totalitarian Society..... 116
- Nerovnaya N.A.* A Comparative Diachronical Analysis
of the Concept *Tolerance*
in the English Language Speakers Consciousness 126
- Popova O.V.* Speech Behaviour
of Introvert and Extrovert Personality Types
in the Parliamentary Discourse 134

DISCUSSIONS

- Ivannikov E.B.* Metalanguage Consciousness:
Structure and Content of the Concept 143

- Schmitt R., Fiehler R., Öndüç S.* ‘Thinking Aloud’
as a Tool for Data Collection and Basis for Analysis
[*Schmitt R., Fiehler R., Öndüç S.* Exothese
als Erhebungsmethode und Analysegrundlage]..... 151

REVIEWS

- Kushneruk S.P.* Peculiarities
of the Official Communication
in Professional Communities (Book Review:
Boychenko V. V. *Kultura rechi*
sotrudnikov organov vnutrennikh del. Sostavlenie
sluzhebnoy dokumentatsii [Tekst] : ucheb. posobie
/ V. V. Boychenko. – Volgograd :
VA MVD Rossii, 2016. – 88 p.)..... 170

www.volsu.ru

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.1>

UDC 81'42
LBC 81.055.1

Submitted: 07.05.2018
Accepted: 04.06.2018

TEXT LINGUISTICS IN THE STRUGGLE FOR PRECISION AND COMPREHENSION COVERAGE

Svetlana V. Ionova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the latest tendencies in the development of text linguistics, defines the importance of linguistics being focused to studies of various text types. Having considered the issue of text linguistics status in the 20th and the early 21st centuries the author underlines it that text linguistics should be referred to a socially significant area of knowledge which reflects a great demand for text variations in modern communication practices. It is stated that in a modern text linguistics paradigm the notion of the text embraces both limited and receptive approaches which open ways to text analysis directed “from form to meaning” and “from meaning to form” thus providing opportunities for overcoming the text producer’s subjectivity and asymmetry in verbalizing personal ideas. Being a humanitarian field of knowledge text linguistics can’t be referred to a science with accurate tools of measurement. However, its latest development is marked with a trend of accuracy and exactness in research procedures, distinguished meta-language, categories and units of studies. In conclusion the author underlines it that the latest trends in social communications present new objects for investigations, and text linguistics with its combinations of research techniques could be efficient in meeting challenges resulted from new text forms appearance.

Key words: text, text linguistics, discourse, method, text communication, social communication.

Citation. Ionova S.V. Text Linguistics in the Struggle for Precision and Comprehension Coverage. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 6-14. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.1>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 07.05.2018
Дата принятия статьи: 04.06.2018

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА В СТРЕМЛЕНИИ К ТОЧНОСТИ И ШИРОТЕ

Светлана Валентиновна Ионова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье характеризуются современные тенденции развития лингвистики текста, обосновывается важность лингвистического подхода к исследованию текстовых произведений разных типов. Рассматривается проблема определения статуса лингвистики текста в XX и начале XXI века. Лингвистика текста, по мнению автора, представляет собой социально значимую область знания, востребованную практикой современных социальных коммуникаций. Продемонстрировано, что современное состояние лингвистики текста позволяет соединять узкий и широкий подходы к пониманию текста, проводить анализ в направлении «от формы к смыслу» и «от смысла к форме», преодолевать асимметрию и субъективизм автора при вербализации замысла. Будучи гуманитарной областью знания, лингвистика текста не является точной наукой, но

© Ионова С.В., 2018

в истории ее развития отмечается тенденция к точности исследовательских процедур, метаязыка, категориального аппарата, единиц анализа. На примере новых работ в области лингвистики текста показано, что предмет изучения этой науки значительно усложнился. В то же время объединение исследовательских методик теории текста и теории дискурса позволяет сегодня этой науке решать сложные задачи, связанные с описанием и анализом новых текстовых явлений, востребованных практикой.

Ключевые слова: текст, дискурс, лингвистика текста, точные науки, метод, социальная коммуникация, текстовая коммуникация, тенденция развития.

Цитирование. Ионова С. В. Лингвистика текста в стремлении к точности и широте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 6–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.1>

Введение

Понятие текста в современной лингвистике распространяется на все знаковые образования, включая в объект изучения визуализированные произведения, произвольно организованные речевые высказывания (например, естественная письменная речь), транслируемые по разным каналам восприятия и направленные на обслуживание разных сфер современной жизни. Давний спор ученых – сторонников узкого и предельно широкого понимания текста – сегодня получает примиряющее решение. Текст как объект изучения в современном языкознании наделяется свойством всеобщности («внетекстовой реальности не существует») [Деррида, 2000, с. 313], способности «определять характер сообщества» [Elmoge, 1992, p. 2], являться «конденсатором культурной памяти» [Лотман, 1996, с. 10], существовать в контексте сверткста культуры. В то же время не потерял своей актуальности семиотический подход к исследованию текста как сложного знака, многоканального транслятора смыслов, упорядоченного единства, дающего возможность для изучения внутреннего устройства текстовых произведений разных типов, оптимизации их знаковых возможностей, разработки новых моделей кодирования социально и личностно значимых смыслов.

К постановке проблемы

Приметой нашего времени стало усиление разнонаправленных тенденций в понимании и изучении текста, которые сегодня не являются антагонистическими, а определяют диалектическое единство природы текста как сложного знакового, социального и культурного

феномена. С одной стороны, новые компьютерные технологии позволяют перейти от обмена готовыми текстами к моделированию естественной коммуникации с включением человека в социально-культурный контекст взаимодействия, вследствие чего значительно размываются границы традиционного понимания текста и дискурса. С другой стороны, формирование сетевого текстового пространства, знаковой среды существования человека стимулирует постоянное совершенствование процедур кодирования информации, ее интерпретации и хранения, что определяет важность разработки максимально точных методов анализа текстов, их переработки и хранения. Таким образом, стремление современной лингвистики текста, с одной стороны, к широте – к постановке и решению задач, востребованных социальной практикой, а с другой стороны, к точности процедур описания и воспроизведения информации позволяет выявить новое, не отмеченное ранее качество этой отрасли знания в XXI веке [Ионова, 2012].

Есть такая наука

И.Р. Гальперин в своей книге «Текст как объект лингвистического исследования» еще в 1980 г. отмечал, что лингвистика текста стала одной из наиболее актуальных проблем отечественной науки [Гальперин, 1981]. Однако традиционный уровневый подход в языкознании предполагал, что прийти к осознанию текста как лингвистического феномена можно только «снизу», от предложения, найдя среди традиционных языковедческих проблем такие, разрешение которых невозможно без выхода за пределы предложения. Наука 30–70-х гг. XX в. заложила основы для выделе-

ния лингвистики текста в самостоятельную дисциплину, имеющую самостоятельный объект и предмет изучения. Вышедший в 1978 г. под редакцией Т.М. Николаевой восьмой выпуск книги «Новое в зарубежной лингвистике», посвященный проблемам лингвистики текста, ознаменовал собой завершение этапа первичной систематизации знаний о тексте и наметил перспективы лингвистики текста как самостоятельной отрасли науки [Демьянков, 2005, с. 35].

К концу XX в. представление о тексте как о линейной последовательности знаков языка, которые позволяют кодировать информацию о многомерном пространстве жизни, получило закрепление во многих определениях (см.: определения текста, предложенные в работах Э. Бенвениста, Р.А. Будагова, Т.М. Николаевой, О.И. Москальской, Л.Н. Мурзина, А.С. Штерн и др.), утверждая первичность подхода к изучению текста в направлении «от формы к смыслу». В многочисленных концепциях текста, рожденных в недрах уровневого описания языковых явлений, предлагаемые модели текстообразования и понимания текста, разработка структурной модели содержания, типологизация речевых произведений, проводимая по разным основаниям, во многом способствовали формированию современных представлений о тексте как сложном, многомерном образовании, точному и непротиворечивому описанию его свойств и особенностей функционирования.

В это же время рассматриваемый феномен стал осмысливаться и в ином направлении – с позиций психолингвистики и когнитивной лингвистики, где процессы текстообразования изучаются в направлении «от смысла к форме» (Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, А.И. Новиков, Л.В. Сахарный и др.) и на первый план вместо категории связности выходит категория цельности. Как показывают исследования ученых, функционально эти свойства текста являются выражением разных аспектов одной сущности и отражением особенностей право- и левополушарного устройства головного мозга человека [Сахарный, 1991, с. 223].

К концу XX в. лингвистика текста обособывается как социально значимая область знания, востребованная практикой [Дридзе, 1984]. В начале XXI в. текстовые

компетенции уже вторгаются в житейский опыт, а научные знания о природе текста – в обыденные представления носителей языка, выступая в качестве интегративного качества личности, показателя развития ее культуры. Под текстовой компетенцией понимается целый комплекс знаний и умений, нацеленных на первичную и вторичную текстовую деятельность: 1) знание действительности, умение отражать ее в слове при текстообразовании и понимать на основе интерпретационной деятельности; 2) умение проявлять свой взгляд на мир, свою творческую индивидуальность в выборе жизненного материала и его отражении в слове; осознание индивидуального авторского стиля; 3) знания о сферах общения, ситуациях, условиях общения и умение учитывать это при текстообразовании и восприятию текста; 4) знание об адресате и умение учитывать фактор адресата в процессе текстовой деятельности; 5) знание языковых ресурсов, умение их отбирать, организовывать в процессе текстовой деятельности [Жеребило, 2011, с. 87].

Вопрос о статусе данной науки сегодня не стоит, он безусловно признается лингвистами. Текст как когнитивная и коммуникативная единица выступает ярким признаком антропоцентризма и одним из основных объектов исследования в антропоцентрическом языкознании [Кубрякова, 1995, с. 148]. Тезис М.М. Бахтина «текст – первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [Бахтин, 1986, с. 308] не только приобрел актуальный смысл, но и мотивировал переосмысление предмета самого языковедения на современном этапе [Филиппов, 2003, с. 9].

«Неточных» наук быть не может

Лингвистика текста является одной из важнейших отраслей языкознания, позволяющих изучать разные способы представления знания и формирования смысла в речевых произведениях, а также механизмы восприятия и понимания заданного содержания. В тексте находят применение и реализацию все ресурсы языковой системы, все средства и способы выражения содержания. Однако сложность внутреннего устройства текста,

многоаспектность его содержания, недостаточно определенный статус единиц и категорий, отсутствие структурных методов исследования текстовых произведений на начальных этапах развития этой отрасли языкознания не позволяли в достаточной мере формализовать лингвистическое описание анализируемых текстов, выявить специфические для лингвистики подходы их исследования, унифицировать метаязык описания и анализа. Нередко в рамках лингвистического изучения текста происходило заимствование методик смежных наук: литературоведческого анализа, контент-анализа, герменевтической интерпретации и др. Все это создавало впечатление отсутствия точности и определенности в исследовании текстовых произведений, субъективности результатов, получаемых в ходе их анализа.

Вероятно, именно данные причины вызвали дискуссию о лингвистическом статусе текста, о возможности выделения текстолингвистики в отдельную область знания. В работах профессора А.Т. Кривоносова данный период в развитии лингвистики текста называется «очередным этапом лингвистических заблуждений» [Кривоносов, 1986, с. 36], сама наука – «описательно-спекулятивной», пользующейся дилетантскими методами [Кривоносов, 1986, с. 36]. Подобные дискуссии в науке последней трети XX в. по сути сводились к «старому спору – в каком стане быть лингвистике?» [Будагов, 1972, с. 402]: точных наук или гуманитарных.

Высказывая мнение по поводу научного статуса языкознания в целом, Р.А. Будагов писал: «В подобном представлении, чтобы стать точной, наука должна лишиться своего гуманитарного аспекта. <...> Защитник приведенного тезиса даже не подозревает, что любая гуманитарная наука может весьма успешно развиваться, вовсе не лишаясь своего гуманитарного характера» [Будагов, 1972, с. 403]; «Каждая наука оперирует своим понятием точности, причем в пределах каждой, отдельно взятой науки подобная точность может быть максимальной даже независимо от того, одинаково или неодинаково истолковывают разные ученые основы данной науки. Поясним сказанное. Едва ли кто-нибудь станет сомневаться в точности теории относи-

тельности, сыгравшей выдающуюся роль в физике XX столетия» [Будагов, 1972, с. 403]. Рассуждения ученого в значительной степени можно отнести к определению характеристик лингвистики текста.

В продолжение высказывания А.Р. Будагова отметим, что, несмотря на фундаментальный принцип познания как достижения определенности, гносеологически освоение мира и представление о нем опосредуется механизмами аппроксимации, под которой принято понимать «метод сознательного упрощения “слишком точного” теоретического знания с целью привести его в соответствие с потребностями и возможностями практики» [Левин, 2010]. Как гуманитарная область знания лингвистика текста в значительной степени антропоцентрична, несводима к абстрактным строгим структурным моделям, характерным, например, для единиц фонетического уровня языка. В этой области знания во многом пересматриваются традиционные подходы к изучению «укрупненных» лингвистических единиц: любой текст – это произведение человеческой деятельности (текстовой, познавательной, эмоциональной); человек всегда пристрастно отражает действительность; внутреннее устройство текста позволяет реализовать этот пристрастный взгляд на мир. Однако поскольку изображения объекта или представления о нем не могут быть истинными как таковые, вне соответствия, совпадения с отражаемым, то признается, что при определении истинности существенным является акцентирование внимания на отличии реальности от представления, изображения. Таким образом, лингвистика текста с самого начала имеет дело со смысловым сдвигом, в то же время критерии точности в ней не «расшатываются» даже тогда, когда «основы данной науки различно истолковываются в различных теоретических школах» [Будагов, 1972, с. 403].

Современный этап развития этой отрасли языкознания демонстрирует объективное движение к разработке более точных методов и подходов к анализу текстовых произведений, к установлению лингвистических признаков, позволяющих с достаточной степенью определенности интерпретировать их содержание и смысл, к конкретизации и детализа-

ции описания текста как сложного и многоаспектного явления с опорой на языковые единицы. Ярким примером подобных исследований стала разработка важнейших категорий текста и их реализаций в разных коммуникативных контекстах и типах речевых произведений.

Наиболее сложным вопросом, связанным с точностью воспроизведения и понимания смысла текста, является дифференциация понятий «содержание» и «смысл», изучение понятия смысловой доминанты. Введенный К. Харди термин «смысловая доминанта» применяется для описания смысловых процессов восприятия текста. В работах психолингвистов конца XX в. получают определение такие термины, как «смысловая вежа», «опорная точка», «креативный аттрактор» текста, которые понимаются как поля, смысловые области, формирующиеся вокруг доминантных лексем [Герман, Пищальникова, 1999; Залевская, 2001]. В контексте синергетической концепции текста смысловые доминанты текста рассматриваются в качестве динамических единиц: смысловая «зона гармонизации симметрии и асимметрии, организации и самоорганизации текста, зона притяжения всех элементов текста, позволяющая ему существовать как целому, одновременно допуская возможность его прерывания в состоянии относительной стабильности и перехода к иному состоянию» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 55].

Применение разработанных принципов выявления смысловых доминант к анализу научных текстов представлено в работе Н.К. Рябцевой «Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые несоответствия», включенной в данный номер журнала: на основе сопоставления доминирующих смыслов русскоязычных названий научных статей и их переводов на английский язык продемонстрированы способы смещения смысловой доминанты, нарушения смысловой точности при воспроизведении интенций и целей автора, стиливых особенностей оригинала.

В центре научных интересов лингвистов в XXI в. остается исследование художественного текста, воплощающего в себе все языковые и речевые возможности автора при реализации замысла. В отличие от начальных

этапов развития лингвистики текста, сегодня художественный текст рассматривается как сложное, многоуровневое речевое произведение, которое, однако, имеет конститутивные признаки, свойственные любым другим текстам, и может анализироваться с применением разработанных для них объективных методов лингвистического анализа. Это дает возможность рассматривать в качестве предмета исследования в том числе экстралингвистические категории произведения, которые ранее в лингвистике не изучались. Так, в центре статьи Н.А. Фатеевой, вошедшей в данный номер журнала, находятся вопросы языковой креативности автора поэтического текста, которая исследуется с применением лингвистического анализа грамматических единиц как маркеров текстовой деятельности автора. Демонстрируется, что продуктивность и парадигматичность авторских новообразований тесно связана с моделями языковой деривации, а их использование дает возможность каждому пишущему реализовать себя в индивидуально-авторских формах.

Точность языка художественной литературы – явление особое, обладающее своими критериями. Анализ формы текста, совершенствование методов описания здесь должно стремиться к полноте и структурной определенности, хотя однозначность интерпретации авторского смысла зачастую невозможна, нефункциональна, не соответствует типу дискурса. Данный аспект художественного текста требует от исследователя применения комплекса методов в рамках антропоцентрической методологии в языкознании, а для адресата составляет отдельный вид текстовой деятельности: «Чтение книг, то есть их дешифровка, – это напряженная работа, которой надо специально обучать, но зато получаемые сведения становятся частью сознания и мировоззрения личности» [Костомаров, 2010, р. 145].

Широта социальных коммуникаций и текст

Известно, что верная теория всегда порождает мысли, простирающиеся к приращению общественной пользы» (М.В. Ломоносов). Акцентирование внимания ученых на взаимо-

связи языка и жизни – это не просто метафора, а основной принцип научной деятельности, востребованный современной практикой. Практическая значимость речевых произведений как объектов лингвистики текста состоит в обеспечении текстовой коммуникации в обществе, под которой понимается «обмен действиями порождения и интерпретации текстов, в ходе которой выясняется, способны или не способны люди понимать друг друга» [Дридзе, 1984, с. 145].

Тексты сопровождают процессы коммуникации, информационных обменов, которые сегодня уже не могут быть сведены к трехэлементной схеме К. Шеннона (автор – сообщение – получатель). Они обеспечивают биологическое и социальное существование человека, его ориентацию в информационной среде, поэтому такие практические умения, как понимание содержания текста, оформление в виде документа, пересказ с иными целями, конспектирование или тезисное изложение, составление резюме и т. д., – входят в число формируемых умений и навыков.

Речевые произведения сегодня приобретают ценность не только с позиций современной теории языка, но и в прикладном аспекте, в плане реализации их в междисциплинарных областях: в сферах издательской деятельности и документалистики; электронной коммуникации и компьютерного дела; массовой коммуникации и информационного менеджмента; в юридической практике и автороведении; психодиагностической и лингвотерапевтической сферах; корпусной лингвистике и др.

Значительное расширение сферы функционирования текстов обусловило появление в терминологическом базисе этой науки понятия «дискурс», которое было призвано акцентировать внимание исследователей на динамическом аспекте текстообразования, его включенности в жизнь [Арутюнова, 1990]. В современной лингвистике накоплен багаж знаний, связанных с дискурсивной теорией и практикой: выработаны функциональные определения дискурса, охарактеризованы его типичные элементы, разработаны типологии дискурсов по разным основаниям; описаны многочисленные дискурсивные практики в

разных сферах межличностной и институциональной коммуникации.

Одним из важных вопросов, касающихся современной теории дискурса, является соотношение этого понятия с понятием «текст». Несмотря на значительную теоретическую разработанность этого вопроса, он остается открытым в связи с возникновением новых сфер коммуникации, требующих внесения корректив в существующие представления о речевой и текстовой коммуникации (например, развитие сферы компьютерной коммуникации, сетевого общения со свойственной им устно-письменной формой фиксации информации, изменением форм существования текста, имитацией непосредственного общения).

Следуя принципу «любой текст может быть осуществлен в любой форме» [Костомаров, 2010, р. 143], автор вправе самостоятельно выбирать форму воплощения своих интенций. При этом решающее значение в выборе адекватной, уместной и эффективной формы их выражения приобретают дискурсивные условия осуществления взаимодействия между автором и адресатом. Таким образом, обращение к теоретическим вопросам лингвистики текста неразрывно связано с изучением вопросов теории дискурса. Подобный подход представлен, например, в статье Е.Ф. Кирова «Текст и дискурс в семиотическом соотношении», включенной в данный номер журнала: автор утверждает, что текст представляет собой знак дискурса и обязательно существует в одной из коммуникативных позиций – сильной, слабой или сверхслабой, а предельным совпадением текста и дискурса является перформативный дискурс и текст.

Проблема зависимости форм текстов от дискурсивных сфер их функционирования сегодня приобретает особую актуальность, поскольку современная жизнь предоставляет все больше возможностей для формирования новых информационных и коммуникативных пространств, в которых образуются новые, ранее не востребованные типы текстов. Исследуя сферу гостиничного бизнеса, О.С. Иссерс (см. ее статью в данном номере журнала) пришла к выводу о том, что в его дискурсивном пространстве не просто апробируются новые формы текстов, а складывается це-

лая система новых жанров: *путеводитель по отелю, тексты экологической направленности, «жанры заботы»*; существующие жанры обогащаются новым содержанием, приобретая коммуникативно-прагматическую специфику в новом дискурсе (*тексты буклетов и иных информационных материалов, размещаемых в номере отеля*), иллюстрируя тезис о том, что дискурсивные практики всегда функционируют в диалектическом взаимодействии с другими социальными практиками.

Совокупность признаков текста, которые обеспечивают относительную независимость от ситуации общения и его воспроизводимость, позволяет охарактеризовать текстовое произведение как «упакованную коммуникацию» [Дымарский, 2001, с. 35], в которой в снятом виде, при помощи знаков языка представлены все основные параметры коммуникативной ситуации (образ автора, образ адресата, характер сообщения, языковой код, характер контакта между автором и потенциальным адресатом, отношение к контексту других сообщений). Таким образом, текст вне дискурсивных условий способен отражать коммуникативные стратегии и тактики участников коммуникации, изучение которых требует применения специальных лингвистических подходов к анализу материала.

Один из таких подходов, имеющих социально значимые цели, предполагает разработку комплекса лингвистических приемов, направленных на выявление скрытой прагматики текста, состоящей в неосознанном использовании автором специальных языковых и речевых средств, которые предназначены для воздействия на читателя (см. статью Г.Г. Матвеевой и И.А. Зюбиной в данном номере журнала). Ученые отмечают зависимость организации письменного текста от выбора жанра (научный, научно-популярный и учебный), от ориентации автора на единичного или массового адресата, от вида (эмотивного или конативного) планируемого речевого воздействия, от стратегии скрытого воздействия и экстралингвистических факторов. Таким образом, даже прямо не вербализуемые коммуникативные стратегии и тактики автора текста сегодня получают достаточно точное лингвистическое

описание, основанное на применении объективных методов лингвистического анализа.

В социальном контексте процессы текстообразования приобретают черты сознательного действия автора по «конструированию смыслов» [Дридзе, 1984, с. 42–43]. В указанном аспекте сегодня изучается и такое сложное явление вербального взаимодействия, как эмоционально опосредованная коммуникация. Осознанность и контролируемость в демонстрации эмоций может осуществляться с разными стратегическими целями: воздействия на окружающих, демонстрации лояльности, доброжелательности, предупреждения возможного конфликта, – где она выполняет социальную функцию: повлиять на восприятие собеседником ситуации и на ее понимание [Ларина, 2003, с. 166].

В силу динамичности эмоциональных процессов и сложной кластерной природы эмоций их непосредственное проявление в дискурсивных условиях не всегда адекватно переводится в вербальные формы. В связи с этим ученые все чаще обращаются к традиционному материалу – текстам сложной структуры, художественным текстам, в которых зафиксированы эмоциональные явления в их многоаспектности. Так, в работах Л.А. Калимуллиной отрабатываются формы анализа и описания типичных моделей эмоционально опосредованных ситуаций страха, включающих такие частные признаки, как *‘предметность эмоции’*, *‘внутренняя / внешняя причинная обусловленность’*, *‘связь с интеллектуальной и волевой сферами’* и др.; *‘временная актуализованность (эпизодичность) / вневременность (стабильность)’*, *‘статичность / динамичность’*, *‘фазисность протекания’* и др. [Калимуллина, 2002]. Параметризация эмоциональных коммуникативных ситуаций осуществляется на основе учета дискурсивных условий, однако форма воплощения эмотивной информации здесь текстовая, позволяющая использовать комплекс дискурсивных методов, а также методик текстового анализа.

Выводы

Известно, что толкование эмпирических фактов только тогда считается научным, ког-

да это толкование становится объективным и получает возможность стать общепризнанным. Современная лингвистика текста в ее стремлении к точности метаязыка, единиц описания, категорий, исследовательских методик за короткий промежуток времени достигла значительных результатов и по праву считается сегодня объяснительной отраслью науки, достижения которой востребованы в практике социальных коммуникаций и других прикладных сферах жизнедеятельности человека.

Свидетельством значительного прогресса в изучении процессов текстообразования, текстопреобразования и понимания текста является объективная готовность этой науки, обогащенной теорией дискурса, изучать самые сложные знаковые явления – от текстов-примитивов [Сахарный, 1991] как моделей свернутой формы существования смысла до текста как «абсолютной тотальности» [Деррида, 2000]; исследовать многообразные семантические и прагматические стратегии перевода события в текст; фиксировать бесконечно вариативные способы вербализации информации о действительности; объективировать субъективные модели коммуникативных ситуаций; преодолевать неизбежную асимметрию реальной и отраженной в тексте информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1990. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 136–137.
- Бахтин М. М., 1986. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство. 445 с.
- Будагов Р. А., 1972. О предмете языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXI, вып. 5. С. 401–412.
- Гальперин И. Р., 1981. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука. 138 с.
- Герман И. А., Пищальникова В. А., 1999. Введение в лингвосинергетику. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 130 с.
- Демьянков В. З., 2005. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М. : Языки славянских культур. С. 34–55.
- Деррида Ж., 2000. О грамматологии. М. : Ad Marginem. 511 с.
- Дридзе Т. М., 1984. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М. : Наука. 268 с.
- Дымарский М. Я., 2001. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX–XX вв. М. : Эдиториал УРСС. 328 с.
- Жеребило Т. В., 2011. Термины и понятия: методы исследования и анализа текста : слов.-справ. Назрань : Пилигрим. 108 с.
- Залевская А. А., 2001. Текст и его понимание. Тверь : Изд-во ТГУ. 178 с.
- Ионова С. В., 2012. Направления современных исследований текста // Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда : коллектив. моногр. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 195–212.
- Калимуллина Л. А., 2002. Фреймовый подход к анализу эмотивной лексики в художественном тексте // Реальность, язык и сознание : Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та. С. 328–331.
- Костомаров В. Г., 2010. Дисплейный текст как форма сетевого общения // Russian Language Journal. Iss. 60. Divergent Thinking: Prospectives on the Language Enterprise in the 21st Century. P. 141–147.
- Кривоносов А. Т., 1986. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношений языка и мышления // Вопросы языкознания. № 6. С. 23–37.
- Кубрякова Е. С., 1995. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века : сб. ст. М. : ИЯ РАН, 1995. С. 144–238.
- Ларина Т. В., 2003. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М. : Изд-во РУДН. 316 с.
- Левин Г. Д., 2010. Аппроксимация // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль. Т. 1. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH6747acdc7baf38e6cfee67>.
- Лотман Ю. М., 1996. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Школа «Языки русской культуры». 464 с.
- Сахарный Л. В., 1991. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М. : Наука. С. 221–237.
- Филиппов К. А., 2003. Лингвистика текста : курс лекций. СПб. : Изд-во СПб. ун-та. 336 с.
- Ellmore Terry R., 1992. Mass Media Dictionary. Special edition. National Textbook company. Lincolnwood, Illinois, USA : National Textbook company. 668 p.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1990. Discourse. Yartseva V.N., ed. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 136-137.
- Bakhtin M.M., 1986. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, Iskusstvo Publ. 445 p.
- Budagov R.A., 1972. On the subject of linguistics. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, vol. XXXI, iss. 5, pp. 401-412.
- Galperin I.R., 1981. *Text as an object of linguistic research*. Moscow, Nauka Publ. 138 p.
- German I.A., Pishchalnikova V.A., 1999. *Introduction to linguosynergetics*. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta. 130 p.
- Demyankov V.Z., 2005. Text and discourse as terms and as words of everyday language. Toporov V.N., ed. *Yazyk. Lichnost. Tekst: sb. st. k 70-letiyu T.M. Nikolaevoy*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur, pp. 34-55.
- Derrida J., 2000. *About grammatology*. Moscow, Ad Marginem Publ. 511 p.
- Dridze T.M., 1985. *Text activity in the structure of social communication: the problems of semio-sociopsychology*. Moscow, Nauka Publ. 268 p.
- Dymarskiy M.Ya., 2001. *Problems of text formation and fiction text: based on the Russian prose of the 19th – 20th cc*. Moscow, Editorial URSS Publ. 328 p.
- Zherebilo T.V., 2011. *Terms and concepts: methods of research and analysis of text. Dictionary and reference book*. Nazran, Piligrim Publ. 108 p.
- Zalevskaya A.A., 2001. *Text and its understanding*. Tver, Izd-vo TGU. 178 p.
- Ionova S.V., 2012. Area of modern text research. *Rossiya lingvisticheskaya: nauchnye napravleniya i shkoly Volgograda: kollektivnaya monografiya*. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, pp. 195-212.
- Kalimullina L.A., 2002. A frame approach to the analysis of emotive vocabulary in a fiction text. *Realnost, yazyk i soznanie: Mezhdunar. mezhvuz. sb. nauch. tr.* Tambov, Izd-vo TGU, pp. 328-331.
- Kostomarov V.G., 2010. Display text as a form of network communication. *Russian Language Journal, vol. 60: Divergent Thinking: Prospectives on the Language Enterprise in the 21st Century*, pp. 141-147.
- Krivososov A.T., 1986. Text linguistics and the study of the relationship between language and thinking. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 23-37.
- Kubryakova E.S., 1995. Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of paradigm analysis). *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sb. st.* Moscow, IYa RAN Publ., pp. 144-238.
- Larina T.V., 2003. *The category of politeness in English and Russian communicative cultures*. Moscow, Izd-vo RUDN. 316 p.
- Levin G.D., 2010. Approximation. *New philosophical encyclopedia: in 4 vols. Vol. 1*. Moscow, Mysl Publ. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH6747acdc7baf38e6cfee67>.
- Lotman Yu.M., 1996. *Inside of the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 464 p.
- Sakharnyy L.V., 1991. Texts-primitives and patterns of their generation. *The human factor in language: language and the generation of speech*. Moscow, Nauka Publ., pp. 221-237.
- Fillipov K.A., 2003. *Text linguistics: a course of lectures*. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta. 336 p.
- Eillmore T.R., 1992. *Mass Media Dictionary*. Special edition. Lincolnwood, Illinois, USA, National Texbook company. 668 p.

Information about the Author

Svetlana V. Ionova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

Информация об авторе

Светлана Валентиновна Ионовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2>

UDC 81'22
LBC 81.002

Submitted: 03.04.2018
Accepted: 07.05.2018

TEXT AND DISCOURSE IN A SEMIOTIC RELATIONSHIP

Evgeniy F. Kirov

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The text and discourse are very closely related to each other, the text can be perceived as a sign of discourse in semiotic terms. This means that the text turns into a discourse in the semiosis, i.e. a symbolic situation where the addressee understands (at least minimally) the information in the text as a result of reading or listening and is exposed to a pragmatic effect.

From this it can be concluded that any text is a potential discourse, and discourse is an updated text with the addressee (or addressees), who understood the content of discourse interaction, functioning as a means of achieving certain goals. As soon as the text is being to be perceived by the addressee at the time of reading, it turns into a discourse that transforms the reader or the state of affairs in the world.

The concept of intertextuality entails the concept of mega-text as the totality of all texts on the same topics. In a similar way, we can talk about mega-discourse as the totality of all discourses devoted to one conceptual theme, with mega-discourse consisting of separate discourses recorded in the literature or folklore. The initial calculation of discourses can be started from discourses on one conceptual theme, for example, discourses on love, discourses on happiness, discourses on work, etc. Such discourses can be systematized by taking into account the principle of historicism, that is to start with the first discourse on a certain subject and to continue this line of development and formation of mega-discourse to the latest period, the discourse on the same conceptual theme that has emerged recently.

Key words: semiotics, text, discourse, megatext, megadiscourse, speech act, intertextuality, interdiscursivity.

Citation. Kirov E.F. Text and Discourse in a Semiotic Relationship. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 15-25. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2>

УДК 81'22
ББК 81.002

Дата поступления статьи: 03.04.2018
Дата принятия статьи: 07.05.2018

ТЕКСТ И ДИСКУРС В СЕМИОТИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ

Евгений Флорентович Киров

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимосвязи текста и дискурса. Доказано, что текст может восприниматься как знак дискурса в семиотическом плане: текст превращается в дискурс в условиях семиозиса – знаковой ситуации, когда в результате чтения или слушания адресат понимает (хотя бы минимально) информацию в тексте и подвергается прагматическому воздействию.

Показано, что любой текст – это потенциальный дискурс, а дискурс – это актуализированный текст с адресатом (или адресатами), который понял содержание дискурсивной интеракции, функционирующий как средство достижения определенных целей. Как только текст начинает восприниматься адресатом в момент чтения, он превращается в дискурс, преображающий читателя или положение дел в мире.

По аналогии с взаимосвязанными понятиями интертекстуальности и мегатекста как совокупности всех текстов на одну тему автором устанавливается взаимосвязь понятий интердискурсивности и мегадискурса как совокупности всех дискурсов на одну концептуальную тему. Установлено, что мегадискурс складывается из отдельных дискурсов, зафиксированных в литературе или фольклоре. Исходное исчисление дискурсов предложено начинать с дискурсов на одну концептуальную тему (дискурсы о любви, дискурсы о счастье,

дискурсы о труде и т. д.), затем систематизировать их с учетом принципа историзма: начинать их исчисление с момента появления первого дискурса и проследить линию развития мегадискурса до последнего его элемента, возникшего в последнее время.

Ключевые слова: семиотика, текст, дискурс, мегатекст, мегадискурс, речевой акт, интертекстуальность, интердискурсивность.

Цитирование. Киров Е. Ф. Текст и дискурс в семиотическом соотношении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 15–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2>

Введение

Дискурсу дано много дефиниций [Карасик, 2000; Макаров, 2003; Ревзина, 1999; Серио, 1999 и др.], и это в итоге сделало его предмет расплывчато-определенным, в предельном случае совпадающим с текстом в своей редуцированной дефиниции. Н.Д. Арутюнова понимает дискурс следующим образом: «Дискурс (от франц. *discours* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Д. – это речь, “погруженная в жизнь”. Поэтому термин “Д.”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Мы согласны с таким определением дискурса, однако оговорку о древних текстах мы принять не можем, поскольку вряд ли существует древний текст, который не имеет хотя бы какой-нибудь связи с жизнью в настоящем, то есть не имеет отклика в современных событиях и не является элементом интердискурса как соответствия интертекста (в классическом понимании интертекстуальности Ю. Кристевой, Ж. Деррида и др.).

Очевидная привлекательность идеи интертекстуальности неминуемо должна привести к выделению единицы интертекстуальности, которой мы считаем мегатекст, посвященный одной концептуальной теме. Такие мегатексты в первых своих проявлениях (то есть первых текстах на одну концептуальную тему) возникают в самом начале текстовой

деятельности социума, продолжают формироваться в наше время и продолжают развиваться в будущем. Подобно мегатексту, в коммуникативной жизни социума существует мегадискурс как его соответствие. И в этом случае важно охарактеризовать взаимосвязи таких объектов, как дискурс, текст и семиозис.

Текст как знак дискурса

Не подлежит сомнению, что текст и дискурс тесно связаны друг с другом в семиотическом плане (см., например: [Земская и др., 2010; Серио, 1999]). Текст может пониматься как знак дискурса в семиотической ситуации, когда появляется полный набор коммуникантов с их интенциями, включая прежде всего адресата или адресатов, на которых и направлено текстовое сообщение, при этом в момент восприятия и понимания оно превращается в дискурс, поскольку «обрастает» социогенными обстоятельствами и прагматическим воздействием на адресата. Таким образом, текст функционирует как знак дискурса. Если заранее подготовить некий связный речевой континуум, характеризующийся завершенностью, логичностью, когезией и когерентностью, то возникнет текст, который еще не стал дискурсом, так как не вышел за рамки сознания его создателя, не стал элементом коммуникативной интеракции, потому что не приобрел пока адресата, ради которого и был задуман. Если читатель попадет в семиотическую ситуацию восприятия данного текста, то есть прочтет или прослушает текст про себя или вслух, то этот текст превратится в дискурс, поскольку процесс восприятия и понимания информации будет протекать в реальном времени и при участии адресата, в том числе и автоадресата, если коммуникативная интеракция ведется с самим собой, поскольку воспринятый текст

может изменить самого говорящего и одновременно слушающего, то есть вызвать прагматический (перлокутивный) эффект.

Текст как знак дискурса может приобрести письменную форму, то есть долговременную форму существования. Это означает, что он в любой момент может вновь превратиться в дискурс, если возникнет адресат, который через много веков возьмет книгу в руки и прочтет древний текст, что породит эффект понимания информации, которая содержится в тексте. Следовательно, любой текст, включая древний, – это потенциальный дискурс. Текст может на долгое время «затаиться» и существовать в записанной форме, но как только некто обнаружит его и начнет читать, в результате в какой-то мере изменив свою картину мира под его воздействием, текст сразу превратится в дискурс на момент его чтения или слухового восприятия. Так происходит до бесконечности коммуникативных интеракций адресата и адресанта с участием данного текста.

Спецификой обладает устный текст (например, фольклорный или современный) в виде монолога или диалога, который воспринимается в процессе звуковой коммуникативной интеракции, – это «дискурс он-лайн». Если его не записать, он перестанет существовать как реальность после своего произнесения и переместится в виде фрагментов в память (иногда он запоминается слово в слово, то есть целиком, например, в эпосе или фольклоре). На протяжении многих тысячелетий человечество имело дело преимущественно с таким видом текста, однако возникновение письменности и книгопечатания, но особенно цифровой системы хранения и передачи информации и Интернета существенно изменило дискурсивное общение и породило тотальность коммуникативных интеракций.

Интердискурс и интертекст

Дискурс состоит из высказываний, которые представляет собой в минимальной совокупности и целостности не что иное, как речевые акты (далее – РА). Важно осознать высказывания и РА как составные элементы дискурса, если их рассматривать в плане семиозиса.

Означающим высказывания является реализованное предложение (локуция), означаемым оказывается иллокутивная семантика высказывания (пропозиция), которая формируется в сознании воспринимающего (адресата) при понимании и на основании которой адресат производит изменение в мире или себе самом, что образует перлокутивный эффект дискурсивной интеракции.

Важно отметить то обстоятельство, что в понимаемом смысле высказывания (то есть в пропозиции) информации больше, чем в поверхностной структуре предложения, поскольку в высказывании как единице дискурса актуализируются пресуппозиции – фоновые знания и жизненный опыт адресата. Таким образом, адресат в своем сознании суммирует высказанное и подразумеваемое в целостную смысловую конструкцию, являющуюся иллокуцией высказывания как элемента РА. Именно такое положение дел позволяет понимать предложение как знак высказывания. Подобным образом соотносятся текст и дискурс, то есть следует признать, что текст является знаком дискурса, состоящего из высказываний и речевых актов, при этом в дискурсе информации больше, чем в тексте, в силу активизации пресуппозиций дискурса – фоновых знаний адресата, которые способствуют пониманию (иногда неполному или ложному) дискурса в целом.

Денотатом высказывания как элемента дискурса можно признать перлокутивный эффект, то есть реальное изменение в миропонимании адресата либо изменение в положении дел в реальном мире, выгодное в той или иной степени инициатору дискурса, который и сформировал его в соответствии с конкретной интенцией. В этой связи в качестве основы для описания типов дискурса можно принять типологию речевых актов, разработанную Дж. Серлем, Дж. Остином и Дж. Россом, адаптированную для русского языка акад. Н.Д. Арутюновой.

Информация, которая находится в текстах прошлого, оказывает существенное влияние на дискурс в настоящем, что было открыто И. Кантом в его рассуждениях о времени. Можно сформулировать сильную онтологическую детерминанту, утверждая, что в дискурсе настоящего времени нет и не мо-

жет быть информации, которая хотя бы в зачаточном виде не была заложена в дискурсе, зафиксированном в древних и старых текстах на основе событий прошедших времен. Говоря образно, в дискурсе настоящего прорастает зерно, брошенное в ткань дискурса в прошлом, это зерно родит злак, в котором есть и новое зерно, которое в свою очередь прорастет в будущем – и так до бесконечности.

В предыдущих наших работах мы назвали дискурсом бесконечную цепь сообщений в социальных контекстах на одну концептуальную тему от начала информационного взаимодействия в мире до настоящего времени (см., например: [Киров, 2009]). Целесообразно такую сумму дискурсивных произведений в виде текстов (записанных или запомненных), вставленных в социальные обстоятельства, изменяющие мир и людей при каждом факте восприятия (прочтения или прослушивания этих текстов, превращающихся в такой момент в дискурсы) назвать интердискурсом (об интердискурсе в другом понимании см.: [Чернявская, 2009]). В таком случае собственно дискурсом является отдельное конкретное речевое произведение в виде социализированной коммуникативной интеракции, объединенное когезией и когерентностью, аспектно развивающее одну концептуальную тему, которая «красной нитью» (И.В. Гете) проходит через интердискурс. Естественно, что возникает связь интертекстуальности и интердискурсивности, приводящая к выделению корреляции соотнесенных объектов – интертекста и интердискурса. Примером интертекста как своеобразного знака интердискурса будет вся совокупность текстов, например, о любви (к таким текстам относятся «Сказание о Петре и Февронии», «Евгений Онегин», «Анна Каренина», фольклорные сказания о любви и др.). Каждый из этих текстов в момент чтения или прослушивания превращается в дискурс и влияет на читателя, то есть обладает эффектом дискурсивной перлокуции.

Разновидности дискурса и интердискурс

Подробную типологию дискурсов предложил В.И. Карасик, выделив такие разновидности дискурсов, как институциональный (представительское общение), политический,

административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [Карасик, 2000, с. 28].

М. Фуко в работе «Воля к жизни» выделяет бессубъектный дискурс, состоящий из бесконечно повторяющихся «монад языкового опыта» (по выражению Б.М. Гаспарова). М. Фуко пишет: «Можно предположить, что во всех обществах весьма регулярно существует разноуровневость дискурсов: есть дискурсы, которые “говорятся” и которыми обмениваются изо дня в день, дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны; и есть дискурсы, которые лежат в основе некоторого числа новых актов речи, их подхватывающих, трансформирующих или о них говорящих, – словом, есть также дискурсы, которые – по ту сторону формулирования – бесконечно сказываются, являются уже сказанными и должны быть еще сказаны» [Фуко, 1994, с. 60]. В результате возникает круговорот и грандиозное, нескончаемое и необузданное, по выражению М. Фуко, бурление бессубъектного дискурса, которое, на наш взгляд, способствует формированию интердискурса.

Возвращаясь к вопросу о разновидностях дискурса, можно сказать, что их, на наш взгляд, столько, сколько в картине мира языкового сообщества выделено основных, базовых концептов (например, как в «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанова), исторически формирующих тематическую цепь текстов и дискурсов на одну концептуальную тему [Киров, 2009]. Это первый и начальный этап в типологии дискурсов, на следующем этапе их можно объединять в функциональные поля, аналогичные типам дискурса, выявленным В.И. Карасиком, М. Фуко или О.Г. Ревзиной. Так, о бытовом дискурсе как функциональном поле дискурсов (неинституциональном, по терминологии В.И. Карасика) известно всем, однако он как полевое образование включает в себя разные тематические направления, или концептуальные цепи дискурсов, которые «красными нитями» сквозят через них и развивают одну и ту же тематику одного концепта. Такие дискурсивные цепи и поля характерны по преимуществу именно для бытовой

жизни людей: они, например, развивают концептуальные темы: о пропитании, бытовых условиях, любви и ненависти и т. д. Поскольку мы плетем ткань такого дискурса повсеместно и ежечасно, общаясь между собой, то многие бытовые и спонтанные дискурсы исчезают после их произнесения, однако некоторые из них в частной истории одной семьи, в памяти членов этой семьи могут сохраняться в виде запомненных текстов. Если таким текстам «повезет», то они могут быть систематизированы в сознании великого писателя, в результате возникнут такие шедевры, как «Анна Каренина», «Евгений Онегин» и другие «тексты на все времена». Важно подчеркнуть, что в таких текстах имеется исторический фон в виде прецедентных фрагментов текстов и дискурсов, которые были произнесены или прочитаны в социальных обстоятельствах предшествующего времени.

Иллюстрации обыденного разговорного дискурса на литературном языке можно найти в книге Ю.М. Скробнева «Введение в коллоквиалистику» (1985), а также в издании, подготовленном коллективом авторов под руководством Е.А. Земской «Русская разговорная речь: Тексты» (1978), в работах представителей саратовской школы О.Б. Сиротининой (1983) и др. работах, посвященных описанию феномена русской разговорной речи.

Как особый вид дискурса необходимо рассматривать детский дискурс с его ограниченной концептуальной тематикой (онтодискурс), изучением детской речи занимается отдельная наука – онтолингвистика (см. работы С.Н. Цейтлин (2009) и ее учеников). Весьма специфичен арготический дискурс, который следует изучать особо, поскольку состав концептов и тематика реализующих их дискурсов также строго ограничена (см. работы М.А. Грачева (1997) и др.).

Естественно, что в непрерывной практике дискурсивных интеракций формируется и множество других цепей и полей интердискурса.

Соотношение текстов и дискурсов

Как уже говорилось выше, текст и дискурс не равны по объему передаваемой информации: в тексте ее меньше; часть инфор-

мации в коммуникации уходит в подтекст, в пресуппозиции, фоновые знания, в имплицитную часть дискурса (об этом см.: [Валгина, 2003]).

Из этого следует, что текст и дискурс соотносятся подобно многим языковым единицам и их речевым соответствиям. Так, звук и фонема соотносятся как реально звучащая единица речи и понимаемая, распознаваемая часть фонемного шифра слова [Киров, 1997, с. 414]. Подобным образом соотносятся слово как единица словаря языка и словоформасинтаксема в высказывании со своим значением и смыслом в пропозиции высказывания. Подобное соотношение наблюдается между предложением как единицей языка и высказыванием в коммуникативном плане. Текст и дискурс уместно поставить в этот ряд: текст и дискурс соотносятся подобно предложению и высказыванию с конкретизированным смыслом в рамках речевого акта. Смысл текста сам по себе релятивен и становится понятным только при преобразовании текста в дискурс в момент его восприятия и понимания адресатом, то есть реципиентом РА. Таким образом, дискурс можно определить как актуализированный в реальном времени текст с релятивно воспринятым и индивидуально понятым смыслом, который имеет перлокутивную направленность на адресата в соответствии с интенцией говорящего (пишущего). Таким образом, дискурс как вид деятельности никогда не производится без конкретной интенции, то есть он всегда ориентирован на индивидуального или коллективного адресата с целью достижения практических результатов в реальных жизненных условиях, выгодных адресанту дискурсивной интеракции. Другими словами, дискурс – это актуализированный в реальном времени текст или речевая импровизация в диалоге, которые имеют обязательное прагматическое задание в соответствии с интенцией участников дискурсивной интеракции. Характерной чертой дискурса является релятивно воспринятый смысл, который воздействует на адресата дискурсивной интеракции и на положение дел в мире в реальном времени.

Следуя семиотической теории как основе процесса коммуникации, приходится признать, что текст находится в тесном семиоти-

ческом соотношении с дискурсом, являясь его знаком, и обязательно существует в определенной коммуникативной позиции – сильной, слабой или сверхслабой (о понятии сверхслабой позиции см.: [Киров, 1997, с. 255–262]).

Сильная текстово-дискурсивная позиция предполагает более или менее полное совпадение текста и дискурса. Предельным фактом совпадения текста и дискурса является перформативный дискурс и текст или их фрагменты (Например: *Я объявляю заседание закрытым, все сотрудники свободны*). Такая позиция для текста в коммуникативном пространстве может быть определена как сильная, и он оборачивается в конкретной обстановке его употребления релятивным аналогом дискурса, поскольку замысел говорящего эксплицитно выражен в форме текста и не может быть искаженно понят адресатами коммуникативной трансакции: согласно реальному положению дел сотрудники разойдутся, что и является конечной целью и интенцией председателя собрания. В таком случае между содержанием текста и дискурса имеется более или менее полное соответствие (текст – аналог, то есть знак-копия дискурса, подобно фотографии), то есть текст построен так, что его невозможно понять двояко, следовательно, это соотношение текста можно определить как аналоговое: дискурс с точки зрения воспринятого содержания становится семиотическим аналогом текста.

Однако наша коммуникативная практика отнюдь не всегда состоит из перформативных высказываний и речевых актов, образующих «перформотекст \Rightarrow дискурс», поэтому в реальной коммуникации между текстом и дискурсом нередко возникают иконические, с одной стороны, или символические, с другой стороны, знаковые соответствия. Рассмотрим тот и другой случай по порядку.

Так, текст, в самом содержании которого имеется частичное соответствие со смыслом, который понимает адресат в процессе дискурсивной актуализации в конкретной социальной среде общения, становится иконическим знаком соответствующего дискурса, при этом в воспринимаемом и понимаемом смысле имеются элементы подтекстовой информации, возникающие из пресуп-

позиций, интертекстуальных фоновых знаний, общих для членов коммуникативной интеракции, то есть имеющихся в сознании адресанта и адресата. Примером такого текста являются объявления, сообщения о продаже, законодательные акты, научные статьи и книги, рассказы о жизненных ситуациях, статьи в СМИ, реалистические художественные произведения и т. д. Они могут быть поняты достаточно индивидуально и не в том объеме, который предполагал автор текста, но все-таки более или менее однозначно всеми участниками дискурсивной интеракции. Таким образом, иконические тексты при дискурсивной актуализации в целом приводят к примерно одинаковым перлокутивным эффектам, поскольку смысл сообщений в таких случаях понимается примерно одинаково, именно поэтому с семиотической точки зрения их можно отнести к иконическим знакам соответствующего дискурса. В целом такой текст занимает слабую коммуникативную позицию, выполняя роль означающего, а соответствующий ему дискурс – слабую позицию означаемого в коммуникативной интеракции. При этом слабость такой текстово-дискурсивной позиции обусловлена релятивной трактовкой понимаемого смысла сообщений в процессе дискурсивной интеракции.

В терминах теории речевых актов это соотношение можно описать следующим образом: если текст с содержанием, интенционально задуманным адресантом, выступает как локуция коммуникативной интеракции, то дискурс выступает как иллокутивный объект информационной интеракции. На основании релятивного восприятия смысла текста как иконического знака дискурса могут последовать неоднозначные выводы или реальные действия, что и будет представлять собой релятивную перлокутивную компоненту коммуникативной интеракции с участием текста и дискурса. Другими словами, если в сильной позиции перформативного текста и дискурса невозможно предположить неоднозначный перлокутивный эффект, то в слабой позиции иконического текста как знака соответствующего дискурса могут возникать индивидуально понятые смыслы или оттенки смыслов, что уже не приводит к однозначному перлокутивному эффекту (некоторые участни-

ки дискурсивной интеракции могут понять смысл сообщений не до конца правильно и сделать что-то не так).

Рассмотрим третий случай семиотического соотношения текста и дискурса. В практике коммуникации мы встречаемся с текстами с трудно осознаваемым содержанием. Например, такими текстами являются стихотворные или символические произведения (типа романов Ф. Кафки, стихов «заумников» и русских символистов и т. д.). Эти тексты в своей внешне выраженной вербально-концептуальной структуре имеют мало соответствия с тем, что интенционально задумано автором как смысл текста, способного превратиться в дискурс. Тексты такого рода являются уже не иконическими знаками, как в предшествующем случае, а текстами-символами, то есть символическими знаками некоего дискурсивного содержания, которое обычно никто и никогда не дает в прямом пересказе и каждый понимает в значительной степени индивидуально. При восприятии символического текста как дискурса читатель распознает и понимает смысл аллегории или аллюзии исходя из собственного миропонимания, из идиоэтнической картины мира, из собственного багажа пресуппозиций и фоновых знаний. Нередко в такого вида текстах имеются «темные», непонятные фрагменты (или целые тексты в тексте, например, «Песнь песней» в Библии), и в этом случае требуются разъяснения: такой фрагмент или текст, как правило, научно комментируется герменевтом или текстологом. Тайный смысл символического текста, актуализированного как дискурс, неоднозначен как понимаемый объем информации «туманного» плана, то есть смысл, не высказанный прямо, но передаваемый намеками, аллюзиями и сложным символьным семиозисом, образует сложную «иллокутему», перлокутивная суть которой недостаточно явно выражена, но она есть, и от этого она не перестает быть собственно «перлокутемой» (возможно, и размытой). Однако социум не всегда правильно понимает смысл послания того или иного художника слова, переданного символическим текстом даже в виде «внешне обычного» текста, что может оказаться специальным художественным приемом. Так, традиционно считается, что в «Медном всаднике»

А.С. Пушкина описано петербургское наводнение 1824 г., хотя, как мы показали в одной из наших работ, скорее всего, в поэме А.С. Пушкин осуществил давнюю мечту и дал символизированное описание декабристского восстания 1825 г. [Киров, 2011].

Таким образом, символические, религиозные, мифологические или абстракционистские и постмодернистские художественные тексты как символические знаки определенных информационных единств, сложившихся в сознании автора (адресанта коммуникативной интеракции), понимаются читателями (адресатами) достаточно индивидуально и не всегда так, как хотел бы автор текста. Но в любом случае символические тексты актуализируются в сверхслабой коммуникативной позиции, то есть превращаются в дискурс с очень размытым смыслом и соответствующим многовекторным перлокутивным эффектом, что в литературе как процессе описательной иллюстрации базовых концептов может быть вполне оправдано самим характером творчества, связанного с игрой фантазии посредством слова.

Текст, дискурс и «стрела времени»

Обратимся к такой важной, на наш взгляд особенности, относящейся к онтологии текста и дискурса, как их связь со «стрелой времени» («стрела времени» – это красивая философская метафора, ставшая термином).

Характер времени в тексте и дискурсе различен по своей сути, и это представляет серьезную лингвофилософскую проблему. Относительное текстовое время присутствует в самом тексте, о чем пишет Г.А. Золотова, разработавшая типологию внутритекстового времени. Как указывает Г.А. Золотова, в тексте может сообщаться о событиях в прошлом, будущем и настоящем в соответствии с модусами времени: «В объемном пространстве текстового времени могут взаимодействовать три темпоральных оси, или линии: Линия Т1 представляет календарное, природное, объективно бегущее время, внешнее по отношению к тексту, однонаправленное и необратимое <...> Линия Т2 реализует текстовое, событийное время (понятно, что речь идет о событиях, составляющих содер-

жание данного текста); оно может в начале или в каких-то моментах развития быть проецировано на хронологическую ось, но это отнюдь не обязательное условие построения текста <...> Линия ТЗ – это линия перцептивная, выражающая позицию говорящего (пишущего), реальную или мысленную, во времени и в пространстве по отношению к событиям текста» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 22–23].

Совпадение времени говорения или письма и реального события наблюдается только при употреблении перформативных глаголов в соответствующих перформативных текстах, являющихся знаками перформативных дискурсов. Если события, происходящие на наших глазах в настоящем, мы будем комментировать подобно футбольному матчу, нам придется использовать все глаголы как квазиперформативы (*герой встает с кресла, направляется* и т. д.), то есть в формах настоящего исторического времени, которые описывают действия, происходящее как бы на глазах очевидца. При этом сказанное будет формально совпадать с моментом реального времени, и в результате возникнет иллюзия, что мы поймали «стрелу реального времени» в момент производства высказывания. Однако в реально текущем времени мы сталкиваемся с такой ситуацией: на восприятие, распознавание и понимание произносимого говорящим квазиперформативного глагола слушающий тратит какое-то время, следовательно, «стрела времени» улетит до того, как акт коммуникации состоится. Здесь вполне уместно говорить о принципиальном несовпадении времени понимания и реального времени: в таком случае Ахиллес действительно никогда не догонит черепаху, и мы подобным рассуждением породим еще одну апорию: слушающий никогда не поймет говорящего, потому что, пока он понимает уже сказанное, говорящий добавляет к сказанному новые слова. Однако эта апория легко опровергается, если мы введем в рассуждение понятие семиозиса, в котором при помощи знаковой функции текста, то есть иконизации и символизации при актуализации текста, и превращения его в дискурс осуществляется компрессия информации в потоке коммуникативной интеракции. Иллюзия совпадения с реальным временем того

времени, которое выражено в тексте, возникает потому, что в процессе коммуникации используются тексты как знаки, которые иконизируют или символизируют соответствующие им дискурсы по принципу монтажа (как в художественном фильме, по Эйзенштейну). Возникает непрерывный цикл воображаемых в сознании адресата скриптов событий, которые характеризуются нелинейностью: скрипты меняются местами, чередуются, следуют параллельно и т. д. Значимым условием восприятия такого цикла воображаемого является условное приравнение времени текста к реальному времени: воспринимающее сознание воспринимает релятивное время текста как реальное время, тем самым актуализируя текст и превращая его в дискурс.

В этой связи будет уместным напомнить о разделении времени на онтологическое и физическое, проведенное А. Бергсоном в рамках философского осмысления этого феномена.

В науке представлено четыре концепции времени и пространства. Согласно субстанциональной модели время и пространство являются субстанциональными сущностями и не зависят от материальных объектов. В реляционной модели время и пространство определяют отношения порядка между объектами и процессами и не существуют независимо от них. В динамической модели принимается за существующее только настоящее время: на те события, что свершились или свершатся, повлиять невозможно, следовательно, иного времени, кроме настоящего, нет. В статической модели реально текущее время включается как часть во всеобщее время (вечность), а реальное пространство – как часть во всеобщее пространство; при этом события в прошлом отражаются на событиях в настоящем и в будущем, поскольку они взаимосвязаны.

Мы считаем возможным синтезировать эти концепции и принимаем синтетическую, концепцию времени – пространства (эйнштейново понимание времени и пространства) с учетом однонаправленности движения времени из прошлого через настоящее в будущее (однонаправленности «стрелы времени»). Такое понимание времени позволяет относиться к нему релятивно, условно вос-

принимать текстовое время как реальное время протекающих событий в дискурсе: читатель или зритель как бы проживает в реальном времени те события, которые существуют в текстовом времени при описании событий в нарративе.

Перспективной для анализа художественного дискурса является также концепция субъективно-психологического времени, разработанная С. А. Аскольдовым [Аскольдов, 1922]. Ее суть сводится к утверждению того, что время представляет собой другое имя изменения и имеет прошлое, настоящее и будущее только в том случае, если регистрируется сознанием. Данная концепция хорошо согласуется со сказанным выше, поскольку текстовое время условно воспринимается как физически текущее время только в воспринимающем текстовую информацию сознании.

В результате понимания и представления в сознании описываемых событий мы попадаем в иной мир с другим временем, которому приписываем статус реального времени (хотя это и условное соответствие). Когда мы читаем роман, к реальной жизни относится только сам факт чтения в данную минуту данного романа. То время, которое содержится внутри самого романа, не может быть равным реальному физическому времени, потому что художественное время – это виртуальное время в виртуальном мире. Таким образом, виртуальный мир художественного вымысла и реальный мир событий никогда не совпадают и существенно отличаются от физического времени, однако феномен восприятия содержания текста заключается в условном наблюдении воображаемых событий как реальных и приравнивании текстового и реального времени, то есть при восприятии и понимании текста мы условно полагаем, что то время, которое разворачивает цепь событий в тексте, как бы равно реальному, и на этой основе понимаем смысл текста, как бы превращая виртуальное время текста в реальное время дискурса.

Итак, мы приходим к утверждениям, что дискурс связан с реальным временем, если это перформативный речевой акт, или квази-реальным временем, условно понимаемым как реальное время в виртуальном мире текста, актуализированного как дискурс. Таким

образом, дискурс – это и есть нарративно оформленная жизнь человека и языкового сообщества в реальных или вымышленных социальных обстоятельствах, то есть жизнь, протекающая не без помощи языковой коммуникации в том времени и социуме, которому мы приписываем статус реального. Жизнь человека и языкового сообщества имеет три измерения, или временных модуса: то, что происходит сейчас, в данную минуту, то, что уже произошло, то, что, вероятнее всего, произойдет, поскольку имеет начало в прошлом, длится сейчас и продлится в будущем. Однако то, что происходит сейчас, как уже говорилось, опирается на то, что было заложено в прошлом – это принципиальное положение философии И. Канта [Кант, 1999], ее непреложный закон временного детерминизма событий, который мы принимаем совершенно безоговорочно.

Дискурс, поскольку он вплетен в жизнь через свою перлокутивную компоненту и является ее частью, включен в социальные отношения и построен на основании своего специфического временного детерминизма, использует фактор времени как условно реальный. Чтобы быть понятным, дискурс не может не опираться на предшествующий опыт человека и человечества, так как пресуппозиции, необходимые для понимания смыслов высказываний дискурса, – это исторически складывающаяся сумма представлений, установок, мифов и реальных знаний, то есть сумма фоновых знаний, которые складываются исторически как в онто-, так и в филогенезе. Итак, дискурс – это произведение словесного типа, включенное в жизнь социума, которое имеет большой предшествующий исторический фон [Киров, 2009], формирующее в целом комплекс интердискурса одной концептуальной тематики. Более того, все говорящие или пишущие, то есть включенные в процесс дискурсивных практик, не могут создать ничего такого, чего бы не содержалось в зародыше или в виде потенциальной возможности в предшествующей «ткани» дискурса: сказать или написать можно только то, что уже как бы существует в потенции, что задано изначально траекторией построения дискурса (Р. Барт утрировал это положение в виде максимы о смерти автора).

Выводы

Мегадискурс как коммуникативное богатство социума (дискурсивный тезаурус) существует и развивается с начала коммуникативной деятельности общества до настоящего времени. Структурно дискурс как часть мегадискурса посвящен развитию одной концептуальной темы, отличается связностью и цельностью и имеет характер относительно законченного речевого произведения. Человек, постоянно обогащаясь информацией, получая образование, знакомится с дискурсивной культурой социума и включается в «бурление» коммуникативно-дискурсивных интеракций, как говорил М. Фуко. Он не может выйти за рамки национальной дискурсивной культуры, не освоив новый для себя язык и новую дискурсивную культуру как сумму мегадискурсов, описывающих «концептуальность» социума. Другими словами, выйти за рамки национального дискурса мы можем лишь в том случае, если перейдем в другой национальный дискурс, формирующийся при помощи другого национального языка и образующий другую национальную дискурсивную культуру (впрочем, ничто не мешает человеку входить в несколько дискурсивных культур, если он владеет несколькими языками). В этом смысле и следует понимать известное положение В. фон Гумбольдта о том, что язык создает вокруг человека круг, за рамки которого невозможно выйти, если не перейти в круг другого языка. Ткань дискурса сплетена к настоящему моменту настолько, насколько это удалось языковому сообществу, однако это не значит, что плетение дискурсивной ткани завершено. Дискурс имеет огромную предысторию и потенциальную проекцию, которая объективна как реальность будущего дискурса. В таком контексте можно понять и самую загадочную в теории языка фразу И. Лео Вайсгербера о том, что «язык думает за нас» [Вайсгербер, 1993].

Итак, при всей своей близости текст и дискурс – не одно и то же. Текст – это оформленный по законам жанра аналогический, иконический или символический знак дискурса либо его бесформенный фрагмент, если это спонтанный разговорный или постмодернистский литературный текст, не имеющий формального начала или конца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1990. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия. С. 136–137.
- Аскольдов С. А., 1922. Время и его преодоление // Мысль. № 3. С. 80–83.
- Вайсгербер Й. Л., 1993. Родной язык и формирование духа. Ульяновск : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова (филиал в Ульяновске). 232 с.
- Валгина Н. С., 2003. Теория текста. М. : Логос. 280 с.
- Грачев М. А., 1997. Русское аргю. Нижний Новгород : НГЛУ. 245 с.
- Земская Ю. Н. и др., 2010. Теория текста. М. : Флинта. 132 с.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю., 1998. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Изд-во МГУ. 528 с.
- Кант И., 1999. Критика чистого разума. Ростов н/Д : Феникс. 464 с.
- Карасик В. И., 2000. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 25–33.
- Киров Е. Ф., 1997. Фонология языка. Ульяновск : Издательство СВНЦ. 451 с.
- Киров Е. Ф., 2009. Начала концептуально-дискурсивной лингвистики // Система языка и языковое мышление / отв. ред. Е. Ф. Киров. М. : ЛИБРОКОМ. С. 66–96.
- Киров Е. Ф., 2011. Потаенные смыслы «Медного всадника» А.С. Пушкина // *Inveniens quaero*. Vilnius : LEU. С. 386–403.
- Макаров М. Л., 2003. Основы теории дискурса. М. : Гнозис. 277 с.
- Ревзина О. Г., 1999. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 1. С. 25–34.
- Русская разговорная речь: тексты, 1978. Отв. ред. Е. А. Земская и Л. А. Капаназде. М. : Наука. 485 с.
- Серио П., 1999. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс. С. 12–53.
- Сиротинина О. Б., 1983. Русская разговорная речь. М. : Просвещение. 80 с.
- Скребнев Ю. М., 1985. Введение в коллоквиалистику. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 209 с.
- Фуко М., 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сад. 408 с.
- Цейтлин С. Н., 2009. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М. : Знак. 592 с.
- Чернявская В. Е., 2009. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М. : Либроком. 248 с.

RERERENCES

- Arutyunova N.D., 1990. Discourse. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 136-137.
- Askoldov S.A., 1922. Time and overcoming it. *Mysl*, no. 3, pp. 80-83.
- Weissgerber J.L., 1993. *Native language and spirit development*. Ulyanovsk, Izd-vo MGU im M.V. Lomonosova (filial v Ulyanovske). 232 p.
- Valgina N.S., 2003. *The theory of text*. Moscow, Logos Publ. 280 p.
- Grachev M.A., 1997. *Russian Argo: monograph*. Nizhny Novgorod, NGLU Publ. 245 p.
- Zemskaya Yu.N., et al., 2010. *The theory of text: textbook*. Moscow, Flinta Publ. 132 p.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu., 1998. *Communicative grammar of the Russian language*. Moscow, Izd-vo MGU. 528 p.
- Kant I., 1999. *Critique of pure reason*. Rostov-on-Don, Feniks Publ. 464 p.
- Karasik V.I., 2000. The structure of institutional discourse. *Problemy rechevoy kommunikatsii*. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 25-33.
- Kirov E.F., 1997. *Language phonology*. Ulyanovsk, Izd-vo SVNTs. 451 p.
- Kirov E.F., 2009. The beginning of conceptual and discursive linguistics. *Sistema yazyka i yazykovoje myshlenie*. Moscow, LIBROKOM Publ., pp. 66-96.
- Kirov E.F., 2011. Hidden meanings of *The Copper Horseman* by Alexander Pushkin. *Inveniens quaero*. Vilnius, LEU, pp. 386-403.
- Makarov M.L., 2003. *Fundamentals of the theory of discourse*. Moscow, Gnozis Publ. 277 p.
- Revzina O.G., 1999. Language and discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], no. 1, pp. 25-34.
- Zemskaya E.A., Kapanadze L.A. (eds.), 1978. *Russian spoken discourse: Texts*. Moscow, Nauka Publ. 485 p.
- Serio P., 1999. The reading of texts in France. *Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa*. Moscow, Progress Publ., pp. 12-53.
- Sirotnina O.B., 1983. *Russian conversational speech: a teacher's guide*. Moscow, Prosveshchenie Publ. 80 p.
- Skrebnev Yu.M., 1985. *Introduction to colloquialism studies*. Saratov, Izd-vo SGU. 209 p.
- Foucault M., 1994. *Words and things. The archeology of the humanities*. Saint Petersburg, A-cad Publ. 408 p.
- Tseitlin S.N., 2009. *Essays on word formation and pattern formation in children's speech*. Moscow, Znak Publ. 592 p.
- Chernyavskaya V.E., 2009. *Text linguistics: polycode nature, intertextuality, interdiscursivity*. Moscow, Librokom Publ. 248 p.

Information about the Author

Evgeniy F. Kirov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, evg-kirov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

Информация об авторе

Евгений Флорентович Киров, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, evg-kirov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.3>

UDC 81'22-028.21
LBC 81.002

Submitted: 20.01.2018
Accepted: 12.03.2018

WRITTEN TEXT: APPROACHES TO IDENTIFYING IMPLICIT PRAGMATICS

Galina G. Matveeva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Irina A. Zyubina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article deals with the results of the study aimed at discovering features of implicit pragmatics in communicative practice, directed at building scientific or publicist texts. The paragraph organization of the texts that are referred to one of the scientific-educational genres (scientific, scientific-and-popular, educative) is reviewed. It is showed how a pragmatic variation associated with a communicative situation type opens ways for a text composition exposure: a unit of a written text can signal about realization of emotive and/or conative strategies of implicit character. The material of the legal texts written by public prosecutors reveals it that implicit effects are caused by extra-linguistic elements of communication: the professional role of the recipient (court or jury), traditions of a judicial trial typical of various cultures (Russian and English) and time periods (the second half of the 19th cent., 20-40s of the 20th cent., the beginning of the 21st cent.). The authors focus their analysis on coordination between the length of the paragraph, text genre (scientific, scientific-and-popular, educative), knowledge of the recipients and their keenness to the topic, considering that the writer of the text usually has the text recipient profile in mind (an individual or heterogeneous audience) and can chose either emotive (self-oriented) or conative (recipient-oriented) way of impact. It is concluded that an average type of the reader is a heterogeneous one, which causes such characteristics of the text as an advanced level language culture, besides the writer can chose emotional or conative style of information delivery.

Key words: pragmalinguistics, written text, genre, impact, speech strategy.

Citation. Matveeva G.G., Zyubina I.A. Written Text: Approaches to Identifying Implicit Pragmatics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 26-32. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.3>

УДК 81'22-028.21
ББК 81.002

Дата поступления статьи: 20.01.2018
Дата принятия статьи: 12.03.2018

ПИСЬМЕННЫЙ ТЕКСТ: ПОДХОДЫ К ВЫЯВЛЕНИЮ СКРЫТОЙ ПРАГМАТИКИ

Галина Григорьевна Матвеева

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ирина Анатольевна Зюбина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья продолжает разработку актуальной для коммуникативной практики проблемы создания эффективных, воздействующих текстов. Проведенный прагмалингвистический анализ научных и юридических письменных текстов позволил авторам определить некоторые способы реализации скрытой прагматики. На примере абзацной организации текстов, относящихся к одной из разновидностей письменной научной коммуникации (собственно научной, научно-популярной и учебной), показано, как прагматическая вариативность обеспечивает адресанту возможность выбора речевых единиц в зависимости от условий коммуникативной ситуации, в частности от характера адресата (единичный или ретинальный). Установлено,

что речевое поведение автора текста зависит от вида речевого воздействия: в письменном научном тексте речевые единицы сигнализируют о реализации эмотивных, ориентированных на автора, и конативных, ориентированных на адресата, стратегий скрытого воздействия. На материале юридических текстов, авторами которых являются государственные обвинители, выявлено, что скрытое воздействие обусловлено экстралингвистическими элементами речевого акта: характером адресата (профессиональный суд или присяжные заседатели), традициями ведения судебного процесса, существовавшими в тот или иной исторический период (вторая половина XIX в., 20–40-е гг. XX в. и начало XXI в.), в той или иной лингвокультуре (русской и английской).

Ключевые слова: прагмалингвистика, письменный текст, жанр, воздействие, речевая стратегия.

Цитирование. Матвеева Г. Г., Зюбина И. А. Письменный текст: подходы к выявлению скрытой прагматики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 26–32. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.3>

Введение

В статье рассматриваются некоторые эмотивные и конативные свойства текста, для выражения которых привычно и неосознаваемо автором выбираются специальные, предназначенные для воздействия на читателя речевые единицы.

Письменный текст занимает в речевом общении значительное место. Являясь знаком, он имеет три стороны: семантическую, синтаксическую, прагматическую, каждая из которых характеризуется своими критериями оценивания. Семантическая сторона оценивается по критерию адекватности содержания текста объективной реальности. Синтаксическая сторона оценивается по критерию правильности построения текста, то есть соответствия этого строения правилам, установленным для данного языка. Прагматическая сторона оценивается по критерию удачности выбора лингвистических, а точнее речевых, единиц для достижения оптимального воздействия на получателя текста.

Задача статьи состоит в том, чтобы описать некоторые особенности выбора речевых единиц, который совершает отправитель письменного текста, в частности охарактеризовать зависимость организации письменного текста от жанра и от ориентации автора на единичного или ретиального (разнообразного) читателя, зависимость речевого поведения автора текста от вида речевого воздействия – эмотивного (ориентированного на себя) и конативного (ориентированного на адресата) и от стратегии скрытого воздействия и экстралингвистических факторов.

Зависимость организации письменного текста от жанра и ориентации автора на единичного или ретиального читателя

Зависимость организации текста, обеспечивающей эффективное воздействие на получателя, от жанра и от характера адресата проиллюстрируем на примере письменного научного общения.

Базовый для нашего исследования термин «речевой жанр» мы понимаем, вслед за М.М. Бахтиным, как устойчивые типы высказываний, характерные для каждой сферы использования языка [Бахтин, 1996]. Рассмотрим три сферы использования языка, в которых сформировались три разновидности речевых жанров – собственно научные, научно-популярные, учебные. Рассмотрим их с позиций абзацной организации. До сих пор абзац и абзацная организация текста трактовалась в стилистическом, литературно-композиционном, структурно-синтаксическом аспектах. Однако еще в 1929 г. В.Н. Волошинов отмечал, что «только изучение форм речевого общения и соответствующих форм целых высказываний может пролить свет на систему абзацев» [Волошинов, 1929, с. 112]. Поэтому целесообразно провести анализ речевой деятельности автора текста по выделению им абзацев в письменном научном общении с учетом свойств конкретного речевого акта. Такими свойствами оказываются сам текст, его отправитель, его получатель, их пресуппозитивные, социальные и психологические черты, а также ситуация создания текста. Поскольку при создании письменного научного текста непосредственная обратная связь

между автором и читателем отсутствует, автор ориентируется на предполагаемого получателя текста и на его возможные реакции, исходя из предполагаемого им уровня фоновых и профессиональных знаний читателя. Разумеется, точкой отсчета при этом является его собственный уровень фоновых и профессиональных знаний и автор полагается не на конкретные знания читателя, а на определенный уровень знаний социальной группы, потому что язык, как справедливо утверждает В.Н. Волошинов, отражает «устойчивые социальные взаимоотношения общающихся» [Волошинов, 1929, с. 116].

Одно и то же высказывание для восприятия разными читателями, то есть читателями с разными пресуппозитивными свойствами, представляет неодинаковую трудность. Поэтому одно и то же содержание для разных коммуникантов в разных ситуативных условиях может иметь несколько актуализаций. Назовем их прагмалингвистическими вариантами, ориентированными на разных читателей. Такова сущность разных речевых жанров, которые с позиции прагмалингвистики являются прагмалингвистическими вариантами, потому что они создаются для достижения речевого воздействия на разных читателей. Для разных коммуникантов существует оптимальный способ актуализации воздействующего намерения, то есть предпочитаемая автором речевая единица. Хотя объективно она может оказаться и не оптимальной, более того, с точки зрения системы языка все языковые единицы равнозначны, но для коммуникантов они – разнозначны и разноценны. Поэтому все прагматические варианты актуализации воздействующего намерения могут быть построены синтаксически правильно, семантически адекватно, но с точки зрения прагматики каждая из них будет оптимальной только для определенных условий протекания общения. Проследим прагматическую вариативность, обеспечивающую эффективность речевой деятельности в зависимости от условий ситуации на примере абзацной организации текстов трех разновидностей письменной научной коммуникации.

Разделяя текст на абзацы, автор тем самым актуализирует оптимальную с его точ-

ки зрения стратегию обеспечения восприятия содержания текста читателем. Автор интуитивно рассчитывает длину абзаца так, чтобы не утомить читателя: абзац не должен быть ни слишком длинным, ни слишком коротким для данного получателя текста. Выбор объема абзаца осуществляется при учете автором пресуппозитивных свойств читателя. С точки зрения автора, читателей можно разделить на три группы по объему их профессиональных знаний, а также по интересу к теме изложения. Читатели первой группы обладают меньшим, чем у автора, объемом профессиональных знаний, и интерес к теме сообщения у них слабый. Для такого читателя пишутся научно-популярные тексты. Вторая группа читателей обладает меньшим по сравнению с автором объемом профессиональных знаний, но интересуется темой сообщения, потому что она относится к содержанию их специальности. Для таких читателей пишутся учебники. Читатели третьей группы имеют равные с автором знания и интерес к теме текста. На таких читателей ориентируются авторы научных текстов с изложением новых идей в данной области знания.

Цель автора научно-популярного текста состоит в том, чтобы познакомить читателя с некоторыми актуальными проблемами фундаментальных наук. Поскольку такой читатель обладает низким уровнем профессиональных знаний и неустойчивым интересом к ним, то сложная научная информация излагается занимательно и в доступной форме. Абзац такого текста относительно короткий и составляет в среднем семь строк.

Автор учебного текста также ориентирован на читателя с более низким, чем у него, уровнем профессиональных знаний. Однако по сравнению с автором научно-популярного текста он находится в более выгодном положении, так как такой читатель заинтересован в получении именно данных знаний. Поэтому перед автором стоит задача так организовать и систематизировать информацию, чтобы обеспечить усвоение учебного материала по данной специальности. В связи с этим длина абзаца увеличивается по сравнению с длиной абзаца научно-популярного текста и составляет, как показал анализ, в среднем 11,7 строки.

Автор собственно научного текста ориентируется на читателя профессионально равного уровня, глубоко знающего предмет изложения, интересующегося новыми веяниями, аспектами, интерпретациями, подходами к раскрытию нерешенных научных проблем. В таких работах длина абзаца значительно возрастает по сравнению с абзацами рассмотренных выше текстов и составляет в среднем от 13,2 до 15,6 строк.

Другим важным фактором, влияющим на речевое поведение автора письменного текста, является количество адресатов, к которым обращается отправитель текста. Это может быть один адресат, известный автору, с которым автор вступает в научную полемику. Это может быть группа читателей той же профессиональной принадлежности, что и автор, для них также создается научный текст. Это может быть и так называемый ретигальный коммуникант, про которого автору ничего неизвестно. В таком случае автору приходится ориентироваться на среднестатистического адресата, хорошо знающего, как и автор, языковую систему и обладающего высоким уровнем речевой культуры.

Зависимость речевого поведения автора письменного текста от вида речевого воздействия

В качестве иллюстрации рассмотрим научный текст. Его автор решает задачу добиться определенного задуманного речевого воздействия на адресата, которое в целом можно определить как изменение смыслового поля, реализующееся в перлокутивном эффекте речевого акта. Поскольку речевое воздействие – это важная категория прагмалингвистики, описание его сущности, несомненно, представляет интерес. Осуществляется речевое воздействие отправителем текста с учетом всех внутренних и внешних компонентов речевого акта. Приемы реализации речевого воздействия разделим на эмотивные и конативные.

Эмотивные приемы отражают речевую деятельность отправителя текста, ориентированную на проявление собственной личности. Попытка показать себя с точки зрения скрытой прагмалингвистики – эмотивно-ори-

ентированное речевое воздействие – реализуется при выборе адресантом речевых единиц следующих трех речевых стратегий скрытого воздействия, связанных с отправителем текста:

- участие / неучастие коммуникантов в речевом событии;
- уверенное / неуверенное речевое поведение автора в речевом событии;
- вероятностное оценивание автором речевого события как реального / нереального.

Другая группа объединяет конативно-направленные речевые стратегии. Выбор речевого материала для актуализации того или иного плана конативно-направленных событий определяется тем, как автор оценивает пресуппозитивные и фоновые знания читателя. Выделяются следующие конативно-ориентированные стратегии, связанные с получателем текста:

- формирование у получателя текста отношения к речевому событию путем оценивания;
- акцентирование автором элементов высказывания;
- удовлетворение / неудовлетворение автором в тексте прагматических ожиданий получателя текста.

Каждая из этих стратегий маркируется в тексте. Рассмотрим стратегию «участие / неучастие коммуникантов в речевом событии». Она актуализируется в тексте в одном из трех планов: личном, социальном, предметном.

Речевыми сигналами личного плана являются: личные местоимения и финитные формы глагола 1 и 2 л. ед. ч., эксклюзивы *мы*, *вы* и их падежные формы, а также соответствующие им притяжательные местоимения; формы глаголов в страдательном залоге с локальными и темпоральными детерминантами типа *здесь* и *сейчас* при невыраженном, но выводимом из контекста агенсе, под которым подразумевается один из участников конкретного речевого события: побудительные эксклюзивные формы глагола – 1 л. мн. ч. и 2 л. ед. и мн. ч.; глагольные лексемы, соотносимые с одним из участников реального речевого события типа *кажется*, *представляется*, *приходится*; нерегулярные ситуативно обусловленные зависимые формы и лексемы,

содержание которых можно интерпретировать как указание на участие автора или собеседника / читателя в данном речевом событии (подробно см.: [Матвеева, 1993]).

Речевыми сигналами социального плана являются: инклюзивное *я* и *мы*; инклюзивные формы побудительного наклонения; неопределенная форма глагола; глагольная форма 3 л. мн. ч. при невыраженном агенсе (например, нем. *tan*); деперсонализированное употребление *я*, *ты*, *вы*, *тот*, *кто* и т. п.; деепричастия; придаточные условные и придаточные образа действия; финитные формы глагола в страдательном залоге с неэксплицированными, но подразумеваемыми коммуникантами; предикативы *можно*, *нужно*, *нельзя*, *важно* и т. д.; лексемы с семой антропонима типа *человечество*, *народ* и др.; нерегулярные ситуативно обусловленные и контекстно зависимые формы и лексемы, которые в конкретном случае можно интерпретировать как указание на совместное участие отправителя и получателя текста в речевом событии.

Набор актуализаторов предметного плана включает в себя те речевые единицы, которые не используются для актуализации первых двух планов, а именно: речевые сигналы наличия действующего лица, к которому нельзя отнести участников речевого события; финитные формы глаголов действительного залога с выраженным или выводимым из контекста или ситуации действующим лицом – неучастником речевого события.

**Зависимость выбора автором
речевых единиц от стратегии
скрытого воздействия
и экстралингвистических элементов
речевого акта**

Неоспоримо наличие сложной социально-биологической природы человека и влияния информации на разные стороны человеческой личности [Матвеева, Зюбина, 2016, с. 64; Матвеева, Зюбина, 2017, с. 107; Стеблецова, 2016, с. 77]. Существуют различные виды социальных и биологических факторов текстовой коммуникации [Ионова, 2011, с. 190]. Чтобы показать зависимость выбора автором речевых единиц от экстралингвистических элементов речевого акта, рассмотрим

результаты актуализации некоторых речевых стратегий скрытого воздействия («участие / неучастие коммуникантов в речевом событии», «уверенное / неуверенное речевое поведение автора» и «формирование у получателя текста отношения к речевому событию путем оценивания») на материале юридических текстов – подготовленных (написанных) выступлений русскоязычных и англоязычных государственных обвинителей. Большой объем проанализированного разновременного материала (подробно см.: [Зюбина, 2005]) позволяет представить выявленные зависимости в динамике (вторая половина XIX в., 20–40-е гг. XX в., начало XXI в.) с учетом особенностей адресата – профессиональных судей или присяжных заседателей.

Речевое поведение русскоговорящих государственных обвинителей XXI в., выступавших перед присяжными заседателями, отличается от речевого поведения государственных обвинителей в XIX в. более выраженным стремлением к лидерству и меньшим отрицательным настроем. Выступление русскоговорящих государственных обвинителей перед профессиональным судом в XX в. в отличие от выступлений государственных обвинителей в XXI в. характеризуется более низкой актуализацией личного плана в речевом событии и более высокой актуализацией социального плана скрытой речевой стратегии «участие / неучастие коммуникантов в речевом событии». Современным государственным обвинителям свойственно категоричное речевое поведение и высокий показатель формирования отрицательного отношения к речевому событию. В зависимости от адресата речевое поведение русскоговорящих государственных обвинителей в XXI в., выступавших перед профессиональным судом, отличается более частой актуализацией личного участия в речевом событии, практически полным отсутствием кооперативного поведения, высоким показателем категорического утверждения и высоким формированием отрицательного отношения к речевому событию по сравнению с выступлениями того же периода, но перед судом присяжных заседателей.

Речевое поведение англоговорящих государственных обвинителей в XXI в., выступавших перед судом присяжных заседателей,

отличается меньшей актуализацией личного участия в речевом событии, значительно более низким показателем уверенного речевого поведения и меньшим обвинительным уклоном, чем у такой же группы русскоговорящих государственных обвинителей.

Выводы

Анализ элементов письменного текста, отражающих процесс его порождения, позволил обозначить некоторые подходы к выявлению скрытой прагматики.

Прагматическая вариативность обеспечивает адресанту возможность выбора речевых единиц в зависимости от условий коммуникативной ситуации, что проявляется, в частности, в абзацной организации текстов, относящихся к одной из трех разновидностей письменной научной коммуникации. С позиции автора читатели делятся на три группы в зависимости от объема профессиональных знаний и интереса к теме изложения, а длина абзаца, обеспечивающая эффективность восприятия текста читателем и интуитивно рассчитанная автором, обусловлена этими показателями.

Речевое поведение автора письменного текста зависит от вида речевого воздействия (эмотивного или конативного). В научном письменном тексте речевые единицы сигнализируют о реализации эмотивных стратегий скрытого воздействия, связанных с адресантом («участие / неучастие коммуникантов в речевом событии», «уверенное / неуверенное речевое поведение автора в речевом событии», «вероятностное оценивание автором речевого события как реального / нереального») и конативных стратегий скрытого воздействия, связанных с адресатом («формирование у получателя отношения к речевому событию», «акцентирование автором элементов высказывания», «удовлетворение / неудовлетворение автором в тексте прагматических ожиданий получателя текста»).

Выбор речевых единиц для скрытого воздействия обусловлен не только типом стратегии, но и экстралингвистическими элементами речевого акта. В частности, юридические тексты, авторами которых являются государственные обвинители, обнаруживают

различия, обусловленные характером адресата (профессиональный суд или присяжные заседатели), традициями ведения судебного процесса, существовавшими в тот или иной исторический период (вторая половина XIX в., 20–40-е гг. XX в. и начало XXI в.), в той или иной лингвокультуре (русской и английской).

Поскольку в науке описаны далеко не все возможные приемы и средства скрытого воздействия текстов на читателя, данная статья продолжает разработку важной в практическом отношении проблемы: как создавать эффективные воздействующие тексты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М., 1996. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений : в 5 т. М. : Русские словари. Т. 5. С. 159–206.
- Волошинов В. Н., 1929. Марксизм и философия языка. Л. : Прибой. 188 с.
- Зюбина И. А., 2005. Прагмалингвистический аспект речевого поведения русскоговорящего и англоговорящего государственного обвинителя : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д. 167 с.
- Ионова С. В., 2011. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (13). С. 190–197.
- Матвеева Г. Г., 1993. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. 322 с.
- Матвеева Г. Г., Зюбина И. А., 2016. Речевая привычка как основа речевого портрета говорящего (на материале британского политического дискурса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 63–68. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.6>.
- Матвеева Г. Г., Зюбина И. А., 2017. Речевое поведение авторов исходного и переводного текстов: прагмалингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.10>.
- Стеблецова А. О., 2016. Национальный дискурсивный стиль: англоязычный и русскоязычный деловые дискурсы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 76–86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.8>

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1996. The problem of speech genres. *Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 5*. Moscow, Russkie slovari Publ., pp. 159-206.
- Voloshinov V.N., 1929. *Marxism and the philosophy of language*. Leningrad, Priboy Publ. 188 p.
- Zyubina I.A., 2005. *Pragmalinguistic aspect of speech behavior of Russian-speaking and English-speaking public prosecutor. PhD Thesis*. Rostov-on-Don. 167 p.
- Ionova S.V., 2011. On the signs textual communication's ecologicity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (13), pp. 190-197.
- Matveeva G.G., 1993. *Implicit grammatical meanings and identification of speaker's social face ('portrait')*. PhD Thesis. Saint Petersburg. 322 p.
- Matveeva G.G., Zyubina I.A., 2016. Speech habit as a basis of speaker's speech portrait (based on British political discourse). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 63-68. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.6>
- Matveeva G.G., Zyubina I.A., 2017. Speech behaviour of original and translated texts' authors: pragmalinguistic aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 103-111. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.10>
- Stebletsova A.O., 2016. National discourse style: English and Russian business discourses]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 76-86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.8>

Information about the Authors

Galina G. Matveeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of World Languages and Cultures, Don State Technical University, Gagarina Sq., 1, 344000 Rostov-on-Don, Russia, gegemat2337633@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6407-4274>

Irina A. Zyubina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Professional Communication, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St., 33, 344082 Rostov-on-Don, Russia, iazyubina@sfnu.ru, irinazyubina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1265-8366>

Информация об авторах

Галина Григорьевна Матвеева, доктор филологических наук, профессор кафедры мировых языков и культуры, Донской государственной технической университет, пл. Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Россия, gegemat2337633@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6407-4274>

Ирина Анатольевна Зюбина, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33, 344082 г. Ростов-на-Дону, Россия, iazyubina@sfnu.ru, irinazyubina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1265-8366>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.4>

UDC 811.161.1'42:811.111'42
LBC 81.055.51.2

Submitted: 06.02.2018
Accepted: 12.04.2018

ACADEMIC PAPER TITLES AND THEIR DOMINATING PATTERNS: A RUSSIAN-ENGLISH PERSPECTIVE¹

Nadezhda K. Ryabtseva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article shows the key role that academic paper titles play in presenting paper contents and burden, and demonstrates cultural and linguistic differences between the academic style in Russian and in English. The author explains the way the academic style is connected with language's grammatical structure and its culture-specific communicative patterns, and illustrates that the prevailing paper titles' patterns are predetermined by academic style dominants in a particular language.

The fundamental difference in paper titles organization in Russian and English academic style is that in Russian the prevailing pattern in naming a paper has traditionally been an extended single noun group with several prepositional and postpositional subordinates, predominantly in Genitive. In English, on the contrary, the title in most cases consists in two parts connected by a column, full stop, conjunction or a preposition. That is why there is a communicative asymmetry in academic paper titles' verbalization principles in Russian and in English, as these principles are mostly language specific and have their own dominating linguistic patterns. It is also explicated that there is an asymmetry between academic paper titles in Russian and in English not only in their structure and organization, but in lexicon as well. That is why paper titles translated word-for-word from Russian into English often fail to map standard stylistic patterns characteristic to academic English. There are some comments as well on a rather new pattern in titling academic papers across languages. It has to do with using various expressive stylistic means, which never fail to attract peers' attention. There are also some comments on using "translator's false friends" in rendering academic paper titles from Russian into English, particularly by native Russian speakers.

The research is based on extensive linguistic corpus data (10 000 paper titles authored by native Russian and English speakers), has practical implications and guidelines, as well as proposes some topical theoretical interpretations concerning its subject matter.

Key words: academic English, academic Russian, scientific paper titles, crosslinguistic asymmetry, language-specific communicative patterns, 'attention attracting titles'.

Citation. Ryabtseva N.K. Academic Paper Titles and Their Dominating Patterns: a Russian-English Perspective. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 33-43. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.4>

УДК 811.161.1'42:811.111'42
ББК 81.055.51.2

Дата поступления статьи: 06.02.2018
Дата принятия статьи: 12.04.2018

НАЗВАНИЕ КАК ДОМИНАНТНЫЙ КОМПОНЕНТ НАУЧНОГО ТЕКСТА: РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ «НЕСООТВЕТСТВИЯ»¹

Надежда Константиновна Рябцева

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье показана ключевая роль названия научного текста в отражении его содержания и предназначения. Указаны культурно и лингвистически обусловленные различия в научной речи на русском и английском языках, а также связь научного стиля со строением языка и доминирующими в нем моделями названий научных текстов.

На основе анализа специально созданного представительного лингвистического корпуса названий современных аутентичных научных текстов на русском и английском языках (1980–2017 гг.) объемом свыше

10 тыс. вхождений продемонстрирована зависимость структуры названий научных произведений от сложившихся стилистических доминант научной речи на данных языках. Показаны сходства и различия в принципах организации названий научных произведений, преобладающих в русском и английском языках и выявлены недостатки пословного перевода названий с русского языка на английский. Охарактеризованы особенности использования «экспрессивно маркированных» названий – нового для научной речи типа заголовков, получивших международное распространение и признание благодаря их «аттрактивной» силе.

В качестве важных результатов исследования в статье кратко сформулированы принципы перевода названий научных статей с русского языка на английский и предложена теоретическая интерпретация объекта и предмета проведенного исследования с точки зрения когнитивной лингвистики и «интегративного перевода».

Ключевые слова: научная речь, английский язык, русский язык, название научного произведения, межъязыковые «несоответствия», лингвоспецифичные коммуникативные доминанты, «аттрактивные названия».

Цитирование. Рябцева Н. К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 33–43. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.4>

Исходные положения

Название научной статьи, книги или доклада в свернутом виде отражает чаще всего не только их содержание, но и научный стиль мышления носителя языка, а также научный стиль речи, сложившийся в данном языке. По этой причине (а также по ряду других) название научного произведения, как и названия произведений других стилей и жанров, именно благодаря своей уникальной коммуникативной значимости и полифункциональности давно и постоянно привлекают внимание лингвистов разных специальностей и направлений: от грамматистов до когнитологов, от стилистов до интернет-аналитиков. В настоящее время можно говорить о растущей значимости названий текстов всех без исключения типов, особенно в связи с постоянно увеличивающимся потоком информации, «интернетизацией» коммуникации и ее «прагматизацией».

Далее будут рассмотрены основные коммуникативные и содержательные свойства заголовков; отличительные особенности научной речи на русском и английском языках, влияющие на формирование названий научных статей; язык и стиль научных заголовков на русском и английском языках в контрастивном аспекте, а также недостатки пословного перевода названий научных статей с русского на английский.

В исследовании используются корпусный, квантитативный, семантический, контрастивный и когнитивно-прагматический методы анализа языкового материала.

Основные коммуникативные и содержательные свойства заголовка

Заголовок – один из важнейших коммуникативно значимых элементов структурной организации любого, в том числе научного, текста [Бахтин, 1979; Костомаров, 1965; Котюрова, Баженова, 2007]; он имеет свои функциональные, стилистические, прагматические и другие характеристики. Так, заголовок выражает основную идею текста, идентифицирует, символизирует и «замещает» его, указывает его тему, призван привлечь к нему внимание адресата и направляет его, задает перспективу изложения и восприятия текста, вводит его в коммуникативное пространство и т. д. Кроме того, заголовок научного произведения представляет собой автосемантическое высказывание-суждение. Он может быть различной структуры и потому образует автономный речевой жанр, динамично развивающийся в современном научном дискурсе на любом языке. В ряде исследований подчеркивается, что названия научных произведений, в том числе на русском языке, эволюционируют и приобретают новые, не свойственные им ранее черты [Куликова, Салмина, 2015; Табанакова, 2016, с. 85–87].

Одним из характерных свойств названий научных статей выступает их непосредственная связь с особенностями научного стиля, сложившимися в данном языке, с одной стороны, и с особенностями грамматического строя данного языка, а также с доминирующими в нем прагматическими и

коммуникативными установками – с другой. Например, в русском языке благодаря большому количеству словоизменительных категорий (род, число, склонение, спряжение) и свободному порядку слов имеется возможность строить предложения, распространенные большим количеством различных подчиненных компонентов, согласование между которыми может достигать нескольких уровней связности [Котюрова, 2016, с. 68]. В результате названия научных статей могут представлять собой развернутые и при этом единые многокомпонентные именные образования со сложной синтаксической структурой, ср.: «*О принципе деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском и древних славянских языках*» («Вопросы языкознания» – ВЯ). Для английского языка подобные структуры не характерны. Кроме того, существуют и другие принципиально важные стилистические особенности научных текстов на русском и английском языках, находящие непосредственное отражение в структуре и организации названий научных произведений.

Отличительные особенности научной речи на английском и русском языках

Отличительными особенностями научной (и не только) речи на английском языке являются в первую очередь ориентация на адресата, а потому ясность, точность, логичность и эксплицитность выражения мысли, краткость, компактность и «сжатость» изложения, прозрачность и четкость структуры и организации текста, преимущественное использование предметной и глагольной лексики, отказ от многосложных отглагольных и абстрактных существительных и др. В результате научный текст на английском языке синтаксически разворачивается преимущественно линейно, состоит из довольно коротких слов, выражений и предложений, эксплицитно соединенных ключевыми словами и логическими коннекторами, и потому достаточно легок для восприятия и понимания [Брежнева, 2017; McCarthy, O'Dell, 2012; Riabtseva, 2013; Swales, Feak, 2010; Wallwork, 2011].

Для научного текста на русском языке характерно использование большого количества абстрактной и отглагольной лексики, синтаксически сложных конструкций и оборотов, достаточно длинных предложений с «пересекающимися» синтаксическими связями и др. При этом понимание текста затрудняется, особенно ввиду использования формальных средств связности: местоименных и других грамматических показателей. При переводе таких текстов на английский язык «необходимо обращать внимание на возможность отступить от буквы исходного текста, чувствовать разумную свободу в использовании языка в процессе перевода: попытка переноса традиционного русского научного повествования в другой языковой код приводит к тому, что в переводе вместо научности возникает ее суррогат, некая наукообразность» [Меньшакова, 2016, с. 112]. См. выделенные полужирным курсивом малоинформативные обороты и выделенные подчеркиванием стилистически неудачные повторы предложения во фрагменте аннотации (к статье из журнала): *The paper is aimed at the research of the fundamental scientific problem of influence of Internet...* (vs. *The paper studies internet's influence...*).

Указанные черты научного стиля отражаются на языке, форме и организации названий научных произведений на русском и английском языках.

Язык и стиль научных заголовков на русском и английском языках: контрастивный аспект

Специально созданный лингвистический корпус названий современных научных произведений (1980–2017 гг.) на английском и русском языках (авторы – носители языка) объемом свыше 10 тыс. вхождений позволил выявить следующие закономерности в их построении.

1. Сходство названий научных произведений на русском и английском языках ограничивается наличием только одной типичной для них обеих конструкции. Это короткое название – нераспространенная дополнительными компонентами именная группа, чаще всего с «не-генитивным» предлогом: «*Надзнаковость языка*», «*О варьировании слов в не-*

мецком языке», «Место сванского в семье картвельских языков» (ВЯ) – *Negation in Uralic Languages* (John Benjamins – JBs 2015), *Metaphors We Live By* (Chicago 1980), *The Axiological Parameter in Preconceptual Image Schemata* (JBs 1993). Менее 8 % названий в каждом из языков.

2. Для научной речи на русском языке наиболее распространенными и типичными являются следующие частично пересекающиеся модели:

– с использованием (двух и более) генитивных конструкций (свыше 19 % названий): «*Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии*», «*Влияние сенсомоторных стереотипов на понимание пространственных конструкций*» (ВЯ), «*Военно-экономический аспект современного состояния национальной безопасности России*» (Вестник РГНФ);

– с использованием синтаксически развернутых именных групп с большим количеством препозитивных и постпозитивных по отношению к главному зависимых компонентов (с преобладанием генитивных конструкций) (до 33 % названий): «*Основные принципы построения словарной статьи с заглавным словом – экзотизмом*» (Научный доклад (на международной конференции) – НД 2016), «*Исследования морской арктической комплексной экспедиции на Белом море*» (Вестник РГНФ). В подавляющем большинстве случаев (в научных журналах, материалах и программах конференций) такие названия переводятся с русского языка на английский пословно, ср. употребление «of-генитива»: «*Major Principles of the Structure of the Dictionary Entries for Exotic Words*», «*Research of Complex Arctic Sea Expedition in White Sea*». При этом совершенно естественное для научной речи на русском языке название с генитивом, например: «*Из истории становления дискретной математики*» при пословном переводе на английский превращается в противоестественное для английской (научной) речи многократное повторение предлога *of* (см. [Riabtseva, 1988]): «*Out of History of Formation of Discreet Mathematics*» (Вестник РГНФ);

– с использованием (часто в качестве первого компонента) слова с абстрактной и

потому «неточной», широкой семантикой в комбинации с отглагольной лексикой (до 19 % названий): «*Основные Принципы (исследования), Методы (анализа), Проблемы (изучения), К вопросу о (реконструкции)* и т. п. Например, для научной речи на русском языке являются вполне нейтральными такие названия, как «*К проблеме типологии речи*», «*К вопросу о номинации в древнерусском языке*», «*О принципе деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском и древних славянских языках*» (ВЯ). Названия научных статей на английском языке с подобных выражений обычно не начинаются, такие конструкции в целом редко используются в научном заголовке, они как бы и так подразумеваются: *Reference-point Constructions* (JBs 1993); *Cyclic and Noncyclic Phonological Effects in a Declarative Grammar* (JBs 1998); *Spatial Language and Spatial Cognition* (JBs 1995);

– с использованием различных металингвистических конструкций – дополнительных (пояснительных, уточняющих) комментариев, которые помещаются после названия в скобки (до 11 % названий): «*на материале иранских языков*», «*в связи с выходом в свет Русско-японского словаря*» (ВЯ), «*на основе археологических данных*» (Вестник РГНФ) и т. п. В английском языке, напротив, такие комментарии и модели названий крайне редки.

В корпусе представлены и другие модели названий (менее 9 % всех названий): «*Уступительность как системообразующий смысл*», «*Многозначные слова в контексте и вне контекста*», «*О стыде и стуже*», «*Союз если и семантические примитивы*», «*Актуально ли учение Марра?*», «*Язык, мышление, культура*», «*Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания*», «*Русский язык ищет артикль*», «*Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии*» (ВЯ).

3. Для названий научных статей на английском языке, помимо указанных выше моделей (с использованием «не-генитивных» конструкций, конструкций без предлога *of*), характерными являются следующие частично пересекающиеся модели:

– с сочинительным союзом (до 28 % названий): *Human and Machine Vision* (New York

1983); *Force Dynamics in Language and Thought* (Chicago 1985); *Syntactic Categories and Grammatical Relations* (Chicago 1991); *Polysemy and Related Phenomena from a Cognitive Linguistic Viewpoint* (Cambridge 1995);

– с двоеточием: *Dictionary Typologies: A Pragmatic Approach* (НД 2015); *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure* (Cambridge 1990); *Discourse and Cognition: Bridging the Gap* (Stanford 1998); *Grammar in Mind and Brain: Explorations in Cognitive Syntax* (New York 1992) (до 27 % названий);

– с неличными формами глагола: *Comparing Partitions* (J. of Classification 1985); *Learning to Merge Word Senses* (НД 2007); *Measuring Historical Word Sense Variation* (НД 2011); *Learning Word Sense Distributions, Detecting Unattested Senses and Identifying Novel Senses Using Topic Models* (Baltimore 2014) (до 7 % названий);

– с вопросительным (по форме) предложением: *Do Word Meanings Exist?* (Patrick Hanks, 2000); *How to do Philosophy with Words* (JBs 2016) (до 3 % названий);

– сочетающие перечисленные выше модели (до 34 % названий): *Metaphorical Models of Thought and Speech: A Comparison of Historical Direction and Metaphorical Mappings in the Two Domains* (Berkley 1987); *Article Structures: Moving from Printed to e-Dictionaries; English for Community Membership: Planning for Actual and Potential Needs* (НД 2015).

В корпусе представлены и другие модели названий (менее 5 % всех названий научных произведений на английском языке), ср.: *Not all ambiguous words are created equal: An EEG Investigation of Homonymy and Polysemy* (Brain and Language 2012); Kilgarriff, A. 'I don't believe in word senses' (Computers and the Humanities 1997).

В результате модели названий научных статей, докладов и книг, которые используются носителями английского языка, имеют простую и прозрачную структуру и благодаря этому оказываются легкими для восприятия и понимания. Наиболее типичными для (развернутого) заголовка научной статьи (книги, доклада и т. д.) на английском языке являются **двухчастные** структуры, состоящие из

тематического (основного, «широкого», «исходного») компонента, стоящего вначале, и его рематических характеристик (дополнительных, «уточняющих»), часто следующих за **двоеточием**. Кроме того, двумя частями заголовка могут быть равноправные компоненты, а также главный и подчиненный, более общий и более узкий по значению, соединенные союзом *and* (или предлогом). В любом случае двухчастная структура заголовка (а также любого другого предложения) обеспечивает прозрачность его структуры и потому его легкое восприятие и понимание.

Так, упомянутое выше вполне стилистически нейтральное (для научной речи на русском языке) название научной статьи «*О принципе деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском и древних славянских языках*» (ВЯ) в самом журнале переведено на английский язык следующим образом (пословно): «*On the principle of the division of reduced vowels into tense and weak in late Common Slavic and in Old Slavonic languages*». Пословный перевод дает громоздкую конструкцию с повторяющимся и потому стилистически маркированным предлогом *of* и содержит абстрактную и отглагольную лексику, которая неоправданно удлиняет название. Такой перевод названия не соответствует научной речи на английском языке в целом и «устройству» и организации названий научных статей на нем в частности. Ср. типичную для английского языка модель названия: **Dividing reduced vowels...** Она сокращает название, позволяет устранить малоинформативные или грамматически маркированные с точки зрения научной речи на английском языке выражения и конструкции (*On the principle*, повторы предлога *of*), делает заголовки менее формальным, более динамичным и «user-friendly» (дружественным для пользователя): простым для восприятия, выразительным, компактным, лаконичным и не содержащим (коммуникативно) избыточных компонентов.

4. В научной речи на русском и английском языках есть свои «ложные друзья переводчика», которые нередко встречаются в названиях научных статей или в сопровождающих их текстах (аннотации и др.). Так, почти курьезным недоразумением можно счи-

тать использование при переводе названий научных докладов и статей с русского языка на английский созвучных друг другу аналогов типа *аспект* – *aspect*, *перспектива* – *perspective*. Эти понятия используются в русском языке иначе, чем в английском [Рябцева, 2017]. Например, по-русски не говорят «в лингвистической (когнитивной, юридической, психологической) перспективе», а по-английски говорят именно так, ср.: *Applied Linguistics Perspectives on CLIL* («Content and Language Integrated Learning») (JBs 2016). См. также «образцово-показательные» заголовки книг на английском языке: *Similitive and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective* (JBs 2017); *Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives* (London 2014).

Другой частой причиной порождения «сложных друзей переводчика» выступает желание выразить заданный в русском языке смысл наиболее близким «контекстно-независимым» эквивалентом, в результате чего происходит подмена понятий. Так, русск. *особенности* переводится на английский как *?peculiarities* вместо естественного *distinctions*, *свобода слова* – как *?freedom of statement* вместо устоявшегося *freedom of speech*, *языковая личность* – как *?linguistic personality* или *?language personality*, не используемые в научной лингвистической литературе на английском языке, и др. Примеры (неудачного) перевода названий научных докладов с русского на английский: «*Лексические и стилистические особенности сказок Оскара Уайльда*» – «*Oscar Wilde's Fairy Tales: Lexical and Stylistic Peculiarities*», «*Некоторые особенности функционирования лексем, обозначающих полезные ископаемые в русском и английском языках*» – «*Some Peculiarities of Functioning of Terms which Denote Natural Resources in the Russian and English languages*» (НД 2016), «*Типологические особенности морфемной структуры слова в английском и бурятском языках*» – «*Typological Peculiarities of Morphemic Structure of a Word in English and Buryat*» («Урало-алтайские исследования»). Ср.: *peculiarity* – «a strange or unusual quality» (Longman Dictionary of Contemporary English Online) vs. *особенность* – «характерное, от-

личительное свойство» (Russian-dictionary-Ozhegov.htm).

Структура, организация, лексика и коммуникативная сущность названий научных статей, книг и докладов как особого «малого» жанра научного стиля, с одной стороны, постоянно изменяются, развиваются и становятся более унифицированными, причем в мировом масштабе, а с другой стороны, оставаясь доминантным компонентом научного текста, приобретают ряд не свойственных им черт (о них будет сказано ниже). Следует также отметить, что в названиях научных статей на русском языке (или в их переводах на английский язык) стала активно распространяться «международно признанная» конструкция с двоеточием. Она обеспечивает компактность названия, его «свернутость» и семантическую насыщенность, а также упорядоченность, структурированность и прозрачность. Ср. название статьи в ВЯ и его (в целом) удачный («не-пословный») эквивалент на английском языке: «*Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии*» – *Unification of scientific and technical terminology: some linguistic problems* (ВЯ). В исследовании И.С. Куликовой и Д.В. Салминой, посвященном эволюции названий в журнале «Вопросы языкознания», показано, что в названиях статей конструкция с двоеточием использовалась с 1952 по 1979 г. всего два раза, с 1980 по 1999 г. – 30 раз, а с 2000 по 2014 г. – уже 90 раз. Напротив, дополнительный компонент названия – (*на материале*) – с 1980 по 1999 г. использовался 40 раз, а с 2000 по 2014 г. – всего 7 раз [Куликова, Салмина, 2015, с. 43].

Принципы перевода названий научных статей с русского языка на английский

Типичные модели названий научных произведений на русском и английском языках, с одной стороны, демонстрируют различия в стиле научного мышления и изложения на этих языках, а с другой – показывают, что их пословный перевод с русского на английский в большинстве случаев приводит к нарушению стилистических норм научной речи на английском языке. В результате проведенного исследе-

дования можно сформулировать краткие правила перевода названий научных статей, книг, докладов и т. д. с русского на английский язык (точнее, выражения заданного в заголовке на русском языке смысла средствами английского языка).

1. Заголовок по-английски не должен быть длинным и многословным, поэтому он может (и даже должен) быть короче, чем на русском языке. В названии на английском языке нежелательно использование широкозначной и малоинформативной лексики типа *система, функция, роль, статус, проблема* и т. п., а также любых отглагольных существительных (*employment, development, systematization* и др.), поскольку они требуют «генитивного» предлога *of*, который, как и само отглагольное существительное, усложняет структуру заголовка. В (коротких) заголовках на английском языке желательно использовать такие предлоги, как *in, on, for, from, to, across* и т. п.

2. Содержание (развернутого) заголовка следует разбить на две равнозначные или неравнозначные части: тематическую и рематическую (основную и дополнительную); тема в названии должна предшествовать реме, ср.: «*Semantic representation of the concept BLACK*» vs. *The Concept BLACK and its Semantic Representation*. В заголовке, содержащем равнозначные части, желательно использовать союз *and*, например: *Reflective Linguistics and the Study of Language* (London 2015).

3. «Тема» (основная часть) заголовка может быть отделена от его рематической (дополнительной) части двоеточием. Материал, который в названии на русском языке помещен в скобки, желательно включить в название на английском языке без скобок. Сложные многокомпонентные заголовки можно разбивать последовательно на две части, соединяя их предлогами, союзами и двоеточием, ср.: *Prescription and Tradition in Language: Establishing Standards across Time and Space* (Multilingual Matters, 2016). Неполное соответствие заголовка на английском языке заголовку на русском не означает, что заголовок на русском языке следует изменить. Важно, чтобы оба заголовка звучали естественно и органично на своем языке и выражали один и тот же смысл. Ср. выделен-

ные полужирным шрифтом элементы в названиях научных докладов на русском языке и их удачные английские эквиваленты: «*Интертекстуальность и ее роль в совершенствовании процесса овладения иностранным языком*» – *Intertextuality and its Role in Foreign Language Acquisition Refinement*, «*Языковая игра в жанре британской кинорецензии*» – *Stylistic Devices in British Film Reviews* (НД 2016).

Заключение: инновации и перспективы

Научная речь на русском языке значительно отличается от научной речи на английском языке не только в силу лингвистической (грамматической, лексической, семантической, прагматической и т. д.) асимметрии между языками, обусловленной асимметрией естественного языка в принципе [Рябцева, 2005, с. 9–25], но и ввиду различий в стиле мышления и коммуникации в данных культурах. Эти различия ярко проявляются в названиях научных произведений и свидетельствуют о том, что пословный перевод с русского языка на английский часто не соответствует стилистическим нормам научной речи на английском языке.

В целом можно сказать, что исследователи английского языка, в том числе и научной речи на английском языке, подчеркивают, что ему свойственны короткие, точные и простые слова и структуры, выразительность, отказ от абстрактной лексики, усложненных синтаксических конструкций и др. Научной речи на русском языке свойственны другие характеристики, отражающие в целом другой стиль мышления. Явно и ярко эти различия проявляются именно в названиях научных статей на этих языках. В связи с этим для передачи названия научной статьи, написанной (и озаглавленной) по-русски, нужно учитывать особенности построения названий научных произведений на английском языке. Пословный перевод, который часто используется в отечественных изданиях (в журналах, материалах конференций и др.), препятствует их главному предназначению – привлечь внимание международного научного сообщества к научным исследованиям, проводимым в нашей стране.

Тем не менее в ряде российских научных изданий, требующих от авторов статей на русском языке аннотации и названия статьи на английском, встречается «не-словный» перевод на английский язык, то есть перевод, передающий смысл средствами, типичными для названий на английском языке, имеющими соответствующую структуру, более компактный состав, более семантически конкретизированные компоненты и т. п. Можно привести следующие примеры названий научных докладов и их удачного (в целом) перевода на английский язык: «*Лексические и стилистические особенности сказок Оскара Уайлда*» – *Oscar Wilde's Fairy Tales: Lexical and Stylistic Peculiarities*, «*Особенности языков эльфов в произведениях Дж.Р.Р. Толкина*» – *On English Languages Constructed by J.R.R. Tolkien*, «*Проблема использования пословиц и поговорок на уроках английского языка*» – *How Should Proverbs and Sayings be Dealt with in the Lessons of English?* (НД 2016). Таким образом, культура оформления научных статей на русском языке, в первую очередь перевод их названий на английский язык, постепенно приближается к международному уровню, особенно благодаря отходу от пословного перевода.

Следует особо выделить тот факт, что в названиях научных статей как на русском, так и на английском языках все чаще используются такие креативные стилистические приемы, как игра слов, употребление иронического или шутливого выражения или неожиданной цитаты, прецедентного «текста», метафорическое и т. п. переосмысление понятий, а также более тонкие стилистические и своего рода эстетические приемы, придающие заголовку, в том числе и научному, особую «аттрактивность» [Филоненко, 2008]. Пословный перевод в таких случаях исключен уже хотя бы потому, что для русского языка предпочтительно эксплицитное выражение смысла, тогда как английский язык выработал специальные средства компрессии и «сжатия» текста. Так, одна из представительных конференций по прикладной лингвистике, которая проходила в США в 2015 г., называлась «коротко и ясно»: «*Applied Linguistics Applied*». Эта остроумная и почти непереводаемая игра слов тем не менее может быть выражена и по-рус-

ски. Ср. также «нетипичные» для научного стиля экспрессивно маркированные названия книг, статей и докладов: Brookes I. *Painting the Forth Bridge: Coping with Obsolescence in a Monolingual English Dictionary* (2004); Crystal D. *Txtng: The Gr8 Db8*. (2008); C. L. Cameron. *The Discourse Dynamics Approach to Verbal Metaphor: Model and Method*; Haque M. Ch. *Discourse Patterns in Educational Ads: (Un)social Practices* (НД 2014); О.А. Гусева. «*Коммуникативно значимый ... смех*»; А.В. Кремнева. «*Всякий ли текст мечтает стать прецедентным?*»; Н.М. Перельгут, О.Я. Яковишак. «*Эволюция и революция в научном дискурсе?*»; Е.В. Федорова. «*“Метафизический пластилин”, или концептуальная интеграция как способность создавать новые смыслы в критическом дискурсе*» (НД 2014).

Здесь необходимо указать еще на одну важную особенность научного языка, стиля и мышления, проявляющуюся в названиях научных статей и имеющую непосредственное отношение и к научному познанию, и к его осмыслению. Это интеграция рационального, эмоционального и эстетического в интерпретации получаемых новых научных знаний в виде особо экспрессивных понятий и терминов. Сочетание рационального и эмоционального в научной терминологии прослеживается как в традиционно приводимых в целях его демонстрации примерах из физики, астрономии и других точных наук (ср.: *звезда-карлик*, *заторможенная* частица), так и во множестве новых научных понятий и терминов, которые предлагает современная наука, чувствующая свою связь не только с созданием или обнаружением нового, но и с творчеством, культурой, эмоциональной сферой и эстетикой, равно как и *творчество* стало осмыслять себя как особый эстетический язык: «Современное искусство стало базировать свои принципы на языковых играх и лингвистических постулатах» [Фещенко, 2016, с. 62].

Например, целый ряд современных лингвистических терминов имеет экспрессивный характер, содержит в своем значении явные и неявные эмоционально значимые и эмоционально-образные компоненты и аксиологически маркированные элементы [Котурова, Соловьева, 2017, с. 33]. Особенно ярко интегра-

ция рационального, эмоционального и эстетического, их синкретичное выражение воплощается в авторских номинациях и терминах [Табанакова, 2016, с. 89], которые часто используются и в названиях научных статей: «**Автономизм, социализм и идиотизм: европеизмы в иврите, 1917–1918**», «Немецкие “языковые острова” в Алтайском крае», «**Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего**», «**Ироническая грамматика: средний род в игровой неологии**» (ВЯ); а также терминологический диссонанс, ложноориентирующие термины-фантомы, ономастический миф, мифоэпоним и название статьи «**Мифоэпонимы в зеркале кросспрофессионального анкетирования**» [Васильева, Тритенко, 2017]. Проблема перевода таких названий с русского на английский требует отдельного изучения [Иоанесян, 2016; Табанакова, 2013]. Однако следует отметить, что в современных исследованиях, в том числе когнитивных, подчеркивается возрастающая роль эстетического компонента во всех типах и видах коммуникации, включая научную, в частности, в связи с расширяющимися возможностями цифровых технологий в представлении разнообразной информации, особенно в виде ярких, наглядных и выразительных изображений, таблиц, графиков, диаграмм, с применением разнообразных шрифтов и других семиотических средств.

В заключение следует отметить, что, используя «доминантные», как сейчас говорят, модели названий научных статей на английском языке, участник международной научной конференции или автор, публикующийся в международном научном журнале, имеет возможность названием своей научной работы, не только традиционно оформленным, но и «инновационным», привлечь внимание своих коллег из других стран и вызвать их интерес к проведенному исследованию, а также быть правильно ими понятым и по достоинству оцененным.

В качестве теоретической интерпретации полученных данных можно сказать, что в статье затрагивается одна из актуальных проблем когнитивной лингвистики и «интегративного переводоведения» одновременно (ср.: [Болдырев, 2016; Поликарпов, 2017]). Она заключается в изучении отражения в стиле мыш-

ления структуры языка, с одной стороны, и в установлении связи между устройством языка и его культурными коммуникативными моделями, которые обязательно должны учитываться в процессе перевода с языка на язык, – с другой.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена частично при финансовой поддержке РФФИ, грант 18-012-00736 А «Интегральное представление эмоциональной сферы человека (на материале лексики и фразеологии славянских, романских, германских, кельтских и финно-угорских языков)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М., 1979. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Наука. С. 259–295.
- Болдырев Н. Н., 2016. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV. С. 35–48.
- Брежнева Д. Д., 2017. Языковая игра в жанре британской кинорецензии // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж.Р.Р. Толкина) : сб. материалов Междунар. науч. конф. М. : МГОУ. С. 51–53.
- Васильева Н. В., Тритенко Т. В., 2017. Мифоэпонимы в зеркале кросспрофессионального анкетирования // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : БашГУ. С. 127–131.
- Иоанесян Е. Р., 2016. Лексические трансформации при переводе // Научный диалог. № 3 (51). С. 29–41.
- Костомаров В. Г., 1965. Из наблюдений за языком газеты: газетные заголовки // Из опыта преподавания русского языка нерусским. М. : Мысль. С. 163–168.
- Котюрова М. П., 2016. Об эталонном научном тексте // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь : Перм. гос. ун-т. Вып. 20. С. 63–71.
- Котюрова М. П., Баженова Е. А., 2007. Культура научной речи: текст и его редактирование. Пермь : Пермский гос. ун-т. 282 с.
- Котюрова М. П., Соловьева Н. В., 2017. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). Пермь : Пермский гос. ун-т. 204 с.

- Куликова И. С., Салмина Д. В., 2015. Заголовок научной статьи как речевой жанр // Международный научный институт «Educatio». № 3 (10). С. 41–44.
- Меньшакова Н. Н., 2016. Трансляция наукообразности в студенческих переводах с русского языка на английский // Индустрия перевода : материалы VIII Междунар. науч. конф. (Пермь, 6–8 июня 2016 г.). Пермь : Пермский нац. исслед. политех. ун-т. Т. 1. С. 110–114.
- Поликарпов А. М., 2017. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. Т. 16, № 3. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.1>.
- Рябцева Н. К., 2005. Язык и естественный интеллект. М. : Academia. 640 с.
- Рябцева Н. К., 2017. Иностраный язык для академических целей: интегральное представление лингвистической информации // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. М. : МГИМО – Университет. Т. 2. С. 243–250. URL: http://inno-conf.mgimo.ru/i/inno-magic-2017_tom-2.pdf.
- Табанаква В. Д., 2013. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та. 208 с.
- Табанаква В. Д., 2016. Предикативный потенциал заголовка научного текста // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь : Перм. гос. ун-т. Вып. 20. С. 85–93.
- Фещенко В. В., 2016. Искусство как язык, язык как искусство: терминологический и концептуальный трансфер // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 7. С. 49–69.
- Филоненко Т. А., 2008. Аппетитивные заголовки в научной речи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. «Педагогика и психология». «Филология и искусствоведение». № 2. С. 290–296.
- McCarthy M., O'Dell F., 2012. Academic Vocabulary in Use. Cambridge : Cambridge University Press. 176 p.
- Riabtseva N. K., 1988. Conceptual Background for Interlinguistic Interference // Interferenz in der Translation: «Übersetzungswissenschaftliche Beiträge». Leipzig : VEB Verlag Enzyklopadie. S. 88–92.
- Riabtseva N. K., 2013. English for Scientific Purposes. 6th ed. M. : Nauka-Flinta. 598 p.
- Swales J. M., Feak Ch. B., 2010. B. English in Today's Research World. A Writing Guide. Michigan : The University of Michigan Press. 304 p.
- Wallwork A., 2011. English for Writing Research Papers. N. Y. ; Dordrecht ; Heidelberg ; London : Springer. 347 p.

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1979. The problem of speech genres. Bakhtin M.M., ed. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, Nauka Publ., pp. 259-295.
- Boldyrev N.N., 2016. Language and the structure of consciousness. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 24, pp. 35-48.
- Brezhneva D.D., 2017. Stylistic devices in British film reviews. *Aktualnye problemy lingvistiki, perevodovedeniya, literaturovedeniya, leksikografii, teorii i praktiki obucheniya inostrannym yazykam (k yubileyu Dzh.R.R. Tolkiena): sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, MGOU Publ., pp. 51-53.
- Vasilyeva N.V., Tritenko T.V., 2017. Myth eponyms as reflected in cross-professional questionnaire. *Mezhkulturnaya ↔ intrakulturnaya kommunikatsiya: pretsedentnyy tekst v kommunikatsii: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ufa, BashGU Publ., 2017, pp. 127-131.
- Ioanesyan E.R., 2016. Lexical transformations in translation. *Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]*, no. 3 (51), pp. 29-41.
- Kostomarov V.G., 1965. On the newspaper discourse: titles. *Iz opyta prepodavaniya russkogo yazyka nerusskim*. Moscow, Mysl Publ., pp. 163-168.
- Kotyurova M.P., 2016. On sample academic text. *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste*. Perm, Perm. gos. un-t Publ., iss. 20, pp. 63-71.
- Kotyurova M.P., Bazhenova E.A., 2007. *The culture of academic writing: text and the process of its editing*. Perm, Perm. gos. un-t Publ. 282 p.
- Kotyurova M.P., Solovyeva N.V., 2017. *Modern academic text (in the light of discursive changes)*. Perm, Perm. gos. un-t Publ. 204 p.
- Kulikova I.S., Salmina D.V., 2015. Titles of academic papers as a speech genre. *Mezhdunarodnyy nauchnyy institut «Educatio»*, no. 3 (10), pp. 41-44.
- Menshakova N.N., 2016. Transmitting scientism in Russian-English translations performed by students. *Industriya perevoda: materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf. (Perm, 6–8 iyunya 2016 g.)*. Perm, Permskiy nats. issled. politekhn. un-t., vol. 1, pp. 110-114.
- Polikarpov A.M., 2017. Integrated translation studies: origin and main ideas. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2,*

- Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.1>.
- Ryabtseva N.K., 2005. *Natural language and human intelligence*. Moscow, Academia Publ. 640 p.
- Ryabtseva N.K., 2017. Foreign language for academic purposes: integrated presentation of linguistic information. *Magiya INNO: Novye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike: materialy III mezhdunarodnoy konferentsii*. Moscow, MGIMO Publ., vol. 2, pp. 243-250. URL: http://inno-conf.mgimo.ru/i/inno-magic-2017_tom-2.pdf.
- Tabanakova V.D., 2013. *The author's term: I identify, interpret, and translate it*. Tyumen, Izd-vo Tyumen. gos. un-ta. 208 p.
- Tabanakova V.D., 2016. Academic paper titles and their predicative potential. *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste*. Perm, Perm. gos. un-t Publ., vol. 20, pp. 85-93.
- Feshchenko V.V., 2016. Language as art, art as language: a terminological and conceptual transfer. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], no. 7, pp. 49-69.
- Filonenko T.A., 2008. Attractive titles in academic discourse. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. «Pedagogika i psikhologiya». «Filologiya i iskusstvovedenie»*, no. 2, pp. 290-296.
- McCarthy M., O'Dell F., 2012. *Academic Vocabulary in Use*. Cambridge, Cambridge University Press. 176 p.
- Ryabtseva N.K., 1988. Conceptual Background for Interlinguistic Interference. *Interferenz in der Translation: «Übersetzungswissenschaftliche Beiträge»*. Leipzig, VEB Verlag Enzyklopadie, pp. 88-92.
- Ryabtseva N.K., 2013. *English for Scientific Purposes*. 6th ed. Moscow, Nauka-Flinta Publ. 598 p.
- Swales J. M., Feak Ch. B., 2010. *B. English in Today's Research World. A Writing Guide*. Michigan, The University of Michigan Press. 304 p.
- Wallwork A., 2011. *English for Writing Research Papers*. N.Y.; Dordrecht; Heidelberg; London, Springer. 347 p.

Information about the Author

Nadezhda K. Ryabtseva, Doctor of Sciences (Philology), Head of Department of Applied Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy St., 1, bld. 1, 125009 Moscow, Russia, nadia_riabceva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2042-4615>

Информация об авторе

Надежда Константиновна Рябцева, доктор филологических наук, заведующая сектором прикладного языкознания, Институт языкознания РАН, Большой Кисловский, 1, стр. 1, 125009 г. Москва, Россия, nadia_riabceva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2042-4615>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.5>

UDC 811.161.1'373.611
LBC 81.411.2-20

Submitted: 06.02.2018
Accepted: 02.04.2018

GRAMMATIC INNOVATIONS IN THE MODERN POETRY AS MANIFESTATION OF LINGUISTIC CREATIVITY

Natalya A. Fateeva

V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The paper deals with the general issues of linguistic creativity and outlines that it manifests itself most clearly in poetic text. We analyze the neological forms of poetry from this viewpoint and point out that they resulted from the interaction of the word-formative and grammatical levels of language. We also systematize the models of derivation from such parts of speech that were not previously involved in the process of word formation, for example, the nouns derived from pronouns, the imperative forms with nonstandard patterns of government, reflexive verbs with a modified actant structure, short adjectives formed from relative complete forms and the forms of comparative adjectives. The revealed productivity and paradigmatic nature of the neological formations allow asserting that the models for their derivation are potentially embedded in the language, which enables each of them to realize themselves in individual author's forms. At the same time, the contextual analysis has shown that innovations acquire the creative function in texts. The study confirms that language creativity is a special category of linguistic poetics and an area for studying those individual author's transformations in the field of poetic speech that serve as the basis for renovation and expanding the very system of poetic language.

Key words: modern poetry, word formation, grammar, innovations, pronominal derivatives, reflexive property, short adjectives, degree of comparison.

Citation. Fateeva N.A. Grammatic Innovations in the Modern Poetry as Manifestation of Linguistic Creativity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 44-52. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.5>

УДК 811.161.1'373.611
ББК 81.411.2-20

Дата поступления статьи: 06.02.2018
Дата принятия статьи: 02.04.2018

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

Наталья Александровна Фатеева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье обсуждаются общие вопросы языковой креативности и делается вывод о том, что лингвокреативность проявляет себя наиболее явно в поэтическом тексте. С этой точки зрения анализируются появившиеся на современном этапе развития поэзии новообразования, которые стали результатом взаимодействия словообразовательного и грамматического уровней языка, и систематизируются модели деривации от таких частей речи, которые раньше не были включены в процесс словообразования. К таким дериватам относятся существительные, образованные от местоимений, императивные формы с нестандартным управлением, возвратные глаголы с измененной актантной структурой, краткие прилагательные, образованные от относительных полных форм, а также формы сравнительной степени прилагательных. Обнаруженные нами продуктивность и парадигматичность этих новообразований позволяют утверждать, что модели их деривации потенциально заложены в языке, это дает возможность каждому из них реализовать себя в индивидуально-авторских формах. В то же время контекстный анализ показал, что инновации приобретают в тексте креативную функцию. В целом исследование подтверждает, что языковая креативность является особой категорией лингвистической поэтики как области изучения тех индивидуально-авторских преобразова-

ний в области художественной речи, которые служат основой обновления и расширения самой системы поэтического языка.

Ключевые слова: современная поэзия, словообразование, грамматика, инновации, отместоименные дериваты, возвратность, краткие прилагательные, степень сравнения.

Цитирование. Фатеева Н. А. Грамматические инновации в современной поэзии как проявление лингвокреативности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 44–52. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.5>

Введение

В современной лингвистике все больше работ посвящается языку современной поэзии. Рассматриваются его особенности в контексте истории языка [Зубова, 2000; 2010], изучаются активные процессы, происходящие в нем [Николина, 2009], его конвергенция с языком философии [Азарова, 2010], проводятся поэтические эксперименты [Имидж, диалог, эксперимент..., 2013].

Новизна нашего исследования состоит в том, что в нем с учетом взаимодействия уровней языка и с привлечением большого корпуса современных поэтических текстов (конца XX – начала XXI в.) выявляются те языковые структуры и ресурсы, которые делают возможным расширение сферы креативности в языке и определяют динамику его инноваций, то есть мы предлагаем изучение языка современной поэзии в аспекте языковой креативности – творческого и когнитивного потенциала, заложенного в языковых единицах, категориях и способах их репрезентации в целостном тексте. Такое понимание языковой креативности (лингвокреативности) связано с выделением, наряду с поэтической (эстетической), креативной (творческой) функции языка, детерминирующей пересмотр норм и традиций, отход от аналогии, создание новых форм и неожиданных сочетаний при передаче разнообразных мыслей и чувств.

Разработка темы лингвокреативности велась с установкой на работы В.В. Виноградова, в которых художественная речь, репрезентируемая в личностных формах, представлена как основная сфера индивидуально-речевого творчества [Виноградов, 2006], а также с учетом идеи Р. Якобсона о том, что творчество в языке связано с нарушением и преодолением конвенции системы [Якобсон, 2011, с. 34]. Методологически значимым для нашего исследования является и вывод Г.О. Вино-

кура о том, что поэзия всегда связана с созданием языковых средств, которые «не даны непосредственно наличной традицией и вводятся как нечто совершенно новое в общий запас возможностей языкового выражения» [Винокур, 1943, с. 8]. Нами учитывались также результаты, полученные при исследовании других сфер языка (разговорной речи, детской речи, публицистики, медийного и рекламного дискурсов) [Ирисханова, 2009; Лингвистика креатива, 2009; Лингвистика креатива-2, 2012; Ремчукова, 2011; Carter, 2004; Creativity in Language and Literature..., 2011; Crystal, 1998; Maybin, Swann, 2007; Moreno, 2007; Pope, Swann, 2011; Vanderslice, 2011 и др.].

Особенность изучения проявлений языковой креативности в нашей работе заключается в том, что при их анализе учитывается фактор стихотворной формы, которая обуславливает возникновение упорядоченностей, не имеющих в системе естественного языка (стихотворного размера, рифмы, звуковой организации, структурного параллелизма). Это позволило исследовать условия существования элементов поэтического текста, при которых возможности языковой системы проявляют себя наиболее полно. Еще одна особенность нашего исследования состоит в том, что обновление языковых средств в поэзии связано с каждым новым поэтическим поколением. С этой точки зрения активные процессы, происходящие в сфере языковой креативности, изучаются параллельно с происходящими в языке изменениями.

В центре нашего внимания в рамках данной статьи находились сферы словообразования, грамматики и лексики, языковые инновации в которых заставляют адресата сообщения искать причины выбора поэтом именно особого, неконвенционального способа выражения, открывающего новые пути словообразования и смыслообразования. Последнее связано с установкой поэтического языка на мо-

тивированность всех типов девиаций (звуковых, орфографических, словообразовательных, грамматических, лексическо-семантических), поскольку в нем существует презумпция разрешения всех лингвистических аномалий. С этой точки зрения девиантность в поэзии – почти всегда осознанный авторский прием, который относится к метаязыковым явлениям: все введенные поэтом словообразовательные, грамматические, лексико-семантические и другие трансформации работают на приращение смысла, прежде всего на его эстетическую составляющую, а также на создание новых нетривиальных смыслов. Последнее и определяет креативный характер поэтических девиаций, которые в итоге становятся языковыми инновациями.

Глагольные инновации

1. Обратимся к окказиональным возвратным глагольным формам, демонстрирующим подвижность категорий залога и переходности на фоне общей обратимости субъектно-объектных синтаксических связей. Особенностью поэзии является специфическая имажинативная природа возвратных глаголов, поскольку, создавая поэтическое высказывание от «Я», поэт производит конверсию или трансформацию семантических ролей прежде всего в ментальной области – ведь в этом случае не существует заранее заданной референтной ситуации. Наоборот, грамматические сдвиги как раз порождают некоторую ранее не существовавшую расстановку актантов именно в ходе данного речементального поэтического события.

Необычные рефлексивные формы глагола со значением «постепенного убывания жизни» встречаем у В. Черешни:

Живешь, живешь, и обжигаяешься
вдруг ужасом, что не живешь,
а потихоньку **умираешься**
и полегоньку **исчезаешься**, –
не человек уже, а дрожь.
<...>

Пока наощупь разбираешься
между «живешь» и «не живешь»,
скукоживаешься, **смеркаешься**,
закатным отсветом теряешься,
дня позолоченного грош.

Звуковая организация текста с аллитерацией на шипящие *ж* и *ш* создает иконичность высказывания – она передает ощущение внутренней дрожи субъекта. В конце стихотворения используется безличный глагол *смеркаешься*, который в данном тексте обретает субъекта.

Инновации создаются и в случае, когда к возвратным глаголам присоединяются аффиксы, меняющие семантику исходного глагола на противоположную, при этом актантная структура сохраняется. См., например, стихотворение М. Амелина «Случайная музыка»:

Нежно-розовый нехотя исчезает
под густо-лиловым, –
зазеваясь, кажется, и не сыщешь
дороги туда,
где случайная музыка не успела
с умышленным словом
разминуться, развстретиться...

Присоединяя приставку *раз-* к возвратному глаголу *встретиться*, обозначающему взаимно-возвратное действие, поэт достигает оксюморонного эффекта – уничтожения «взаимности» и усиления семантики «разъединения» по отношению к *разминуться*.

Таким образом, можно констатировать, что в поэтической речи возвратность получает статус не только словоизменительной, но и словообразовательной категории, а возвратные глаголы образуют грамматические тропы, реализую свой креативный потенциал.

В аспекте взаимодействия словообразования и словоизменения показательны случаи, когда поэты, экспериментируя с категорией возвратности, элиминируют возвратную частицу у возвратных глаголов. Так, Е. Шварц пишет:

Вот не думала, что **доживу, дожду**
До подгнивших слив в дрожжевом саду,
До августовской поворотной ночи, когда
Червь не минует ни одного плода.

Выстраивая глагольный ряд, автор лишает возвратности форму *дождусь*, отсекая постфикс *-сь* и отказывая этой форме в рефлексивности. Благодаря паронимической аттракции устанавливается «теснота стихового ряда», в рамках которой форма *дожду* получает то же управление, что и форма *доживу* (*доживу, дожду до* + род. п.; при этом не-

возможно *дождусь до*). Выбор этой формы также диктуется рифмой.

2. В поэтическом языке нашего времени наблюдается особая тенденция образования глагольных форм императива, в которых слово- и формообразование взаимодействуют друг с другом. Так, П. Андрукович образует необычную глагольную форму *солюби*, обозначающую приглашение к совместному действию: *солюби воздух с / кем-нибудь, кто / который / это сотворит / потом потом / задышит рыбка часто*.

Существуют и формы императива, в которых новое значение обусловлено необычным управлением. Чаще всего это связано с появлением прямого объекта, что делает непереходный глагол переходным. Такие формы могут встраиваться в ряд стандартных императивов: *Помолчи меня, полечи меня, потомаливай*. / *Пролей на меня прохладный свой взор эмалевый*. / *Умой меня, замотай мне повязкой марлевой / Дурную, неостывающую бабку* (В. Полозкова), а могут быть и единичны: *как мак и как память, замолчи меня* (А. Глазова), но в том и другом случае в них обнаруживается семантика каузации. Аналогичное этому явление наблюдается и с глаголом *спать* в форме повелительного наклонения, при том что каузация сна вряд ли возможна. Ср.: *Не спи меня Не усыпай меня / Я сам заснусь засунусь в сновиденье* (В. Строчков); *Спите, листья, осень, спи нас* (Н. Делаланд); *в детство дорожденное, / в безмятежно-пенное / вещество без имени, / в сладкое «усни меня»* (В. Черешня). В случае же, когда мы имеем дело с переходным глаголом, необычным в позиции прямого объекта является личное местоимение: наличие субъекта, самого продуцирующего высказывание: *Изживай, избывай же меня, бессмертный мой – / Так, как я тебя / изжила* (В. Полозкова); *Забывай, забывай обо мне, душа моя. / Ампутируй себе меня* (В. Полозкова). Как видим, отличительным свойством всех этих форм является то, что трансформация их семантики связана с нестандартным управлением.

3. Появлению инноваций способствует и нетривиальное соединение приставки с производящей основой, не выражающей идеи перемещения. Так образован окказиональный

глагол *вмирать* у Е. Шварц, который благодаря приставке *в-* приобретает семантику направленности «вовнутрь», закрепляющаяся формами винительного падежа с предлогом *в* (*в тебя, в смерть*):

Смерть – море ты рассвета голубое,
И так **в тебя легко вмирать** –
Как было прежде под водою
Висеть, нырять,
Разглядывая призрачные руки
И тени ног, –
Так я смотрю сквозь зелень, мглу разлуки
В мир – как в песок.

Нетривиальную семантику при присоединении приставки *вы-* со значением пространственной ориентированности к статическому глаголу обнаруживаем и у О. Пашенко, когда в контексте стиха ментальный глагол *помнить* приобретает направленность «наружу»:

Свет электрический, золотой.
Он возвышается как пирамида над столом
с алкоголем, или без
алкоголя, только сидели
и никак ничего не могли
выпомнить из этой мглы.

4. Глагольные инновации проявляются в нетривиальном управлении. Например, возвратность может задаваться не только возвратной формой глагола, но и возвратным местоимением, при этом, например, у В. Строчкова она сопровождается указанием на направленность действия внутрь, не свойственную исходному статическому глаголу *скучать*:

В окно глядеть, **в себя скучать**
и влизываться в даль,
и трикопейки получать
за скудную печаль –
такая на челе печать
и участь. И пить чай.

Аналогичная описанной семантическая трансформация обнаруживается и в случае, когда возвратный глагол сочетается с несовместимыми с его значением обстоятельствами. Так, у Н. Делаланд глагол *проснуться* наделяется свойствами глаголов направленного движения (*куда?*):

Растворенную испей благодать.
В растворенные ворота войди.
Ты очнулся, ты проснулся сюда.
Ты в себе теперь. Пришел и в груди.

Таким образом, пространство сна осмысливается как внутреннее, из которого возможен выход, однако этот выход оказывается направленным в самого себя (*Ты в себе теперь*).

Направленность действия появляется и у глагола *жить* в поэтическом тексте С. Ивкина, однако точка назначения этого действия остается неопределенной благодаря субстантивированному наречию *никуда*:

Лишь осознав: человек – золотая пыльца,
можно смириться, прорежи латая.
Да, я – всего лишь – пыльца,
но пыльца – золотая.
Я буду жить
в никуда,
не теряя
лица.

Н. Азарова, актуализируя направленность действия (признак, не свойственный ментальному глаголу *забыть*), заменяет возвратную форму *забыться* на *забыть в себя*:

заснуть – забыть в себя тяжелую таблетку
легких
снов русский юль и русский юнь

Адъективные инновации

1. Поле для поэтического эксперимента оказываются окказиональные краткие прилагательные, прежде всего относительные. Например, М. Степанова образует целый ряд кратких прилагательных от названий дней недели: *День понеделен, вторничен, срединн, / Чист как паркет, пока не наследим.* Расширяет эту парадигму Н. Азарова, в нее попадают также неологизмы *летен* и *диванн*, характеризующие знойный день: *день – зноен – летен – и срединн / диванн – впадением в болезнь.* Форма *зноен* редко, но употребляется в поэзии. Ср. у Тэффи: *Он был так зноен, мой прекрасный день! / И два цветка, два вместе расцвели;* у Б. Слуцкого: *Июнь был зноен. Январь был зябок. / Бетон был прочен.* Подобные формы встречаем

также у А. Костинского: *Небосвод одновременно зимен, летен и осен,* и еще у Н. Азаровой: *то мои неупорные предрассудки / всласть демисезонны.*

У В. Полозковой встречаем более сложный случай: *Речь пряна и альма-матерна – по уму.* Во-первых, данный контекст отражает тенденцию употребления окказиональных кратких форм прилагательных в одном ряду с нормативными согласно аналогии, так как в ряду могут быть прилагательные одной формы. Во-вторых, в *альма-матерна* мы имеем дело с наложением и контаминацией слов *альма-матер* (так в речи выпускников называется университет или вуз) и *матерный* 'нецензурный', второе из которых принимает форму краткого прилагательного. Возможно и образование от прилагательного *альма-матерный*, непосредственно произведенного от *альма-матер*. Хотя такое слово в словарях не представлено, в интернете находим название книги «Альма-матерная жизнь» О.П. Рыжкова, которая повествует о жизни студентов.

2. В поэтических произведениях современных авторов встречаются формы сравнительной степени прилагательных, образованных от существительных, числительных, а также от любых прилагательных, которые в обычном языке ее не образуют. Такие формы сравнительной степени прилагательного, образованные от существительного *дрова*, находим у А. Еременко: *Колю дрова / напротив бензоколонки. / Меня смущает столь откровенное сопоставление / полена, поставленного на попа, / и «кола» в «колонке». / Я пытаюсь вогнать между ними клин, / я весь горю, / размахиваюсь... <...> Но с каждым ударом меня сносит влево, / и я становлюсь все **дровее и дровее.*** Н. Азарова для своей поэтической зарисовки выбирает *море, ветер и горы*, которые различаются по степени проявления признака: *лезут подгоревшие сумерки / еще **морей** / еще **ветрей** / еще **горей** / куда уж.*

В поэтическом тексте образование форм сравнительной степени приобретает некоторую свободу и, как и в разговорной речи, они производятся от любых прилагательных. Так, у Ю. Мориц сравнительную степень образуют относительные прилагательные:

Снег на исходе дня
делается **небесней**.
Кто-то промчался с песней,
Сделанной из меня;

Боялся без вести пропасть
В столице медленных событий.
Дразнил дряхлеющую власть,
Боясь, что будет всех **забытей**.

Сравнительную степень образуют и прилагательные с суффиксом *-к-*: *Беда никогда не приходит одна. / Обычно она дерзей. / Беда приносит с собой вина, / Приводит с собой друзей* (В. Полозкова); *И не знаешь, которая рожка мерзей, – / То ли враг, размалеванный краской, / То ли пестрые глазки недавних друзей / Под небрежно наброшенной маской...* (М. Саввиных).

У В. Полозковой находим сравнительную степень прилагательного, образованную даже от числительного *один*:

То, к чему труднее всего привыкнуть –
Я одна, как смертник или рыбак.
Я **однее** тех, кто лежит, застигнут
Холодом на улице: я слабак.
Я **одней** всех пьяниц и всех собак.
Ты умеешь так безнадежно хмыкнуть,
Что, похоже, дело мое табак.

Представлена также и форма сравнительной степени от прилагательного *одинокий*. Ее мы встречаем у В. Черешни наряду с другими окказиональными образованиями:

В этом просторе надышанном
Днем ли, тягучею ночью ли,
Кем бы ты ни был услышанным,
Можно ль еще **одиначее**?
Можно ль еще **одичалее**
Глубже вдыхать и **любимее**
Воздух, который печалили,
Столько родного без имени?

Инновации, возникающие в результате образования от местоимений существительных

Отличительной чертой современной поэзии является то, что образование дериватов может происходить от таких частей речи, которые не участвуют в словообразовании. Это в первую очередь касается местоименных основ.

Подобные производные специфичны для В. Полозковой. Так, в стихотворении «Я твой щен: я скулю, я тычусь в плечо незряче...» поэтесса характеризует свое состояние разлуки с любимым: *Я картограф твой: глаз – Атлантикой, скулу – степью, / А затылок – полярным кругом: там льды; that's it. / Я ученый: мне инфицировали бестебье. / Тебя-дефицит*. Первое производное образовано от предложной формы *без тебя* по модели существительного *безрыбье*, второе – голофразическое слитное образование – сформировано по типу сращения (*тебядефицит*). В обоих случаях можно говорить не только о словообразовательной деривации, но и об образовании особого типа отместоименных существительных.

У В. Полозковой находим также пример образования сложного существительного, первой частью которого является падежная форма личного местоимения: *Я тебя таскаю в венах, как похмельный тебяголик, / Все еще таскаю в венах. Осторожней, мой соколик* (существительное *тебяголик* создано по типу *алкоголик, трудоголик*). В современном языке данная словообразовательная парадигма весьма продуктивна. Ср.: *геймоголик, сетеголик, загароголик* и др. (см.: [Руденко, 2011]). В произведениях поэтессы обнаруживается большое количество подобных дериватов не только от личных местоимений, но и от относительных, вопросительных, притяжательных и неопределенных. Имеется даже подборка стихотворений под названием «Чья-тость», смысл которого разъясняется в тексте строками стихотворения «Оглушительная твоязнь»: *Лишь бы билась внутри, как пульс, нутряная чьятость. / Долгожданная, оглушительная твоязнь*. Для словообразования поэтессой выбраны местоимения женского рода (*чья, твоя*); оба производных допускают две мотивации. Дериват *чьятость* создан при помощи суффикса *-ость*, свойственного абстрактным существительным, и интерфикса *-т-* или образован от неопределенного местоимения *чья-то*. Дериват *твоязнь* – это контаминация притяжательного местоимения *твоя* и существительного *боязнь*, хотя возможна и прямая деривация от местоимения при помощи суффикса *-знь*, который представлен в ограниченном числе слов (*боязнь*,

болезнь, жизнь), форма *твоязнь*, встраиваясь в эту парадигму, обрастает семантически связями со всеми тремя существительными. Следовательно, *твоязнь* соотносится с такими проявлениями *жизни*, как *болезнь* и *боязнь*, хотя актуализация таких связей, возможно, и не входила в замысел поэтессы.

В. Полозкова создает слова по типу сращения, когда дефис служит показателем соединения местоименной и именной основ, например: *Первой истошной паникой по утрам – / Как себя вынести, / Выместить, вымести; / Гениям чувство кем-то-любимости – / Даже вот Богом при входе в храм – / Дорого: смерть за грамм.* Более того, у поэтессы несклоняемые местоимения начинают склоняться, как существительные: *Чтоб тут же сделаться такой, / Какой мечталось – без синекдох, / Единой, а не в разных нектах; / Замкнуться; обрести покой.*

Заключение

Обнаруженные нами продуктивность и парадигматичность выше проанализированных новообразований позволяют утверждать, что модели их деривации потенциально заложены в языке, это дает возможность каждому из них реализовывать себя в индивидуально-авторских формах.

Следует также отметить особенности восприятия этих форм читателем. Как пишет Т.В. Устинова, «языковые девиации субъективно воспринимаются читателем как обладающие разной степенью нестандартности / девиантности и располагаются в диапазоне от «совершенно не интерпретируемых» авторских новообразований, вызывающих коммуникативный шок, до “не вызывающих трудностей интерпретации” мотивированных отклонений, потенциально развивающих возможности, заложенные языковой системой» [Устинова, 2014]. Можно сказать, что чем выше креативный потенциал нестандартной языковой формы, тем она менее окказиональна. Это означает, что рефлексивные векторы языковой личности поэта и рефлексивные векторы языковой личности читателя относительно этой формы однонаправленны и вместе работают на расширение эстетических возможностей языка. Задача же лингвиста как читате-

ля-исследователя – «не только изучать художественную словесность, но и вносить ее творческий потенциал в общенародный язык, находить те лексические и грамматические формы, которые оживлены гением поэта и могут в свою очередь заново пробуждать гений языка» [Эпштейн, 2013].

Наше исследование подтверждает, что языковая креативность является особой категорией лингвистической поэтики как области изучения тех индивидуально-авторских преобразований в области художественной речи, которые служат основой обновления и расширения самой системы поэтического языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азарова Н. М., 2010. Язык философии и язык поэзии: движение навстречу. М. : Гнозис. 496 с.
- Виноградов В. В., 2006. Социально-языковые системы и индивидуально-языковое творчество. Семиотика и Авангард: Антология / под общ. ред. Ю. С. Степанова. М. : Культура : Академ. Проект. С. 242–250.
- Винокур Г. О., 1943. Маяковский – новатор языка. М. : Сов. писатель. 136 с.
- Зубова Л. В., 2000. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М. : НЛО. 431 с.
- Зубова Л. В., 2010. Языки современной поэзии. М. : НЛО. 384 с.
- Имидж, диалог, эксперимент..., 2013. Имидж, диалог, эксперимент – поля современной русской поэзии / ред. Х. Шталь, М. Рутц. München ; Berlin ; Washington D. C. : Verlag Otto Sagner. 600 с.
- Ирисханова О. К., 2009. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. М. : Ин-т языкознания ; Тамбов : Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Вып. V. С. 157–171.
- Лингвистика креатива, 2009. Лингвистика креатива : колл. моногр. / отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 368 с.
- Лингвистика креатива-2, 2012. Лингвистика креатива-2 : колл. моногр. / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 379 с.
- Николина Н. А., 2009. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М. : Гнозис. 335 с.
- Ремчукова Е. Н., 2011. Креативный потенциал русской грамматики. М. : URSS. 224 с.
- Руденко О. Ю., 2011. Неологизмы и новообразования как показатели активности иноязычности

- в современном русском языке // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. № 6 (2). С. 589–592.
- Устинова Т. В., 2014. Языковые девиации поэта как код и сообщение // *Universum: Филология и искусствоведение* : электрон. науч. журн. № 3 (5). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1123> (дата обращения: 01.04.2017).
- Эпштейн М. Н., 2013. О роли лингвистики в развитии языка. URL: http://www.mccme.ru/llsh/materials/2013/Epstein_Iazyk_letn_shkolaF.pdf (дата обращения: 01.04.2017).
- Якобсон Р. О., 2011. Формальная школа и современное русское литературоведение. М. : Языки славянских культур. 280 с.
- Carter R., 2004. *Language and Creativity. The Art of Common Talk*. London : Routledge. 255 p.
- Creativity in Language and Literature..., 2011. *Creativity in Language and Literature: The State of the Art* / Swann J., Pope R., Carter R., eds. Basingstoke : Palgrave Macmillan. 368 p.
- Crystal D., 1998. *Language Play*. Harmondsworth : Penguin. 249 p.
- Maybin J., Swann J., 2007. *Everyday Creativity in Language: Textuality, Contextuality, and Critique* // *Applied Linguistics*. Vol. 28, iss. 4. P. 497–517.
- Moreno R., 2007. *Creativity and Convention: The Pragmatics of everyday figurative speech*. Amsterdam : John Benjamins. 249 p.
- Pope R., Swann J., 2011. Introduction: creativity, language, literature // *Creativity in Language and Literature: The State of the Art* / Swann J., Pope R., Carter R., eds. Basingstoke : Palgrave Macmillan. P. 217–230.
- Vanderslice S., 2011. *Creative Writing Studies: Rethinking Creative Writing: Programs and Practices that Work*. Wicken, Cambridgeshire : CWS. 152 p.
- Stahl H., Rutz M. (eds.), 2013. *Image, dialogue, experiment – the fields of modern Russian poetry*. München; Berlin; Washington D.C., Verlag Otto Sagner. 600 p.
- Iriskhanova O.K., 2009. On the concept of creativity and its role in the metalanguage of linguistic descriptions. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Moscow, In-t yazykoznaniiya Publ.; Tambov, Tambovskiy gos. un-t im. G.R. Derzhavina, iss. 5, pp. 157-171.
- Gridina T.A. (ed.), 2009. *The linguistics of creativity. Collective monograph*. Ekaterinburg, Izd-vo UGPU. 368 p.
- Gridina T.A. (ed.), 2012. *The linguistics of creativity. Part 2. Collective monograph*. Ekaterinburg, Izd-vo UGPU. 379 p.
- Nikolina N.A., 2009. *The active processes in the language of contemporary fiction*. Moscow, Gnozis Publ. 335 p.
- Remchukova E.N., 2011. *The creative potential of Russian grammar*. Moscow, URSS Publ. 224 p.
- Rudenko O.Yu., 2011. Neologisms and new formations as indicators of the foreign-language activity in the modern Russian language. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 6 (2), pp. 589-592.
- Ustinova T.V., 2014. Language deviations in poetry as a code and a message. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauchn. zhurn.*, no. 3 (5). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1123>. (accessed 1 April 2017).
- Epshteyn M.N., 2013. *On the role of linguistics in the development of language*. URL: http://www.mccme.ru/llsh/materials/2013/Epstein_Iazyk_letn_shkolaF.pdf. (accessed 1 April 2017).
- Yakobson R.O., 2011. *The school of formalism and modern Russian literary criticism*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 280 p.
- Carter R., 2004. *Language and Creativity. The Art of Common Talk*. London, Routledge. 255 p.
- Swann J., Pope R., Carter R. (eds.), 2011. *Creativity in Language and Literature: The State of the Art*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 368 p.
- Crystal D., 1998. *Language Play*. Harmondsworth, Penguin. 249 p.
- Maybin J., Swann J., 2007. *Everyday Creativity in Language: Textuality, Contextuality, and Critique*. *Applied Linguistics*, vol. 28, iss. 4, pp. 497-517.
- Moreno R., 2007. *Creativity and Convention: The Pragmatics of everyday figurative speech*. Amsterdam, John Benjamins. 249 p.
- Pope R., Swann J., 2011. Introduction: creativity, language, literature. Swann J., Pope R., Carter R.

REFERENCES

Azarova N.M., 2010. *The language of philosophy and the language of poetry: the movement towards each other*. Moscow, Gnozis Publ. 496 p.

Vinogradov V.V., 2006. The socio-language systems and individual-linguistic creativity. Stepanov Yu.S. (ed.) *Semiotika i Avangard: Antologiya*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., pp. 242-250.

Vinokur G.O., 1943. *Mayakovsky is the innovator of language*. Moscow, Sov. pisatel Publ. 136 p.

Zubova L.V., 2000. *Modern Russian poetry in the context of the history of language*. Moscow, NLO Publ. 431 p.

Zubova L.V., 2010. *The languages of modern poetry*. Moscow, NLO Publ. 384 p.

(eds.) *Creativity in Language and Literature: The State of the Art*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 217-230.

Vanderslice S., 2011. *Creative Writing Studies: Rethinking Creative Writing: Programs and Practices that Work*. Wicken, Cambridgeshire, CWS. 152 p.

Information about the Author

Natalya A. Fateeva, Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia, nafata@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1161>

Информация об авторе

Наталья Александровна Фатеева, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, nafata@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1161>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.6>

UDC 81'42:640.4
LBC 81.055.51.3

Submitted: 09.04.2018
Accepted: 11.05.2018

NEW TYPES OF TEXTS IN HOTEL BUSINESS

Oksana S. Issers

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia

Abstract. The article reveals genre-forming characteristics and pragmatic specificity of some new text types that could characterize Russian hospitality industry with its special goal to deliver services by creating comfortable conditions for the client. Being addressed to the client of the hotel (usually call a 'guest'), the texts are presented in booklets, instructions, wall signs and located in the client residence area (hotel rooms or apartments in particular). These new text types represent certain features of "caring genre", as the hotel guides, ecologically and caring minded texts offer a kind of cognitive scenario of the guest's positive stay in the hotel by modeling the client's needs, desires, and emotional response. The author states it that this scenario makes some logical basis for the genre of guidebooks and booklets, as well as instructions and signs on walls, directed to the hotel guest's attention. The message and style of informing in the texts under study prove that there are special ways of communicating with clients, and they can be described as interactions based on institutional and interpersonal varieties of speech practice. In conclusion it is stated that the motives of hospitality industry resulted in forming a communicative-and-pragmatic discourse type for the hotel industry the features of which are presented in the article.

Key words: text, discourse, discourse practices, hotel business, hospitality language, genre, hotel guide.

Citation. Issers O.S. New Types of Texts in Hotel Business. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 53-62. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.6>

УДК 81'42:640.4
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 09.04.2018
Дата принятия статьи: 11.05.2018

НОВЫЕ ТИПЫ ТЕКСТОВ В СФЕРЕ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА

Оксана Сергеевна Иссерс

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются новые в жанровом и языковом отношении типы текстов из российской сферы гостиничного бизнеса. В фокусе исследования находятся письменные тексты, адресованные клиенту (гостю) отеля и размещенные в зоне его проживания в виде буклетов, инструкций, настенных надписей, табличек и т. п. Выявлены их основные жанрообразующие характеристики и коммуникативно-прагматические особенности. Описаны такие специфические для гостиничной индустрии жанры, как путеводитель по отелю, тексты экологической направленности и «жанры заботы». Установлено, что путеводитель по отелю предлагает некий когнитивный сценарий пребывания гостя, моделируя его потребности и желания, а также эмоциональное состояние. Этот сценарий позитивного пребывания в отеле является жанрообразующим признаком текстов путеводителей и буклетов, адресованных гостю.

Рассмотренные образцы показывают, что специфика услуг в сфере гостеприимства определяет особые способы общения с клиентами, формирует свойственный сфере гостиничного бизнеса дискурс-строй. Задача создать комфортные условия для проживания гостя обуславливает интердискурсивность – взаимодействие институциональных и межличностных разновидностей дискурсов, что определяет коммуникативно-прагматическую специфику текстов буклетов и иных информационных материалов, размещаемых в номере отеля.

Ключевые слова: текст, дискурс, дискурсивные практики, гостиничный бизнес, язык гостеприимства, жанр, путеводитель по отелю.

Цитирование. Иссерс О. С. Новые типы текстов в сфере гостиничного бизнеса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 53–62. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.6>

Введение. Маркетинговые стратегии как когнитивная основа формирования новых типов текстов

Индустрия гостеприимства (как принято ее называть в туристическом бизнесе) динамично развивается как в России, так и за рубежом. Проявлением этой динамики является, в частности, высокая конкуренция, обусловленная широким спектром предложений на рынке гостиничных услуг. Маркетинговые задачи отстройки от конкурентов являются стимулом для трансформации дискурсивных практик в сфере гостиничной индустрии и возникновения новых типов текстов, адресованных клиентам. Коммуникативная цель определяет обновление приемов коммуникативного взаимодействия между представителями гостиницы (отельерами, сотрудниками) и клиентами (гостями), что находит отражение в вербальных продуктах коммуникации – текстах. Для понимания специфики таких текстов необходимо учитывать когнитивные предпосылки их порождения и восприятия.

В теории позиционирования маркетинг рассматривается как когнитивная операция, то есть это «не битва продуктов, а битва восприятий». Все, что имеется в мире маркетинга, – это восприятие клиента или потенциального потребителя. Восприятие реально, в то время как все остальное – иллюзия [Райс, Траут, 2007]. К сфере когнитивных операций относится и ключевое понятие теории позиционирования – бренд. Бренд должен формировать определенную нишу в сознании адресата. «Позиционирование – это то, как вы дифференцируете свой товар в сознании потребителей» [Траут, Ривкин, 2010, с. 106, 109]. Следовательно, моделирование в сознании адресата необходимого образа товара (услуги), отличного от других образцов категории, должно работать на его дифференциацию.

Из этого вытекает задача отстройки от конкурентов – по сути, когнитивной операции, нацеленной на создание ниши в сознании по-

требителей, в которой формируется образ товара либо услуги с ее актуальными для целевой аудитории характеристиками. Для сферы гостеприимства они определяются потребностями, на удовлетворение которых направлено гостиничное обслуживание.

Актуальные для клиента потребности отражены в оценках отеля гостями – например, на специализированных сайтах типа www.booking.com. По отзывам гостей можно реконструировать типичные запросы клиентов гостиничного бизнеса. Например, «удобно для временного размещения»; «уютно, комфортно», «как дома», «по-домашнему»; «вежливый персонал»; «чисто, тихо» и т. д.

Указанные характеристики учитываются в стратегии позиционирования отеля и актуализируются в дискурсивных практиках гостиничного сервиса, таким образом формируя позитивный образ объекта в сознании потребителя.

Постановка проблемы исследования

За последние два десятилетия в отечественных и зарубежных лингвистических исследованиях сформировалась традиция классификации типов дискурса на основе преимущественного «обслуживания» тех или иных социальных сфер и институтов. Как отмечает В.И. Карасик в своем развернутом обзоре отечественных исследований дискурса, выделение типов дискурса осуществляется в рамках трех подходов: социолингвистического (кто говорит), прагматического (как говорят), тематического (о чем говорят) [Карасик, 2007, с. 348–353]. Как правило, материалом для анализа являются «прототипические образцы», не вызывающие сомнений в их идентификации с той или иной социальной сферой, а целью подобных исследований – своего рода инвентаризация дискурсов и представляющих их жанров, функционирующих в определенное время в конкретном социуме. При этом описание строится на априори принятой

установке о наличии в данном речевом материале признаков конкретного типа дискурса. Однако в стремлении поделить весь дискурсивный континуум на типы, виды и подвиды исследователь может столкнуться с такими реалиями, которые плохо укладываются даже в самую продуманную и детализированную классификацию. Например, большинство из тех, кто не раз останавливался в отеле, замечали табличку, которую гость может повесить на дверь с просьбой «не беспокоить» либо убрать в комнате. Способов оформления этих интенций достаточно много. Две простые идеи варьируются от категорического императива *Не беспокоить!* до увещательного *Пожалуйста, не беспокойте* (Grand Yazici, Турция), неформального *Дышу свежим воздухом. Можно убрать комнату* и интимного фонетического символизма, имитирующего глубокий сон, – *Tccc* (Mariott Tverskaya, Москва), ...*Zzz* (Nevsky Hotels Group, Санкт-Петербург). Разнообразны также и способы выражения просьбы об уборке: от традиционных речевых формул *Прошу убрать* и *Пожалуйста, уберите в номере* до невербальных символов. Вероятно, всю совокупность письменных текстов, обслуживающих дистанционные контакты гостя (клиента) и сотрудников (отельеров), нельзя назвать «гостиничным (отельным) дискурсом», но дискурсивной практикой индустрии гостеприимства – вполне возможно.

Заметим, что стандартизация текстов этой сферы преувеличена: в условиях конкурентной борьбы за клиента традиционные сообщения приобретают не свойственную им ранее экспрессию и убедительность. Так, «литературный» отель «Арина Р» (Пушкинские Горы, Псковская область) в своем буклете информирует вновь прибывших не только об оборудовании номера, но и о том эмоциональном состоянии, которое должен испытывать гость:

(1) Главный корпус отеля «Арина Р» располагает 26 двухместными номерами, а также 14 мансардными номерами. Светлые и просторные номера первого этажа, с отдельными деревянными балкончиками, подойдут даже для небольшой семьи. Мансардные номера с окнами под самой крышей создают неповторимую романтическую атмосферу – ночью потолок здесь превращается в звездное небо, а на рассвете ласковые лучики солн-

ца подарят вам незабываемые минуты наслаждения жизнью. <...> Убранство каждого номера не оставит равнодушными ценителей комфорта: чистейший воздух Пушкиногорья в сочетании с мягкостью постелей и подушек и белизной белья – все здесь располагает к расслаблению тела и души. Также в номере: мини-холодильник, доступ в Интернет Wi-Fi, телевизор, телефон, фен, комплект мягких махровых полотенец.

Активно развивающаяся индустрия гостеприимства формирует особые способы общения с клиентами. Выше мы привели примеры письменных текстов, но не меньший интерес представляют и устные формы коммуникации: общение гостей с персоналом, бронирование гостиницы по телефону и др. Можем ли мы определить тип или разновидность дискурса, который они представляют? Что это – «гостиничный (отельный) дискурс»? дискурс сферы сервиса? дискурс «коммерческого гостеприимства»? Нельзя не согласиться с мнением, что интерпретация границ дискурса как аналитическая задача рассматривает дискурс скорее как объект, созданный исследователем, а не объект без границ, существующий в действительности, «готовый» к тому, чтобы его идентифицировали и картографировали [Йоргансен, Филлипс, 2008, с. 234].

Идеи взаимодействия и конкуренции дискурсов активно обсуждаются в современной лингвистике, что нашло отражение в целой серии смежных понятий и терминов: интердискурсивность, полидискурсивность, дискурсная гетерогенность и др. В частности, В.Е. Чернявская, анализируя различные формы проявления интердискурсивности, обнаруживает в этом феномене взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий [Чернявская, 2016]. По мнению Е.В. Белоглазовой, «неизолированность, размытость и подвижность границ дискурсов во времени <...> приводит к возникновению дискурсивной гетерогенности» [Белоглазова 2010, с. 118]. Причины этого связаны с естественными условиями существования коммуникативных практик: различные дискурсы частично «накрывают» одну и ту же социальную «территорию», причем каждый дискурс конкурирует за наполнение территории своим собственным содержанием. Примером такого пересечения могут служить дискурсивные прак-

тики сферы гостеприимства, а иллюстрацией – новые типы текстов, обслуживающих данную сферу. Задача лингвиста – определить оптимальный «угол наблюдения» и попытаться максимально точно зафиксировать те феномены использования языка, которые пока не поддаются строгой классификации в рамках теории дискурса, теории текста и теории речевых жанров.

Рассмотрим с этих позиций новые типы текстов в сфере гостеприимства, складывающиеся в русскоязычной речевой практике.

Материал и метод

Институциональная сфера гостеприимства является частью туристической индустрии, внимание к которой обусловлено ее значимостью для развития национальной экономики. За последние 15 лет туристический дискурс попал в фокус исследовательского интереса: в лингвистических и междисциплинарных работах активно изучаются дискурсивные практики туристического бизнеса, в том числе и в сопоставительном аспекте, приемы аргументации, коммуникативные сценарии, нейминг (см. обзор в: [Филатова, 2012]). Однако сфера гостиничного бизнеса описана в дискурсивном аспекте менее детально [Гарифуллина, 2007; Икаева, 2014; Лиховидова, 2011; Никитина, 2006; Франтасова, 2015; Bluea, Nagun, 2003] и требует более внимательного изучения, в том числе на российском материале.

В фокусе нашего внимания находятся письменные тексты, адресованные клиенту (гостю) отеля и размещенные в зоне его проживания (в номере гостиницы, апартаментах) в виде буклетов, инструкций, настенных надписей, табличек и т. п. (всего более 160 разнообразных текстов). В основном рассматриваемые тексты имеют полимодальный характер, то есть включают информацию как в текстовой, так и в визуальной формах. Значительная часть материалов представлена на двух языках – русском и английском (в том случае, если отель входит в международную гостиничную сеть, русскоязычная часть является переводом с английского). Это объясняется не только национальным составом возможных клиентов, но и тем, что в России ста-

новятся все более широко представленными международные сети отелей (IBIS, Novotel и др.), в которых установлены единые стандарты бренд-коммуникации.

В целях выявления специфики указанных текстов необходимо определить их основные характеристики – коммуникативную цель, образ отправителя и адресата сообщения, структуру текста и языковую реализацию.

Речевое взаимодействие в сфере гостиничной индустрии в основном реализуется в рамках дискурсивных практик, типичных для институциональных (статусно-ориентированных) дискурсов, где представители социальных групп или институтов вступают в коммуникацию, реализуя свои статусно-ролевые позиции в рамках сложившихся общественных институтов. Стандартом институционального общения является коммуникация в своеобразных масках, что принципиально отличает институциональный дискурс от персонального (межличностного). Институциональный дискурс строится по определенному шаблону, и участники данного вида коммуникации, как правило, хорошо осведомлены об особенностях жанровой организации информации и механизмах обмена ею [Swales, 1990]. Однако степень трафаретности различных типов и жанров этого дискурса различна: существуют мягкие и жесткие разновидности институционального дискурса. По мнению В.В. Никитиной, гостиничный дискурс может быть отнесен к мягкой разновидности институционального дискурса, так как некоторые его речевые формулировки допускают вариативность [Никитина, 2006]. Именно на фоне стандартных коммуникативных практик появляются варианты, отличающие один гостиничный объект от многих других. Рассмотрим оригинальные тексты, функционирующие в сфере гостиничной индустрии, с позиций их дискурсивной специфики и жанровой идентификации.

Результаты и обсуждение

Путеводитель по отелю: IBIS думает о вас...

Ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации – применительно к сфере гос-

теприимства это клиент (гость) и тот, кто оказывает услуги (сотрудник гостиницы либо *отельер* – владелец или управляющий отелем. Слово зафиксировано в Национальном корпусе русского языка и на портале Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН: <http://orfo.ruslang.ru/>). Поскольку их непосредственные контакты ограничиваются несколькими типовыми ситуациями (регистрация, заселение и выезд гостя, уборка в номере), для удовлетворения возможных потребностей клиента традиционно используется буклет (книга гостя) либо памятка. В структуре большинства изданий такого рода содержатся стандартные информационные блоки: список телефонов, правила поведения, инвентарь вещей в номере, правила пожарной безопасности и др. Однако в «старых» и «новых» текстах обнаруживаются существенные различия не только в стилистике и способах оформления интенции, но и в самой интенции.

Обязательным структурным компонентом текста старого типа являются «Правила проживания в гостинице». Они представляют собой подробный список ситуаций (от поселения гостя до его выезда), строго регламентирующий поведение клиента, например в памятке из гостиницы «Планета», г. Челябинск: *оформление проживания осуществляется при предъявлении паспорта; заселение гостя производится только после оплаты проживания; проживание с домашними животными в гостинице не допускается* и т. д. Большая часть «правил» носит запретительный характер и не оставляет гостю возможности выбора, о чем свидетельствует модальность долженствования: *в случае задержки посетителя в номере гостя данные лица должны быть оформлены «на подселение»* (Планета, г. Челябинск). Изложение правил в основном осуществляется в жанре и стилистике юридического документа: *гость / проживающий имеет право; гость / проживающий обязан*, причем обязанности явно преобладают.

Речевые акты, оформленные как просьбы, по сути являются косвенным выражением регулятивных интенций – инструкции, запрета:

(2) Просьба сдать ключи от номера каждый раз, когда вы покидаете гостиницу (Планета, г. Челябинск).

(3) Настоятельно просим вас соблюдать правила отеля и не приносить морепродукты в номера (Hyundai Hotel, г. Владивосток).

На основании рассмотренных особенностей изданий для гостя старого типа можно получить представление об образах его автора и адресата. В данном случае мы видим коллективный образ отправителя текста, максимально дистанцированный от клиента и его потребностей. В речевых актах благодарности сохраняется формальная этикетная вежливость, причем даже в этом обращении к гостю сквозит забота не о нем, а о сотрудниках отеля и содержится своего рода предписание:

(4) Благодарим за выбор нашего отеля и надеемся, что ваше пребывание будет приятным и комфортным. Со своей стороны, просим вас быть вежливыми с нашими сотрудниками и бережно относиться к оснащению номера, **тем самым вы по достоинству оцените наш труд** (выделение наше. – О. И.) (Планета, г. Челябинск).

Указанные выше особенности построения текста формируют представления о его адресате, нуждающемся в жесткой регламентации действий и ограниченном в выборе вариантов поведения в статусе гостя.

В отличие от обезличенных инструктивно-регламентирующих тестов старого типа отель IBIS предлагает гостю структурированный «Путеводитель по отелю», включающий следующие блоки: «Ваш сон – наша главная забота» (Слоган отеля IBIS – «Привлекательные сны по сладким ценам»), «Мы позаботимся о вас», «Оставайтесь на связи», «Доверьтесь своему вкусу». В каждом из разделов моделируется образ заботливого хозяина – недаром в двух из четырех блоков наблюдается вербализация концепта ‘забота’. Эта же интенция всеобъемлющей заботы, формирующая позитивный образ отельеров, эксплицируется в типичных для данного жанра речевых актах обещаний – комиссивах: *мы подумали о вас, обещаем безоблачный отдых, остальное мы берем на себя* и т. п.:

(5) Мы подумали обо всем: современный дизайн, техническое оснащение, звукоизоляция...

В комнатах Ibis все предназначено для Вашего удобства. Плотные занавески, которые не дадут солнечным лучам Вас побеспокоить. Пышные подушки и уютные одеяла. Как же трудно встать с кровати Ibis!

(6) Мы делаем все для Вашего комфорта и просим Вас обращаться к нам, как только что-либо нарушит Ваш покой. Остальное мы берем на себя – у нас ровно 15 минут, чтобы решить любую Вашу проблему! Если мы не укладываемся в это время, все расходы – за наш счет.

Серьезный тон обязательств по обслуживанию контрастирует с неформальными ироническими сносками: *Гарантия 15 минут относится к завтраку, состоянию комнаты, закускам или напиткам в баре. НО мы точно не сможем ничего поделать с погодой...*

Информация о питании в отеле демонстрирует ориентацию на запросы клиента, что находит отражение в конструкциях с семантикой альтернативы (выбора):

(7) Ешьте вкусно (и досыта) днем и ночью. 24 часа в сутки. 7 дней в неделю. IBIS угощает. Горячие блюда и нежные десерты. Заказывайте их в баре или на стойке ресепшн – и уносите в свой номер, если Вам этого захочется. <...> Приглашаем Вас попробовать наши фирменные блюда, а для тех, кто уделяет внимание здоровому питанию, мы подготовили кое-что из сбалансированного питания.

Аналогичную коммуникативную цель навигации по отелю преследует буклет «Лучшее в Novotel». Маркетинговая стратегия Novotel строится на «внимании к деталям», что декларируется на первой странице путеводителя:

(8) Почему Novotel знают и любят во всем мире? Ответ прост. Каждый гость найдет в нашем отеле сервис для себя: от конференц-зала до детского уголка, от фитнес-центра до хамама. Мы знаем, как важно внимание к деталям. Команда профессионалов Novotel всегда рада помочь Вам.

Тексты путеводителя по Novotel лишены иронии, которая есть в текстах IBIS. В то же время они, так же как и путеводители по отелю IBIS, объединены интенцией учесть возможные пожелания клиентов:

(9) В лобби первого этажа Вы можете круглосуточно воспользоваться компьютерами Макинтош с бесплатным доступом в интернет. В лобби

Вы найдете специальную игровую зону для детей от 3-х до 8-и лет.

(10) Завтрак на Ваш вкус. Выберите то, что хочется именно вам. «Ранняя пташка» – меню для тех, кто рано встает.

Назначение путеводителя не ограничивается информацией о возможностях выбора: в нем содержатся советы и рекомендации, окрашенные эмпатией по отношению к напряженному дневному графику гостей:

(11) После долгого дня деловых встреч или прогулок по городу отдохните в нашем хамаме или посетите массажный кабинет.

(12) Зарядитесь энергией в нашем фитнес-центре In Balance by Novotel. Все спортивное оборудование для Вас находится в свободном доступе.

Сравнение представленных выше текстов с традиционными туристическими путеводителями позволяет увидеть не только их сходство в справочно-информационной функции (см., например: [Филатова, 2012]), но и существенные различия. В отличие от туристического путеводителя, путеводитель по отелю предполагает решение ряда маркетинговых задач: формирование позитивного образа отеля как субъекта гостиничного сервиса; установление неформального контакта с клиентом; формирование спроса на дополнительные услуги; регулирование поведения гостя в рамках корпоративных требований. По сути, путеводитель по отелю предлагает некий когнитивный сценарий пребывания гостя, моделируя его потребности и желания, а также эмоциональное состояние. Именно этот сценарий позитивного пребывания в отеле и является жанрообразующим признаком текстов путеводителей и буклетов, адресованных гостю.

Экологический дискурс в гостиничном интерьере

Тема охраны окружающей среды, экономики электроэнергии и чистой воды стала привычной для западных потребителей, что находит отражение в обращениях к клиентам западных отелей и международных гостиничных сетей. Эту практику подхватили и российские предприятия гостиничной индустрии, с разной степенью убедительности копирующие западные образцы.

Базовой коммуникативной интенцией текстов экологической направленности можно считать просвещение и увещание. Эти задачи решаются за счет разъяснения гостю значения некоторых невербальных действий:

(13) Дорогие Гости!

Полотенце, оставленное на бортике ванной или на полу, означает: «Пожалуйста, замените полотенце». Полотенце, оставленное на вешалке, означает: «Я по-прежнему им пользуюсь». Нерациональная стирка загрязняет воду. Поможем нашей природе! (гостиница «Форум», Минск).

Основанные на эмоциональной и рациональной аргументации цели экологического просвещения нередко реализуются за счет развернутой метафоры:

(14) Здесь ваши полотенца выращивают деревья!

Действуя в рамках программы Позитивного Гостеприимства, наш отель предлагает использовать полотенца несколько раз.

Сколько деревьев посадите сегодня Вы? Оставьте полотенца на полотенецдержателе, если хотите использовать их повторно. Средства, сэкономленные за счет сокращения потребления воды и электроэнергии, направляются на финансирование проектов по восстановлению лесных массивов. Участвуя в программе Plant for the Planet, наш отель перечисляет средства на посадку деревьев: 1 саженец в минуту по всему миру (Novotel).

Доводы к здравому смыслу являются основой убеждающей аргументации в обращении к гостям отеля Park Inn. Оформленное в виде отдельной карточки, оно озаглавлено *«Имеет значение каждая капля»*:

(15) Отели Park Inn by Radisson любят нашу планету. А Вы не останетесь в стороне?

Ежедневно по всему миру стираются миллионы простыней, пододеяльников и наволочек для гостиничных номеров, при этом интенсивно используются вода и стиральный порошок. Вместе с нашими гостями мы стараемся снижать объемы потребляемой нами воды. Обычно постельное белье меняется каждые три дня или при выезде в зависимости от того, что происходит раньше. В расчете на одну кровать за один день это позволяет сберечь до 15 литров воды, а также использовать меньше стирального порошка.

Если Вы все же желаете, чтобы постельное белье на вашей кровати было заменено сегодня, поместите эту карточку на подушку (Park Inn by Radisson).

В качестве аргумента для разумного расходования воды отель Radisson использует «ресурсную метафору» – экономленная вода есть ресурс для спасения жизни:

(16) Ваш выбор может спасти чью-то жизнь.

Последуйте примеру других гостей – используйте свое полотенце повторно. Просто повесьте его на сушку. Средств, полученных от повторного использования 250 полотенец, хватит, чтобы на всю жизнь обеспечить чистой питьевой водой одного человека. Сделайте правильный выбор! (Radisson. Resort & Residences Zavidovo).

В качестве жанрового прототипа указанных текстов можно рассматривать социальную рекламу экологической направленности. Однако приведенные гостиничные послания отличает настойчивая и последовательная самопрезентация, не свойственная в целом социальной рекламе. В каждом из текстов имеет место экспликация собственной социальной ответственности: *Отели Park Inn by Radisson любят нашу планету; наш отель перечисляет средства на посадку деревьев: 1 саженец в минуту по всему миру*. Этот признак является жанрообразующим для текстов данного типа: он отличает их от текстов других жанров экологического просвещения в иных социальных сферах (статьи, социальной рекламы, учебного пособия и т. п.).

«Жанры заботы»

Во всем мире в гостиничном бизнесе растет потребность в сотрудниках, умеющих налаживать эффективное общение с гостями. Цепочка коммуникаций на протяжении всего времени нахождения клиента в гостинице называется «языком гостеприимства» (этот термин можно отнести к группе терминов гостиничной индустрии [Bluea, Narun, 2003]), отсюда следует, что «язык гостеприимства» существует как в устной, так и в письменной форме. В последнем случае мы имеем возможность наблюдать разного рода послания, призванные установить более тесный контакт, пусть и дистанционно.

К «неопознанным жанровым объектам», функционирующим в индустрии гостеприимства, можно отнести разного рода таблички, призванные установить более тесный, неформальный контакт с гостем. Стандартным в гостиничном сервисе является наличие таблички, размещаемой на двери с целью проинформировать горничную, когда она может убрать номер, не беспокоя гостя (см. об этом выше). В дискурсивных практиках интернациональных гостиничных сетей, представленных в России, наблюдается тенденция к нестандартному оформлению данной информации – за счет включения в нее личностных интонаций (они маркированы глагольными формами 1 лица и местоимением *я*):

(17) Сладко сплю. Просьба не беспокоить;
на обороте: Я уже проснулся и вышел. Пожалуйста, заходите (IBIS).

(18) Сейчас я отдыхаю. Пожалуйста, зайдите позже;
на обороте: Пожалуйста, уберите номер (Holiday Inn).

(19) Наедине с собой. Просьба не беспокоить;
на обороте: Дышу свежим воздухом. Можно убрать комнату (Novotel).

Кроме «надверных» табличек, в гостиничных номерах размещаются и другие таблички с посланиями, свидетельствующие о заботе. Например, информация о завтраке оформлена на отдельной табличке: *Уютный завтрак в Novotel*. На столе гостя ожидает табличка с заботливо-дружеским:

(20) Добро пожаловать, водички? Устраивайтесь поудобнее (IBIS).

В отеле Radisson на горлышке бутылки с водой размещается неформальное сообщение *Вода для тебя*.

В Park Inn by Radisson горничная оставляет в убранном номере табличку:

(21) У вас чуткий сон? Если вы очень чутко спите, вы всегда можете попросить беруши у наших администраторов (Park Inn by Radisson).

Таким образом, в «языке гостеприимства» гостиничного бизнеса в России формируются

новые типы текстов, ранее отсутствовавшие в дискурсивных практиках этой сферы.

Выводы

Исследование новых типов текстов в сфере гостиничного бизнеса является наглядной иллюстрацией известного в концепции социального конструкционизма тезиса о том, что дискурсивные практики всегда функционируют в диалектическом взаимодействии с другими социальными практиками. Специфика услуг в сфере гостеприимства определяет свойственный ей дискурс-строй, взаимодействие дискурсов и трансформацию жанров. Для того чтобы выиграть в конкурентной борьбе за клиента, владельцы гостиничного бизнеса вынуждены создавать такие условия для проживания гостя, которые дадут ему возможность чувствовать себя «как дома». В эти условия входит и изменение коммуникативной традиции общения с гостем, что проявляется во взаимодействии институциональных и межличностных разновидностей дискурсов. Это обнаруживается в текстах буклетов, информационных материалов, размещаемых в номере, и находит воплощение в особых «жанрах заботы», отличающих современную коммуникацию в сфере гостиничного бизнеса от общения в предшествующий период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоглазова Е. В., 2010. Полидискурсивность в контексте идей о дискурсивной гетерогенности // Актуальные проблемы современной лингвистики : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ. Вып. 2. С. 106–121.
- Гарифуллина Л. А., 2007. Сокращения в лексике индустрии гостеприимства английского и татарского языков / Л. А. Гарифуллина // Вестник ЧГУ. Гуманитарные науки. № 1. С. 149–152.
- Икаева Э. Ю., 2014. Влияние кросс-культурных факторов на содержание стандартов и практик УЧР в гостинице Novotel Moscow Centre : магист. дис. URL: <http://nethash.ru/vliyanie-kross-kuleturnih-faktorov-na-soderjanie-standartov-i.html> (дата обращения: 10.02.18).
- Йоргансен М. В., Филлипс Л., 2008. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков : Гуманит. центр. 350 с.

- Карасик В. И., 2007. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма. 519 с.
- Лиховидова Е. П., 2011. Вербальные средства актуализации стратегии убеждения (на материале англоязычных интернет-сайтов отелей) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (13). С. 160–165.
- Никитина В. В., 2006. Культурный сценарий и его языковое обеспечение как элемент лингвокультуры (на материале английского культурного сценария «Гостиничный сервис») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара. 22 с.
- Райс Э., Траут Дж., 2007. 22 непреложных закона маркетинга. М. : АСТ. 160 с.
- Траут Дж., Ривкин С., 2010. Дифференцируйся или умирай! Выживание в эпоху убийственной конкуренции. 2-е изд. СПб. : Питер. 302 с.
- Филатова Н. В., 2012. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. № 2. С. 76–82.
- Франтасова А. М., 2015. Дискурсивные практики печатной рекламы гостиничных услуг // Известия Уральского государственного университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. № 3 (141). С. 64–68.
- Чернявская В. Е., 2016. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М. : Флинта. 203 с.
- Bluea G. M., Harun M., 2003. Hospitality language as a professional skill // English for Specific Purposes. № 22. P. 73–91.
- Swales J. M., 1990. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge : Cambridge University Press. 274 p.
- gosudarstvennogo universiteta. *Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 149-152.
- Ikaeva E.Yu., 2014. *The influence of cross-cultural factors on the contents of standards and human recourse management practices in Novotel Moscow Centre. Master Thesis.* URL: <http://nethash.ru/vliyanie-kross-kuleturnih-faktorov-na-soderjanie-standartov-i.html>. (accessed 10 February 2018).
- Jorgansen M.V., Phillips L., 2008. *Discourse analysis as theory and method.* Kharkiv, Humanities Center. 350 p.
- Karasik V.I., 2007. *Language keys.* Volgograd, Paradigma Publ. 519 p.
- Likhovidova E.P., 2011. Persuading strategy and verbal means of its realization (on the basis of the authentic English websites of hotels). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (13), pp. 160-165.
- Nikitina V.V., 2006. *Cultural scenario and its language means as a linguacultural element (a case study of the English cultural scenario 'hotel service'). Abstract of PhD Thesis.* Samara. 22 p.
- Rajs E., Traut J., 2007. *22 immutable laws of marketing.* Moscow, AST Publ. 160 p.
- Traut J., Rivkin S., 2010. *Differentiate or die: survival in our era of killer competition.* Saint Petersburg, Piter Publ. 302 p.
- Filatova N.V., 2012. Genre range of tourism discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholohova. Filologicheskie nauki*, no. 2, pp. 76-82.
- Frantsova A.M., 2015. Discourse practices of print advertising of hotel services. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, no. 3 (141), pp. 64-68.
- Chernyavskaya V.E., 2016. *Text linguistics and discourse linguistics.* Moscow, Flinta Publ. 203 p.
- Bluea G.M., Harun, M., 2003. Hospitality language as a professional skill. *English for Specific Purposes*, no. 22(1), pp. 73-91.
- Swales J.M., 1990. *Genre analysis: English in academic and research settings.* Cambridge, Cambridge University Press. 274 p.

REFERENCES

- Beloglazova E.V., 2010. Poly-discourse phenomenon in the context of discourse heterogeneity. *Aktualnye problemy sovremennoy lingvistiki: sb. nauchnykh statey.* Saint Petersburg, Izd-vo SPbGUEF, iss. 2, pp. 106-121.
- Garifullina L.A., 2007. Abbreviations in the lexicon of the hospitality industry in the Tatar and English languages. *Vestnik Chuvashskogo*

Information about the Author

Oksana S. Issers, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Dean of Faculty of Philology and Media Communication, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russia, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

Информация об авторе

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Россия, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.7>

UDC 81-25
LBC 81.006

Submitted: 03.04.2018
Accepted: 07.05.2018

LINGUISTIC STRATEGIES AND REALIZATION OF INCENTIVE MODALITY IN POLITICAL SLOGAN AND ADVERTISING SLOGAN

Svetlana S. Vaulina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Irina Yu. Kuksa

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Abstract. The article deals with the strategy types used for delivering incentive modality in political slogans and advertising slogans. The slogans of the revolutionary period and the USSR era are compared with the advertising slogans that have been operating in the Russian media since the early 90-ies of the 20th century. The analysis of language means specificity in expressing incentive modality in sub-genres of persuasive discourse is based on the inference about their main structural and content constituents – purpose, functions, object, addressee and addressee (subject and object of influence). It is stated that the impact target firmly determines a deliberate effect on the content, relations and differences between the textual constituents, which is seen in the choice of specific means for expressing incentive modality in the speech sub-genres under study. Political slogans are characterized by the inclusive calls types that are supported with directive-and-komissive speech acts, non-verbal patterns with a high degree of incentive modal assertion. Advertising slogans are mostly built of directive speech acts with the verbs in the imperative mood forms of a second person singular, which helps to create the effect of trust between the addresser and the addressee. A common feature of discursive strategies in the types of persuasive discourse under consideration is the use of constatives, speech acts, aimed at arranging the system of moral standards and values required.

Key words: political slogan, advertising slogan, persuasive discourse, incentive modality, speech impact.

Citation. Vaulina S.S., Kuksa I.Yu. Linguistic Strategies and Realization of Incentive Modality in Political Slogan and Advertising Slogan. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 63-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.7>

УДК 81-25
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 03.04.2018
Дата принятия статьи: 07.05.2018

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛОЗУНГЕ И РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ

Светлана Сергеевна Ваулина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Ирина Юрьевна Кукса

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Аннотация. В статье рассматривается типология стратегий использования побудительной модальности в политических лозунгах и рекламных слоганах. Материалом для сопоставительного анализа послужили лозунги революционного периода и эпохи СССР в их соотношении с рекламными слоганами, функционирующими в российских масс-медиа с начала 90-х гг. XX столетия. Анализ специфики языковых средств выражения побудительной модальности в данных субжанрах персуазивного дискурса базируется на результатах изучения их основных структурно-содержательных компонентов – цели, функций, предмета, адресанта и адресата (субъекта и объекта воздействия). Делается вывод об определяющем влиянии цели воздействия на содержание и взаимоотношения остальных компонентов. Существующие между ними различия обуславливают выбор специфических средств выражения побудительной модальности в исследуемых речевых субжанрах. Политическим лозунгам присущи инклюзивные формы призывов, совмещенные директивно-комиссивные речевые акты и безглагольные конструкции с высокой степенью модально-побудительной категоричности. Для рекламных слоганов наиболее характерны директивные речевые акты с глаголами повелительного наклонения в форме второго лица единственного числа, создающими эффект доверия между адресантом и адресатом. Общей чертой дискурсивных стратегий в рассматриваемых типах персуазивного дискурса является использование речевых актов-констативов, направленных на моделирование системы необходимых представлений и ценностей.

Ключевые слова: политический лозунг, рекламный слоган, персуазивный дискурс, побудительная модальность, речевое воздействие.

Цитирование. Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Лингвистические стратегии реализации побудительной модальности в политическом лозунге и рекламном слогане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 63–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.7>

Введение

Известный российский культуролог Т.В. Чередниченко в своей монографии «Россия 90-х в слоганах, рейтингах, имиджах: Актуальный лексикон истории культуры» высказала мысль о том, что типологически либеральная реклама рынка (слоган) и тоталитарная (лозунг) – близнецы-братья [Чередниченко, 1999]. Этот оригинальный тезис не получил, однако, в работе автора, как и в исследованиях других ученых, удовлетворительной научной аргументации. С одной стороны, верификация сформулированного Т.В. Чередниченко положения осложняется недостаточной изученностью политических слоганов как лингвистического феномена. На этот факт, в частности, обращают внимание Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, полагая, что «слово лозунг стало столь концентрированным символом политической пропаганды, что многими языковедами не воспринимается как лингвистическое явление, достойное специального анализа» [Вальтер, Мокиенко, 2015, с. 57]. С другой стороны, в научной литературе мало разработана общая типология рассматриваемых речевых субжанров.

Представляется, что аргументированный ответ на вопрос о типологическом сходстве советских политических лозунгов и коммерческих рекламных слоганов может быть получен на основе выявления степени изоморфизма наиболее значимых структурных компонентов вышеназванных типов персуазивного дискурса, к числу которых относятся функция, цель, предмет, адресант и адресат (субъект и объект речевого воздействия). Особое значение среди выделенных компонентов имеет цель осуществляющегося речевого воздействия. В связи с этим нами проводится последовательное разграничение цели и функций текстов политического лозунга и рекламного слогана, определяется цель каждого из них, доказывается, что именно от цели воздействия зависит характер взаимоотношений между адресантом и адресатом и, как следствие, выбор конкретных стратегий речевого воздействия, в том числе языковых средств выражения побудительной модальности, поскольку она, как показано в наших предыдущих работах, непосредственно участвует в формировании прагматического аспекта предложения, функционирующего как высказывание [Ваулина, Кукса, 2010; Ваулина, Собко, 2017].

В соответствии с поставленными целью и задачами работа осуществлялась с использованием аналитико-описательного, коммуникативно-прагматического и функционально-семантического методов анализа. Материалом для исследования послужили российские политические лозунги революционной эпохи, лозунги периода СССР, содержащиеся в «Большом словаре крылатых слов русского языка» (БСКС), и слоганы размещенной в Интернете рекламы, относящейся к периоду 1990–2018 годов.

Цели и функции лозунга и слогана в персуазивном дискурсе

Слово *лозунг* в толковых словарях русского языка трактуется фактически одинаково. Ср.: «ЛОЗУНГ 1. Призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или политические требования. 2. Плакат с таким призывом» (МАС, т. 2, с. 197; СТС, с. 324); «ЛОЗУНГ 1. Призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачи или требования партии в определенный исторический момент» (ТС, т. 2, стб. 86). Как видим, в приведенных дефинициях акцентируется апеллятивная функция лозунгов и их содержательная идеологическая доминанта: политические требования и задачи, наиболее актуальные для данного социально-исторического момента.

Слово *слоган*, в силу его сравнительно позднего появления в русском языке, зафиксировано лишь в отдельных современных толковых и специализированных словарях. При этом оно определяется, как правило, через синонимичные слова *лозунг*, *девиз*, *формула*, *формулировка* и т. п. Ср.: «запоминающаяся фраза в рекламе, выражающая суть привлекательности товара. Лозунг, девиз, выражающий основную, существенную идею какого-л. политика» (СТС, с. 757), «лозунг, обычно рекламный» (ТС XXI, с. 925), «рекламный лозунг, девиз, содержащий сжатую, легко воспринимаемую, эффектную формулировку рекламной идеи» (СЭС, с. 313).

Наиболее популярным лексикографическим приемом является определение термина *слоган* через слово *лозунг*, что, однако, нельзя истолковывать как однозначное свидетельство

типологического равенства рекламного слогана и политического лозунга. Необходимо принимать во внимание не только относительную эквивалентность данных терминов, но и протекающую в данный момент функционально-семантическую диффузию самого слова *слоган*, актуализирующегося как в собственно коммерческой, так в социальной и политической рекламе (см., например: [Собко, 2016]).

В лингвистических дефинициях термин *слоган* характеризуется как субжанр рекламного дискурса, что обуславливается не только специфическими вербальными средствами, представляющими собой состоящие из одного сверхфразового единства речевые акты, но и способностью данных средств входить в состав жанров на правах речевых тактик [Деметьев, 2010, с. 148].

К базовым функциям рекламных слоганов чаще всего относят информирование и убеждение (воздействие) [Ухова, 2014; Феофанов, 2000; Шелестюк, 2014 и др.]. При этом суггестивная функция признается всеми исследователями в качестве доминирующей, поскольку информативность в рекламе оказывается подчиненной воздействию.

Существуют и другие, более детализированные характеристики функций, выполняемых рекламными текстами. К их числу исследователи относят коммуникативную, регулятивную, обобщающую, эмотивную, эстетическую, контактирующую, ориентирующую, магическую, номинативную (терминологическую) и некоторые другие функции (см., например: [Белоусова, 2005, с. 443]).

На необходимость последовательного разграничения целевой установки и функций рекламного дискурса указывает А.Ю. Морозов, предлагая к целевой установке относить «побуждение к приобретению товара или услуги», а к выполняемым слоганом функциям – «информативную, увещательную и напоминающую, поучительную, декорирующую» [Морозов, 2009, с. 233]. При этом традиционно выделяемая в качестве основной функция воздействия исключается автором из общего перечня, это, возможно, связано с тем, что исследователь интерпретирует побуждение и воздействие как в целом совпадающие процессы и закрепляет в силу этого за базовой функцией статус целевой установки.

Отправным моментом для понимания природы соотношения целей и функций в рамках персуазивного дискурса может послужить обращение к словарным дефинициям слов *цель* и *функция*.

В Малом академическом словаре русского языка *цель* определяется как: «1. Предмет, место, в которые надо попасть при стрельбе или метании. 2. То, к чему стремятся, чего хотят достичь» (МАС, т. 4, с. 638). Сходные толкования указанного слова содержатся и в других словарях, например, в СТС, (с. 914); ТС (т. 4, стб. 1211).

В МАС приведены следующие значения слова *функция*: «1. Явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения другого явления. 2. *Мат.* Переменная величина, меняющаяся в зависимости от изменения другой величины (аргумента). 3. *Биол.* Работа, производимая органом, организмом, как проявление его жизнедеятельности. 4. *перен.* Обязанность, круг деятельности. 5. Значение, назначение, роль. *Функция творительного падежа. Функция денег*» (МАС, т. 4, с. 587). С этими значениями соотносятся толкования данного слова, содержащиеся в других словарях русского языка. Ср. соответствующие определения в Современном толковом словаре русского языка: «1. Значение, назначение чего-л. 2. *Биол.* Работа, производимая органом, организмом, как проявление его жизнедеятельности. 3. *Матем.* Зависимость одних переменных величин от других. 4. *Книжн.* Явление, зависящее от другого и служащее формой его проявления, осуществления» (СТС, с. 899), в Новом словаре русского языка: «1. Зависимая переменная величина (в математике). 2. Проявление жизнедеятельности организма, тканей, клеток и т. п. (в физиологии). 3. Явление, зависящее от другого, основного явления и служащее формой его проявления или осуществления. 4. *Перен.* Обязанность, круг деятельности, подлежащая исполнению работа. 5. Значение, назначение, роль» (НС, т. 2, с. 924).

Примечательно, что в качестве первых значений слова *функция* в словарях преимущественно приводятся значения, характеризующие отличительное свойство функции – представлять собой величину, находящуюся в зависимости от какого-либо иного детерми-

нирующего фактора. Такое понимание чрезвычайно важно для уяснения зависимого характера функций, понимаемых как назначение, способ или характер использования какого-либо объекта, predetermined набором присущих ему характеристик. Наличие такого дистинктивного свойства дает возможность прийти к выводу о том, что выполняемые персуазивным дискурсом функции также являются зависящими величинами. Следовательно, распространенные в теоретической литературе попытки сформулировать цель рекламного текста, исходя из его функций, противоречат объективному характеру взаимоотношений между функциями как объективно зависимыми величинами и целью, имеющей субъективный, волюнтаристический характер. Цель, с которой используется предмет, безусловно, ограничена его функциональным потенциалом, и тем не менее ее конкретное содержание обусловлено субъективным выбором человека.

Проиллюстрируем это на простом примере. Имманентные свойства ножа определяют его функцию или назначение предмета для резания, однако цель его использования может варьироваться от банальной нарезки хлеба до серьезных противоправных действий субъекта. Вполне очевидно, что выбор конкретной цели видоизменяет способ применения одного и того же инструмента, обладающего ограниченным набором функциональных свойств.

Не менее существенное различие в целях и функциях можно обнаружить при сопоставительном анализе политических лозунгов и рекламных слоганов. Если их функциональные характеристики (назначение) совпадают и сводятся к воздействию на адресата или побуждению его к действию, то цели, с которыми данное воздействие осуществляется, являются диаметрально противоположными. Основная цель рекламного коммерческого слогана состоит в побуждении адресата к покупке объекта рекламы, то есть лежит в сугубо экономической плоскости, в то время как политический лозунг преследует исключительно идеологические цели – внушить адресату определенную систему ценностей и призвать к совершению действий, направленных на их достижение. Запланированный полити-

ческим лозунгом перлокутивный эффект состоит в вовлечении адресата в процесс построения той или иной определенной модели общества, в борьбу за революционные или социалистические идеалы, в защиту революции, родины, завоеваний социализма и т. п.

Обозначенное выше различие целей политического лозунга и коммерческого слогана предопределяет дифференциацию взаимоотношений в них адресата и адресанта. Так, если в коммерческом слогане в качестве адресата выступает некая определенная целевая аудитория, то адресатом политического (идеологического) воздействия является все народонаселение, проживающее в рамках данного геополитического образования. Если коммерческое воздействие предполагает строгое разделение между рекламодателем и потребителем рекламируемого продукта, то в политических лозунгах не существует четкой границы между адресантом и адресатом: они объединены общей постулируемой целью, что способствует виртуализации адресанта, его прагматическому слиянию с адресатом.

Вышеуказанная дифференциация целей рекламного слогана и политического лозунга тесным образом связана с различием объекта рекламирования / пропагандирования: если товар имеет множественную, практически не ограниченную представленность, то идеологический объект обладает значительно большей гомогенностью и трансформируется при условии изменения социально-политического контекста.

**Языковые средства реализации
средств побудительной модальности
в политическом лозунге
и рекламном слогане**

В связи с описанными нами различиями в целях, функциях, адресате и адресанте (субъекте и объекте воздействия) в рамках рекламного и политического дискурсов особый интерес составляет анализ типовых языковых средств выражения в них побудительной модальности.

Ю.И. Левин подразделяет советские политические лозунги на три группы: 1) лозунги-призывы, 2) лозунги-здравицы и 3) лозунги-постулаты [Левин, 1998, с. 542]. Первая

группа направлена на побуждение к совершению конкретных действий, вторая имеет цель убедить в истинности и важности определенных ценностных установок, третья прославляет некие субъекты социально-идеологического строительства.

1. Несмотря на то что лозунги-призывы по определению должны тяготеть к реализации в форме директивных речевых актов, количество конструкций с императивом как специализированным грамматическим маркером побудительной модальности в рамках данной группы крайне незначительно. Среди всего массива революционных и советских лозунгов нам удалось зафиксировать лишь три, в которых используется императив: ставший крылатым призыв из «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса *Пролетарии всех стран, объединяйтесь!*, а также малоизвестные лозунги *Работай так, как учит товарищ Сталин!* и *Изучайте великий путь партии Ленина-Сталина!*

Столь низкую частотность традиционной для выражения побудительной модальности формы императива второго лица множественного числа, с одной стороны, можно объяснить ее обыденностью, повседневностью. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в лозунгах, содержащих призывы особой концептуальной значимости, данные грамматические маркеры побудительной модальности полностью отсутствуют. В то же время они представлены в менее масштабных призывах, побуждающих к выполнению конкретных действий (*Смело и безбоязненно критикуйте недостатки в работе!*; *Берегите природу!* и т. п.) или же направленных к конкретному адресату (*Работники вузов! Улучшайте профессиональную подготовку студентов!* и т. п.).

С другой стороны, крайне низкую частотность формы повелительного наклонения второго лица можно объяснить отсутствием четкой границы между адресатом и адресантом, стремлением стереть следы субъектно-объектных отношений, свойственных прошлому миру, миру насилия и эксплуатации. На синтаксическом уровне данное стремление реализуется в использовании императивных предложений со значением совместного действия или в так называемых призывах инк-

лозунгового действия, включающих адресанта в число самих адресатов. Отличительной чертой инклюзивных призывов является активное использование совмещенных речевых актов (комиссивов и директивов) с характерной для них диффузией иллокутивных целей обещания и призыва. Лозунги типа *Воспитаем строителей коммунизма!*; *Отстоим завоевания Октября!*; *Выполним решения n-ого съезда КПСС!*; *Разгромим фашистских захватчиков!*; *Превратим Москву в образцовый коммунистический город!* звучат не только как обязательный для выполнения призыв, но и как данное самим себе обещание.

Наличие в приведенных и подобных им лозунговых конструкциях глагольных форм изъявительного наклонения, реализующих модальное значение реальности соответствующего действия, создает эффект слияния осуществимости с осуществленностью, тем самым укрепляя веру в достижимость поставленных целей. Ю.И. Левин считает, что подобные лозунги обладают прогностической и даже магической, заклинательной силой, поскольку «омонимия формы совместного действия с формой будущего времени приводит к тому, что такие призывы могут получать оттенок констатации в виде уверенного предсказания, приобретая прогностическую функцию» [Левин, 1998, с. 544].

Вполне очевидно, что использование такого рода призывов и обещаний практически полностью исключается в коммерческих рекламных слоганах с их четким разделением на заказчика рекламы и ее потенциального потребителя. Кроме того, построенные по данной модели призывы типа **Сделаем свое дыхание свежим!* или **Уничтожим все микробы под крышкой унитаза!* способны приобретать определенную юмористическую тональность в силу незначительного масштаба декларируемых целей. В то же время использование директивных актов с императивом второго лица единственного числа является одной из наиболее распространенных речевых тактик в коммерческой рекламе, что можно объяснить стремлением рекламодателя установить доверительные, приятельские отношения с адресатом рекламы: *Не тормози, сникерсни!* (шоколадный батончик «Сникерс»); *Не дай себе засохнуть!* (газированный

напиток «Спрайт»); *Живи на яркой стороне!* (оператор мобильной связи «Билайн»); *Сделай паузу – скушай Твикс!* (шоколадный батончик «Твикс») и многие другие.

Следующей особенностью группы политических лозунгов-призывов является максимальная редукция глагольных средств. Как замечает Г.О. Винокур, чистый лозунг «по природе своей, по-видимому, безглаголен» [Винокур, 1925, с. 87]. При этом конструктивные особенности безглагольных лозунгов меняются в зависимости от насущных потребностей социума в определенные исторические периоды. Так, для революционной эпохи характерно использование конструкций, включающих в себя наименование объекта в именительном падеже и указание на субъект его обязательной принадлежности в форме дательного падежа. Лозунги *Вся власть Советам!*; *Земля крестьянам!*; *Заводы рабочим!*; *Мир народам!* и т. п. эксплицитно указывают на обязательность передела собственности и осуществление радикальных изменений в области государственного и мирового устройства. Редукция глагола придает таким конструкциям свойство ассертивных деклараций и в значительной мере сближает их с лозунгами-констатациями.

Не подлежит сомнению, что построение рекламного слогана по указанной модели является непродуктивным риторическим приемом. Как отмечалось выше, предмет коммерческого рекламирования имеет вполне очевидную привязанность к определенной категории потребителей, вследствие чего использование номинативно-дательной конструкции «кому – что» (например, **Вискас – котам!*; **Педигри – собакам!*) в рамках коммерческой рекламы представляется избыточным. Кроме того, рассматриваемые безглагольные конструкции в политическом лозунге выражают интенцию ремоделирования важнейших социально-экономических устоев, вступающую в противоречие с выполняемой коммерческим слоганом обыденной задачей к побуждению адресата купить рекламируемый товар. Не случайно среди всего объема рассмотренного нами материала лишь один слоган, рекламирующий автомобиль марки Вольво, построен по вышеуказанной модели: *Вольво – построено по вышеуказанной модели: Вольво – Volvo.*

К безглагольной группе политических лозунгов-призывов относятся также клишированные сочетания, указывающие либо непосредственно на объект, за который или против которого необходимо бороться, либо на событие, в котором следует принимать активное участие. В качестве грамматических маркеров в них чаще всего выступают предлоги *за, на*, наречия *долгой, вперед*: *Долой самодержавие!*; *Вперед, к победе коммунизма!*; *Все на защиту отечества!*; *Все на выборы!*; *За работу, товарищи!* и т. п.

Несмотря на то что авторы рекламных слоганов часто прибегают к метафоре борьбы (*Shauma. Красивая победа над перхотью*; *Safeguard и Вы на защите семьи!* и т. п.), использование свойственных идеологическим призывам матриц **Все на борьбу с перхотью* или **Вперед, к победе над микробами!* представляется допустимым только в качестве обыгрывания прецедентных формул с целью достижения эффекта привлечения внимания. По всей видимости, тематическая узость целей рекламных слоганов исключает возможность неигрового использования компонентов идеологически маркированного синтаксиса.

В группе призывов выделяется лозунг с глаголом *давать* в форме 2-го лица единственного числа с прямым дополнением: *Даешь пятилетку за четыре года!*; *Даешь Магнитку!*; *Даешь Днепрогэс!*; *Даешь БАМ!* и под. В приведенных примерах глагольная словоформа *даешь* обладает исключительной силой самопобуждения, представляя собой интенсивный призыв к коллективному героическому действию. При этом если в директивных актах типа «Давай(те) сделаем что-либо», характерных для повседневной коммуникации, имеет место грамматикализация глагола, то в лозунге-призыве нельзя утверждать факт его полной десемантизации. Модель «Даешь X!» имплицитно побуждает к максимально быстрой материализации некоего X: давать можно только то, что уже существует. В результате нестандартная синтаксическая модель не только воспринимается как призыв к мобилизации всех усилий во имя скорейшего достижения цели, но и вызывает эффект слияния осуществимого и осуществленного. Об этом свидетельствуют также лозун-

ги, в которых в качестве предмета побуждения выступают объекты, имеющие материальную выраженность: *Даешь стране угля!*; *Даешь стране нефти!* и др.

В данной модели, как ни в какой другой, отражается вся мощь революционного порыва, свойственная эпохе революции и социалистического строительства, когда лозунги были призваны придавать массам окрыляющую уверенность, чувство оптимизма и радости от самого процесса созидания, в котором достижение экономических целей рассматривалось как фундамент всеобщего коллективного благополучия. Содержащийся в них призыв к самоотверженному труду во имя высоких идеалов обуславливает абсолютную неприменимость данных синтаксических конструкций в рекламных слоганах.

Отдельных комментариев заслуживает употребление в лозунгах и рекламных слоганах инфинитивных конструкций, реализующих широкий спектр значений побудительной модальности – от желательности до категорического приказа [Виноградов, 1986, с. 490–491; Золотова, 1973, с. 153 и др.].

В директивных актах лозунговой риторики данные конструкции реализуют значение призыва / приказа, ярким примером чего может служить знаменитый лозунг *Догнать и перегнать Америку!*, озвученный Н.С. Хрущевым в выступлении на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР 22 мая 1957 года. То, что генеральный секретарь ЦК КПСС использовал именно приказную форму воздействия, свидетельствует как об импульсивности его характера, так и о желании донести до всех мысль об абсолютной необходимости выполнения его призыва.

В рекламных же слоганах приказная тональность инфинитивных конструкций нейтрализуется за счет употребления формы инфинитива в сослагательном наклонении или модальных предикативов и сменяется модальной тональностью желательности и рекомендации. Например: *Всем **попробовать** пора бы, как вкусны и нежны крабы* (Главрыба), *Золотая бочка. **Надо** чаще **встречаться*** (пиво «Золотая бочка»).

2. В основе лозунгов-здравиц лежит использование нескольких базовых синтакси-

ческих моделей: «Да здравствует X!», «Пусть живет (в веках) (процветает, крепнет) X» и «Слава X-у!». Например: *Да здравствует дружба между народами!*; *Слава КПСС!*; *Слава советскому народу – строителю коммунизма!* и т. п. В подобных конструкциях лозунговая побудительная модальность переходит в модальность желательности существования какого-либо субъекта или объекта. Попутно заметим, что особенностью названной разновидности советских лозунгов является наличие у них декоративной функции (использование их в качестве обязательного элемента организации городского ландшафта), а также выполнение ими регулятивной функции (использование их на транспарантах во время праздничных шествий, демонстраций и т. п.). Ю.И. Левин отмечает характерную для данного типа лозунгов ориентацию на перлокутивный эффект приобщенности, повышения значимости и ценностного статуса прославляемых субъектов, а также их близость к заклинаниям, придающим словам магическую силу [Левин, 1998, с. 550].

Очевидно, что построение рекламных слоганов на основе использования вышеуказанных моделей невозможно: как бы высоко ни позиционировались различные товары в системе ценностей общества потребления, их прославление способно вызвать только пародийный или юмористический эффект.

3. Лозунги-постулаты чаще всего представляют собой конструкции с подлежащим и определяющим его именным сказуемым: *Коммунизм – это электрификация всей страны плюс советская власть!*; *Комсомол – верный помощник партии!*; *Партия – наш рулевой!*; *Планы партии – планы народа!*; *Народ и партия едины!*; *Советско-болгарская дружба нерушима!* и под. Ю.И. Левин предлагает рассматривать подобные лозунги как усеченные лозунги-здравницы [Левин, 1998]. Так, ассертивное утверждение *Народ и партия едины!* характеризуется как результат редукции лозунга-призыва *Да здравствует нерушимое единство народа и партии!* Наличие концептуальной связи между данными формами представляется несомненным, однако прагматический смысл лозунгов-постулатов (констатаций) зак-

лючается в их дифференцированной иллокутивной направленности. Они устанавливают соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью, преследуя иллокутивную цель зафиксировать определенное положение дел.

Характерное для данного типа речевых актов установление равенства между содержанием высказывания и внеязыковой действительностью придавало лозунгам наивысшую силу эпистемической модальности. Они были призваны выражать добытую эмпирическим, научным путем уверенность в констатируемом знании. Модальность достоверности актуализировалась и в других типах ассертивных речевых актов: *С каждым днем все радостнее жить!*; *Жить стало веселее!* и др. Отдельная их часть относилась к событиям будущего времени, например: *Коммунизм победит!*, выполняя одновременно прогностическую функцию.

Примечательно, что именно данный тип речевых актов-ассертивов, моделирующий систему необходимых представлений и ценностей, активно используется в рекламных слоганах. Например: *Фридерм – здоровая почва для Ваших волос!*; *Себозол. Рецепт от перхоти*; *Clairol. Абсолютно естественное желание*; *Сатау. Неотразимое искусство обольщения*; *Волосы – это наша гордость, да, мам?! (шампунь «Чистая линия»)* и др. Причина этого в том, что проведение в слогане параллели между содержанием высказывания и внеязыковой действительностью призвано обеспечить эффект моделирования определенной системы представлений как объективно существующего знания и достичь поставленной цели – убедить в необходимости приобретения рекламируемого товара.

Таким образом, принципиальные различия в содержании целей, функций, предмета, адресата и адресанта воздействия политических лозунгов и рекламных слоганов предопределяют специфику применяемых в них языковых стратегий. Лишь незначительная часть типовых для политического лозунга речевых актов и языковых средств выражения побудительной модальности является в ограниченной степени релевантной для рекламных слоганов.

Заключение

Результаты анализа позволили выявить модальную общность основной функции политического лозунга и рекламного слогана, состоящей в воздействии на адресата, при наличии дифференцированных целей предполагаемого воздействия. Цель политического лозунга – формирование определенного мировоззрения и побуждение к действиям, способствующим его практической реализации, цель рекламного слогана – побуждение адресата к приобретению рекламируемого товара. Адресат и адресант рекламного слогана четко разграничены статусом продавца и покупателя, в то время как адресант и адресат политического лозунга не имеют четко выраженной дифференциации.

Принципиальные различия базовых компонентов анализируемых субжанров предопределяют специфику речевых стратегий и тактик, свойственных каждому из них. Особенности политических лозунгов-призывов являются отказ от использования директивных речевых актов с глаголами в повелительном наклонении во втором лице единственного и множественного числа, инклюзивные формы призывов, совмещенные (директивно-комиссивные) акты и безглагольный синтаксис. В основе лозунгов-здравиц лежит использование ряда синтаксических моделей, направленных на создание перлокутивного эффекта повышения ценностного статуса прославляемых субъектов. Для лозунгов-констатаций характерны ассертивные утверждения, устанавливающие соответствие между пропозициональным содержанием высказывания и внеязыковой действительностью. Наиболее релевантным для политического лозунга является выражение побудительной модальности на эксплицитном уровне представления информации при высокой степени категоричности используемых модальных средств.

Характерное для рекламного слогана разграничение адресанта и адресата обуславливает высокую частотность использования в них директивных речевых актов с глаголами повелительного наклонения. При этом стремление создать эффект личностного общения и вызвать доверие к адресанту обуславливает частотное использование в данных

призывах глагольных форм единственного числа. Специфический характер предмета рекламирования исключает возможность применения в данной области речевых тактик прославления, свойственных политическому лозунгу.

Областью пересечения дискурсивных стратегий в рассматриваемых типах персуазивного дискурса является использование речевых актов-констативов, направленных на моделирование системы необходимых представлений и ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белюсова Н. П., 2005. Слоган как составляющая рекламного дискурса // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : материалы Междунар. науч. конф. (Волгоград, 24–27 апр. 2005 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 442–447.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., 2015. Язык лозунга: социолингвистическая стратификация // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 4, № 4 (64). С. 56–61.
- Ваулина С. С., Кукса И. Ю., 2010. Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия : сб. науч. тр. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта. С. 25–34.
- Ваулина С. С., Собко Т. Ю., 2017. Модальное микрополе побуждения в дискурсе русскоязычной и немецкоязычной социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16. № 2. С. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.14>.
- Виноградов В. В., 1986. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М. : Высшая школа. 639 с.
- Винокур Г. О., 1925. Культура языка: очерки лингвистической технологии. М. : Работник просвещения. 215 с.
- Дементьев В. В., 2010. Теория речевых жанров. М. : Знак. 600 с.
- Золотова Г. А., 1973. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука. 351 с.
- Левин Ю. И., 1998. Семиотика советских лозунгов // Поэтика. Семиотика. Избранные труды. М. : Языки русской культуры. С. 542–559.
- Морозов А. Ю., 2009. Функциональная специфика рекламного текста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11, № 4. С. 232–237.

- Собко Т. Ю., 2016. Периферийные средства выражения побудительной модальности в дискурсе социальной рекламы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Филология, педагогика, психология. Вып. 1. С. 32–37.
- Ухова Л. В., 2014. Эффективность рекламного текста. Ярославль : Изд-во Ярослав. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского. 375 с.
- Феофанов О. А., 2000. Реклама. Новые технологии в России. СПб. : Питер. 225 с.
- Чередниченко Т. В., 1999. Россия 90-х в слоганах, рейтингах, имиджах: актуальный лексикон истории культуры. М. : НЛЮ. 415 с.
- Шелестюк Е. В., 2014. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. 2-е изд., испр. и доп. М. : ФЛИНТА : Наука. 344 с.

СЛОВАРИ

- БСКС* – Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2005. 624 с.
- МАС* – Словарь русского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981–1984.
- НС* – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. Т. 2. М. : Русский язык, 2000. 1088 с.
- СТС* – Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2003. 959 с.
- СЭС* – Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М. : ИНФРА-М, 1997. 496 с.
- ТС* – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Русские словари, 1994.
- ТС XXI* – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М. : Эксмо, 2006. 1136 с.

REFERENCES

- Belousova N.P., 2005. Slogan as a component of the advertising discourse. *Russkaya slovesnost v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov: materialy Mezhdunar. nauchn. konf. (Volgograd, 24 – 27 aprelya 2005 g.)*. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 442-447.
- Valter Kh., Mokienko V.M., 2015. The language of slogan and its sociolinguistic stratification. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 4, no. 4 (64), pp. 56-61.

- Vaulina S.S., Kuksa I.Yu., 2010. The modality of sentence and the modality of the text: relevant areas of research. *Modalnost kak semanticheskaya universalija: sb. nauch. tr.* Kaliningrad, RGU Publ., pp. 25-34.
- Vaulina S.S., Sobko T.Yu., 2017. Modal microfield of incentive in the discourse of Russian and German social advertising. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 97-107. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.14>.
- Vinogradov V.V., 1986. *The grammatical doctrine about the word*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 639 p.
- Vinokur G.O., 1925. *The culture of language: sketches of linguistic technology*. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya Publ. 215 p.
- Demytyev V.V., 2010. *The theory of speech genres*. Moscow, Znak Publ. 600 p.
- Zolotova G.A., 1973. *The essay of Russian functional syntax*. Moscow, Nauka Publ. 351 p.
- Levin Yu.I., 1998. Semiotics of the Soviet slogans. *Poetics. Semiotics. Selected works*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., pp. 542-559.
- Morozov A.Yu., 2009. The functional aspect of the advertising text. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 11, no. 4, pp. 232-237.
- Sobko T.Yu., 2016. Peripheral means to express incentive modality in the social advertising discourse. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, iss. 1, pp. 32-37.
- Ukhova L.V., 2012. *Efficiency of the advertising text*. Yaroslavl, Izd-vo Yaroslavskogo ped. un-ta im. K.D. Ushinskogo. 375 p.
- Feofanov O.A., 2000. *Advertising. New technologies in Russia*. Saint Petersburg, Piter Publ. 225 p.
- Cherednichenko T.V., 1999. *Russia of the 1990s in slogans, ratings, images: relevant lexicon of cultural history*. Moscow, NLO Publ. 415 p.
- Shelestyuk E.V., 2014. *Speech influence: ontology and methodology of the research*. Moscow, FLINTA Publ.; Nauka Publ. 344 p.

DICTIONARIES

- Berkov V.P., Mokienko V.M., Shulezhkova S.G., 2005. *Large dictionary of catch words of the Russian language*. Moscow, Russkie slovari Publ.; Astrel; AST Publ. 624 p.

- Dictionary of the Russian language*. In 4 vols. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 1981–1984.
- Efremova T.F. 2000. *New explanatory and word-formation dictionary of the Russian language*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 1088 p.
- Kuznetsov S.A., ed. 2003. *Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Saint Petersburg, Norint Publ. 959 p.
- Raizberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B., 1997. *Modern Dictionary of Economics*. Moscow, INFRA-M Publ. 496 p.
- Ushakov D.N., ed., 1994. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. In 4 vols. Moscow, Russkie slovari Publ.
- Sklyarevskaya G.N., ed., 2006. *Explanatory Dictionary of the Russian Language of the yearly 21st c. Relevant lexicon*. Moscow, Eksmo Publ. 1136 p.

Information about the Authors

Svetlana S. Vaulina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, 236016 Kaliningrad, Russia, svaulina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-2836>

Irina Yu. Kuksa, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, 236016 Kaliningrad, Russia, IKuksa@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7177-6541>

Информация об авторах

Светлана Сергеевна Ваулина, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, 14, 236016 г. Калининград, Россия, svaulina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-2836>

Ирина Юрьевна Кукса, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, 14, 236016 г. Калининград, Россия, IKursa@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7177-6541>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.8>

UDC 811.161.1'37
LBC 81.411.2-31

Submitted: 19.03.2018
Accepted: 23.04.2018

ON PRINCIPLES OF MEANING FORMATION IN DENOMINAL VERBS¹

Dmitriy Yu. Ilyin

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Nadezhda A. Solomka

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the principles of forming the meaning of verbs formed from nouns. Intralinguistic and extralinguistic features contribute the formation of the semantics of verbal units. Two groups of verbs are characterized, differentiated depending on the hierarchical structure of semantic features in the structure of contextual refiners or motivating substance. The first group includes verbs, in the semantic structure of which the contextual refiners are nuclear seme. It is shown that the semantics of such verbs outside the context is not uniquely determined. This leads to the formation of the occasional meaning, which is created in speech use and not fixed in dictionaries. The semantic structure of new formation is based on the semes of words that make up the context environment, the verbs of the first group have the potential to denote any process that is in any way connected with the producing noun. The second group consists of verbs, in the semantic structure of which the semes of the motivating noun is nuclear, which determines the predictability of the meaning of the derived verb. This meaning can be called innovative. In the basis innovative meaning is seme of the motivating nouns in a particular speech use and has the potential to get a fixation in the dictionary as one of the lexical-semantic variants. The source of the analysis of verbal units was the publication of modern media.

Key words: denominal verb, innovative meaning, occasional meaning, semantic structure, seme, context.

Citation. Ilyin D.Yu., Solomka N.A. On Principles of Meaning Formation in Denominal Verbs. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 74-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.8>

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-31

Дата поступления статьи: 19.03.2018
Дата принятия статьи: 23.04.2018

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ¹

Дмитрий Юрьевич Ильин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Надежда Анатольевна Соломка

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются принципы формирования значения глаголов, образованных от имен существительных. Выявлены интра- и экстралингвистические признаки, способствующие становлению семантики глагольной единицы. Характеризуются две группы глаголов, дифференцированные в зависимости от иерархического строения семантических признаков в структуре контекстуальных уточнителей или мотивирующего субстантива. К первой группе относятся глаголы, в семантической структуре которых ядреными являются семы контекстуальных уточнителей. Показано, что семантика таких глаголов вне контекста не определяется однозначно. Это приводит к формированию окказионального значения, которое создается в речевом употреблении и не зафиксировано в словарях. Поскольку в основу семантической структуры новообразований входят семы слов, которые составляют контекстное окружение, глаголы первой группы облада-

ют потенциальной возможностью обозначать любой процесс, который каким-либо образом связан с производящим существительным. Вторую группу составляют глаголы, в семантической структуре которых ядреными становятся семы мотивирующего существительного, что обуславливает прогнозируемость значения производного глагола, которое можно назвать инновационным. Такое значение создается на основе семы мотивирующего существительного в конкретном речевом употреблении и обладает потенциальной возможностью получить фиксацию в словаре в качестве одного из лексико-семантических вариантов, поскольку значение производящего существительного, семы которого формируют ядро значения производной единицы, предопределяет номинативные возможности производного глагола. Источником для отбора глагольных единиц послужили публикации в современных средствах массовой информации.

Ключевые слова: отсубстантивный глагол, инновационное значение, окказиональное значение, семантическая структура, сема, контекст.

Цитирование. Ильин Д. Ю., Соломка Н. А. Принципы формирования значения отсубстантивных глаголов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 74–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.8>

Введение

Методологически важное для лингвистики понимание того, что значение необходимо рассматривать как мыслительный феномен, восходит к исследованиям А.А. Потебни, который различал ближайшее и дальнейшее значение слова. По мнению ученого, ближайшее значение – часть семантики слова, которая общеизвестна для языкового коллектива и противопоставлена дальнейшему значению, базирующемуся на индивидуальном восприятии слова носителем языка [Потебня, 1958, с. 19]. Иначе говоря, реципиент при опознании смысла лексической единицы должен определить значение словоформы, употребленной в контексте (в терминологии А.А. Потебни – дальнейшее значение).

Слова репрезентируют определенные значения, образуя между собой в различные комбинации. И.А. Стернин, рассматривая лексическое значение слова, констатирует, что слово функционирует в языке как составная часть высказывания [Стернин, 1985, с. 9–10], при этом «контекст актуализирует в значении слова определенный аспект, а внутри него – определенные семы» [Стернин, 1985, с. 41]. Из этого следует, что семантика слова не только формируется в рамках контекста, но и подвержена некоторым модификациям в тех случаях, когда лексема оказывается в ином контекстуальном окружении. Результатом этого процесса является постоянное изменение значения, которое «формируется из текстов путем свертывания, редукции и осмысления этих текстов, а также из практической дея-

тельности людей» [Стернин, 1985, с. 22]. По мнению И.Ю. Макаровой, исследовавшей формирование значения отсубстантивных глаголов английского языка посредством анализа их концептуальной структуры, этот процесс осуществляется двумя путями: «в первом случае формирование концептуальной структуры, репрезентируемой производным глаголом, происходит при доминирующем влиянии знания, соотносимого с производящим именем существительным, а во втором случае доминирующую роль приобретает знание, репрезентируемое контекстом» [Макарова, 2007, с. 19].

Языковые элементы, функционируя в речи, вступают в различные отношения, что приводит к формированию как узуальных, так и неuzuальных единиц. Изучению последних и посвящена данная статья. Цель выполненного исследования – охарактеризовать принципы формирования окказионального (неuzuального, характеризующегося индивидуальным вкусом [Ахманова, 1969, с. 284]) и инновационного (формируемого в контексте на базе мотивирующего существительного [Соломка, 2018, с. 78]) значений отсубстантивного глагола в результате интеграции сем контекстных уточнителей и производящего слова в структуре производного глагола. При этом учитывается возможность множественной интерпретации семантики новообразований, возникновение которых обусловлено индивидуальными ассоциациями, вызванными контекстом или производящим словом.

Материалом для исследования послужила авторская картотека, составленная мето-

дом сплошной выборки из текстов СМИ за 2000–2017 гг. и включающая около 400 отсубстантивных глаголов.

На формирование значений отсубстантивных глаголов влияют интралингвистические и экстралингвистические факторы. К наиболее существенным интралингвистическим факторам относятся значение производящего субстантива; общая для мотивирующего существительного и контекстного уточнителя сема; значения словообразовательных аффиксов; графическое выделение корневой морфемы. Важными экстралингвистическими факторами являются связанное с местом или лицом событие, информация, известная о ситуации, предмете или лице, а также имеющиеся у носителя языка фоновые знания о каких-либо известных исторических фактах.

Влияние контекста, в рамках которого формируется значение слова, неодинаково. Анализируемые отсубстантивные глаголы были разделены нами на две группы. В первую группу объединены глаголы, в значении которых ядерными являются семы контекстных уточнителей, во вторую – глаголы, в значении которых ядерными являются семы мотивирующего существительного. Под ядерными семами мы понимаем такие элементы семантической структуры слова, которые составляют основой формирующегося значения [Соломка, 2018, с. 79].

Формирование значения отсубстантивов на основе семантики элементов контекста

Значение языковых единиц данной группы основано на семантике слов, составляющих контекстное окружение, вне которого значение дериватов не определимо. Такие глаголы образованы либо от ономастических единиц, либо от нарицательных существительных, которые графически выделены при написании деривата (такое выделение можно считать элементом контекста).

Например, глаголы *волгоградить*, *петербуржить*, *нижегородить* вне контекста указывают на некий процесс, имеющий место в точно названных населенных пунктах – Волгограде, Петербурге, Нижнем Новгороде.

Топоним – производящее существительное – указывает на локацию осуществления действия, а суффикс *-и-* наделяет лексические единицы значением «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным» [Русская грамматика, 1980, с. 332].

(1) Да, возвращать коммунисту Хрущеву название Царицын было не с руки. И Сталина не оставишь. Пришлось **Волгоградить** (<http://maxpark.com>).

На формирование семантики глагольной единицы в данном высказывании влияют следующие интралингвистические факторы: ядерная сема ‘название’, которая является общей для контекстных уточнителей *название*, *Царицын*, *Сталинград* и производящего существительного *Волгоград* и которая способствует созданию новых внутрискруктурных связей, а также суффикс *-и-*, выражающий значение процесса. Экстралингвистическими факторами, влияющими на формирование значения глагола являются: известный исторический факт (переименование населенного пункта), на который указывают контекстные уточнители *название Царицын*, *Сталина не оставишь*, отсылающие реципиента к историческим топонимам *Царицын* и *Сталинград*, а также информация, связанная с существующим названием населенного пункта, переданная посредством мотивирующего существительного *Волгоград*. Таким образом, в результате взаимодействия перечисленных факторов у отсубстантивного глагола *волгоградить* формируется значение «давать название Волгоград».

(2) «**Петербуржить**» и «**ленинградить**» меня начало с ноября 2015. Именно тогда была забронирована «Идиллия Инн», и я начала стыковать выходные в музеях... Музеев оказалась такая куча, что пришлось оставить самые основные, ведь мы ехали «не план выполнять по достопримечательностям, а удовольствие получать» (<https://www.otzyv.ru>).

Интралингвистическими факторами, определяющими значения производных глаголов, являются: семы ‘культурные ценности’, ‘достопримечательности’, ‘история’ – общие для мотивирующих существительных *Петербург*, *Ленинград* и контекстных уточнителей *музеи*, *достопримечательности*. К экстралингви-

стическим факторам возможно отнести известную носителю русского языка информацию о Санкт-Петербурге как историческом и культурном центре России, актуализированную контекстными уточнителями *музеи, достопримечательности*. В совокупности интралингвистические и экстралингвистические факторы способствуют формированию глагольного значения «интересоваться историей и культурой Петербурга».

(3) А еще вот интересно, будет ли сегодня нижегородский ОМОН **нижегородить** болельщиков (<http://www.eurosport.ru>).

Глагол *нижегородить* передает значение «подвергать болельщиков административному наказанию», формируемое с помощью такого интралингвистического фактора, как наличие семы ‘орган правопорядка’ в семантической структуре существительного *ОМОН* и топонима *Нижний Новгород* (специальное подразделение по охране правопорядка обязательно для любого города), и такого экстралингвистического фактора, как владение носителем русского языка информацией о спецподразделении (ОМОН), обеспечивающем правопорядок и безопасность.

Верифицируя толкования глагольных лексем, образованных от топонимов, мы провели подстановку глаголов *волгоградить, петербуржить, нижегородить* в рамках имеющихся примеров. Эксперимент показал, что употребленный в ином контекстуальном окружении оттопонимический глагол передает то же значение, что и слово, зафиксированное в тексте статьи. Например: **А еще вот интересно, будет ли сегодня ОМОН волгоградить (петербуржить) болельщиков или *нижегородить меня начало с ноября 2015... Музеев оказалась такая куча, что пришлось оставить самые основные, ведь мы ехали не план выполнять по достопримечательностям, а удовольствие получать*. В первом случае глаголы *волгоградить (петербуржить)* передают значение «подвергать наказанию», во втором случае – «интересоваться культурой и историей». Таким образом, подстановка позволила доказать, что значение оттопонимических глаголов не только формируется, но и изменяется в контексте: если языковая единица оказывается в ином

контекстном окружении, то она передает информацию, связанную с другими фактами или событиями, характеризующими место, названное топонимом.

Глаголы, производящим словом для которых является топоним, часто используются при создании заголовков, так как не только привлекают внимание реципиента к происходящим событиям, но и вызывают у него различные эмоции, интерес к новому слову и географическому объекту.

Таким образом, у отсубстантивных глаголов, мотивированных ономастическими единицами, формируется окказиональное значение, поскольку основная семантическая нагрузка ложится на контекст, вне которого глагол называет неопределенный процесс в определенной географической точке. Кроме того, если в различном контекстуальном окружении одна и та же глагольная словоформа имеет значения, которые сходны лишь указанием на одно и то же место, то при контрастирующей дистрибуции оттопонимические глаголы синонимичны.

Значение глагольных единиц с графически выделенным мотивирующим существительным также формируется под влиянием контекста. Проиллюстрируем это утверждение анализом типового примера.

(4) **НаПОРТачили**. Свободный порт Владивосток – успех, утопия или распил бабла (Версия, 2015, № 41).

Глагол *напортачить* зафиксирован в словаре со значением «плохо, неумело делать что-либо, портить» (СЕМ, т. 4). В приведенном выше высказывании глагол употреблен в значении «совершать действия, которые не ведут к положительному результату в порту Владивосток», сформированном под влиянием графически выделенного существительного *порт* – «большой город при акватории, специально оборудованной для стоянки, погрузки, разгрузки или ремонта судов» (СЕМ, т. 2), контекстуального уточнителя *Владивосток*, значения глагола *напортачили*, зафиксированного в словаре, что квалифицируется как интралингвистический фактор, и содержащейся в статье информации о событиях во Владивостоке, которая определяется как экстралингвистический фактор.

Таким образом, у отсубстантивных глаголов с графически выделенным мотивирующим существительным формируется окказиональное значение, поскольку именно контекст является основой для определения семантики единицы – без графического выделения глагол называет некий процесс, связанный с тем или иным предметом.

Формирование значения отсубстантивов на основе семантики производящего существительного

В формировании значений глагольных единиц второй группы ведущую роль играют компоненты, входящие в семантическую структуру мотивирующего существительного. Рассмотрим типовые примеры.

(5) Жарко летом браслет носить на ноге? Щас подумем на ножку! Неудобненько? Сейчас **подкомфортим** (Комсомольская правда, 25.10.2013)

Глагол *подкомфортить* мотивирован существительным *комфорт* – «условия жизни, пребывания, обеспечивающие удобство и спокойствие» (СЕМ, т. 3). Данное толкование способствует выделению сем ‘удобство’, ‘благоустроенность’, ‘спокойствие’. Необходимость удобной одежды, обуви и т. д. в летнее время очевидна для человека (экстралингвистический фактор). Под влиянием контекстуальных уточнителей *жарко, подумем на ножку, неудобненько* актуализируется сема ‘удобство’, которая также наличествует и в структуре производящего существительного (интралингвистический фактор). Именно она становится основой для формирования значения «сделать удобным в использовании».

(6) Но сатира сейчас – вещь условная. Как можно **пересатирить** репортаж из Госдумы? (Аргументы и факты, 2006, № 35)

Значение глагола *пересатирить* – «невозможно высмеять работу Госдумы лучше, чем это делается в транслируемых из нее репортажах» – также не зафиксировано в словарях, однако в них представлено значение производящего существительного: *сатира* – «острое, беспощадное обличение и осмеяние в искусстве отрицательных явлений действительности» (СЕМ, т. 3). Трактовка существи-

тельного *сатира* позволяет выявить семы производящего слова: ‘обличение’, ‘осмеяние’, ‘отрицательные явления’. В качестве интралингвистических факторов, влияющих на формирование значения глагола *пересатирить*, определены также следующие: актуализация сем мотивирующего существительного ‘осмеяние’, ‘отрицательные явления’, которой способствует контекстное окружение в целом, а также значение префикса *пере-* «превзойти кого-либо в чем-либо» [Русская грамматика, 1980, с. 375]. Кроме того, выявлен и экстралингвистический фактор – события, связанные с работой Госдумы, информация о которых дана в тексте статьи. Несмотря на целый ряд факторов, влияющих на формирование семантики глагола *пересатирить*, основой его значения становится ядерная сема производящего существительного.

Значение некоторых отсубстантивных глаголов, достаточно частотных в определенной сфере употребления, зафиксировано в толковых словарях. При этом потенциальная возможность быть многозначным у подобных глаголов на сегодняшний день, как показывает наш материал, не реализована, например:

(7) Следит, как за любовницей бывшей: ревнует, **гуглит**, шарит в соцсетях (Новая газета, 26.05.2014).

Глагол *гуглить* мотивирован существительным *гугл*, которое называет систему поиска информации в глобальной компьютерной сети, что позволяет выделить следующие элементы семантической структуры: ‘Интернет’, ‘система’, ‘сайт’, ‘использование’, ‘поиск’, ‘информация’. *Гуглить* зафиксирован в словаре со значением «искать в Интернете» (СлМС), но в то же время может передавать потенциальное значение «пользоваться крупнейшей поисковой системой», поскольку контекстное окружение может способствовать актуализации как сем ‘Интернет’, ‘поиск’, так и сем производящего существительного ‘система’, ‘использование’. Кроме того, это значение обладает потенциальной возможностью быть зафиксированным в словаре при условии употребления глагола *гуглит* в этом значении в речи. Контекстный уточнитель *шарит*, «ищет ощупью» (МАС), актуализирует сему ‘поиск’, а контекстуальный уточнитель

в *соцсетях* проявляет семы 'Интернет', 'сайт'. Глагол *гуглить* активные пользователи глобальной сети и вне контекста определяют как «искать в интернете» (экстралингвистический фактор), поскольку это слово имеет широкое распространение в разговорной речи (иное значение названной единицы нами не обнаружено). Таким образом, сема 'поиск' является общей для производящего существительного и контекстного уточнителя *шарит*, что способствует ее актуализации в семантической структуре глагола *гуглит*. Этот факт можно расценивать как действие лингвистического фактора в формировании значения глагола *гуглить*.

Значение отсубстантивного глагола, зафиксированного в словаре, под влиянием контекстуальных уточнителей может модифицироваться.

(8) Алиментщики **раскошелятся** (Аргументы и факты, 2017, № 9).

Глагол *раскошелиться* имеет зафиксированные в словаре значения «перестав скупиться, пойти на издержки, траты» (СЕМ, т. 4), а также «платить, расщедриться, тратить» (СИН). Информация о необходимости содержания своих детей, передаваемая в предложении, – экстралингвистический фактор, так как об обязанности родителей обеспечить средствами к существованию свое потомство известно носителям языка. Однако в нашем примере контекстуальный уточнитель *алиментщики*, который в единственном числе имеет значение «человек, выплачивающий кому-нибудь алименты – средства на жизнь, содержание кого-нибудь» (СЕМ, т. 1), актуализирует не только сему 'деньги', представленную также в значении мотивирующего существительного *кошелек* (лингвистический фактор), но и сему 'содержание', которые являются основой для формирования значения «отдать деньги на содержание кого-либо». Значение глагола, зафиксированное в словарях, в контексте сужается.

Анализ глаголов второй группы показал, что при формировании значения отсубстантивных глаголов, во-первых, происходит сопряжение элементов структуры мотивирующего существительного и семантических компонен-

тов лексем контекстного окружения, при этом доминирующим является значение производящего слова; во-вторых, под влиянием контекстного окружения значение, зафиксированное в словаре, подвергается модификациям; в-третьих, некоторые глаголы, частотные в разговорной речи, зафиксированы в словаре как лексико-семантический вариант, однако, по нашему мнению, употребление в особом на сегодняшний день контексте может привести к формированию иной семантики; в-четвертых, у глаголов второй группы формируется инновационное значение, так как основу формируемого значения составляют семы мотивирующего существительного, актуализации которых способствует различное контекстное окружение.

Выводы

Итак, проведенное исследование позволило выделить две группы отсубстантивных глаголов: к первой группе относятся глаголы, в семантической структуре которых ядерными являются семы контекстуальных уточнителей, а ко второй – глаголы, в семантической структуре которых ядерными становятся семы мотивирующего существительного. Значения глаголов первой группы вне контекста не определяются однозначно, тогда как значения единиц второй группы прогнозируемы. У глаголов первой группы формируется окказиональное значение. Оно создается в речевом употреблении и не зафиксировано в словарях, так как семантику этих образований составляют семы контекстных уточнителей, которые в каждом речевом употреблении различны. В связи с тем, что в основу семантической структуры новообразований входят семы слов, которые составляют контекстное окружение, глаголы первой группы обладают потенциальной возможностью обозначать любой процесс, который каким-либо образом связан с производящим существительным.

У глаголов второй группы формируется инновационное значение. Оно создается на основе сем мотивирующего существительного в конкретном речевом употреблении и обладает потенциальной возможностью получить фиксацию в словаре как лексико-семантический вариант лексической единицы, поскольку семантика производящего существительного,

формирующая ядро значения производного глагола, предопределяет процессы, которые могут быть названы отсубстантивным глаголом.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект № 17-14-34005 «Отражение динамических процессов в грамматическом строе русского языка в региональной прессе».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С., 1969. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия. 608 с.
- Макарова И. Ю., 2007. Отсубстантивные глаголы и принципы формирования их значений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 7 (51). С. 12–19.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М. : Учпедгиз. 534 с.
- Русская грамматика, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология. М. : Наука. 789 с.
- Соломка Н. А., 2018. Регрессия как основа формирования инновационного значения отсубстантивного глагола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 1. С. 76–84. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.8>.
- Стернин И. А., 1985. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 138 с.

СЛОВАРИ

- МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240> (дата обращения: 19.02.2018).
- СЕМ – Русский семантический словарь : в 4 т. / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> (дата обращения: 19.02.2018).
- СИН – Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 000 сино-

нимических рядов. Более 20 000 синонимов. М. : Русские словари, 1999. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=237> (дата обращения: 19.02.2018).

СлМС – Словарь молодежного сленга. URL: <http://teenslang.su/> (дата обращения: 18.02.2018).

REFERENCES

- Akhmanova O.S., 1969. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 608 p.
- Makarova I.Yu., 2007. Denominative verbs and the way they form their meanings. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities], no. 7 (51), pp. 12-19.
- Potebnya A.A., 1958. *From the notes on Russian grammar*. Vols. 1-2. Moscow, Uchpedgiz Publ. 534 p.
- Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Introduction to morphemics. Word formation. Morphology*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 789 p.
- Solomka N.A., 2018. Regression as the basis of the formation of a denominative verb's innovative meaning. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 1, pp. 76-84. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.8>.
- Sternin I.A., 1985. *Lexical meaning of the word in speech*. Voronezh, VGU Publ. 138 p.

DICTIONARIES

- Evgenyeva A.P., ed., 1981–1984. *Dictionary of the Russian language*. In 4 vols. Moscow, Russkiy yazyk Publ. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240>. (accessed 19 February 2018).
- Shvedova N.Yu., ed., 1998. *Russian semantic dictionary*. In 4 vols. Moscow, Azbukovik Publ. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235>. (accessed 19 February 2018).
- Abramov N., 1999. *Dictionary of Russian synonyms and similar expressions: about 5000 synonymic rows. Over 20000 synonyms*. Moscow, Russkie slovari Publ. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=237>. (accessed 19 February 2018).
- Dictionary of youth slang*. URL: <http://teenslang.su/>. (accessed 18 February 2018).

Information about the Authors

Dmitriy Yu. Ilyin, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of Department of Russian Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, dilyin@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Nadezhda A. Solomka, Postgraduate Student, Department of Russian Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nadin.frtn@gmail.com, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7677-5051>

Информация об авторах

Дмитрий Юрьевич Ильин, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, dilyin@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Надежда Анатольевна Соломка, аспирант кафедры русской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nadin.frtn@gmail.com, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7677-5051>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.9>

UDC 81'373
LBC 81.053

Submitted: 02.02.2018
Accepted: 05.03.2018

DEFYING THE CHANGES OF LEXICAL MEANING IN THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT (ON THE EXAMPLE OF LEXEME *DELO*)

Anna I. Khlopova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to revealing the dynamics of the meaning of the lexeme *delo* for the last 30 years. To achieve this goal, the author carries out a complex analysis of the lexeme on the material of the Russian dictionaries: definition analysis, component analysis, analysis of the Russian Associative Dictionary (RAD) and their comparison with the data of the associative experiment. It has been established that the conceptual content of the lexeme is business-proof, since the reactions of the RAD respondents and the values of the lexical unit in modern semes, that are part of the core semantic structure of the word *delo* modeled on the basis of a definitional analysis, coincide in the reactions of the respondents obtained in the course of the associative experiment. The idea of Yu.N. Karaulov that the importance of lexemes remains unchanged among respondents for 2-3 generations has been proved. Changes in the lexical meaning of the word *delo*, revealed when comparing the dictionary data and the results of the experiment, are viewed as the relevance of the periphery of the sememes and the values of the lexeme associated with them. The conducted research confirmed the expediency of using the experimental method in studying language processes in their connection with the thinking of native speakers.

Key words: lexeme, lexical meaning, dynamics of lexical meaning, semantic structure, free associative experiment.

Citation. Khlopova A.I. Defying the Changes of Lexical Meaning in the Associative Experiment (on the Example of Lexeme 'Delo'). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 82-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.9>

УДК 81'373
ББК 81.053

Дата поступления статьи: 02.02.2018
Дата принятия статьи: 05.03.2018

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА *ДЕЛО* (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Анна Игоревна Хлопова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению динамики значения лексемы *дело* за последние 30 лет. С этой целью осуществлен комплексный анализ лексемы на основе материала словарей русского языка: дефиниционный анализ, компонентный анализ, анализ данных «Русского ассоциативного словаря» и их сравнение с данными, полученными в ходе проведенного автором ассоциативного эксперимента.

Установлено, что понятийное содержание лексемы *дело* устойчиво, поскольку реакции респондентов РАС и значения рассматриваемой лексической единицы в современных словарях в основном совпадают; семы, входящие в ядро семантической структуры слова *дело*, смоделированной на основе дефиниционного анализа, находят отражение в реакциях респондентов, полученных в ходе ассоциативного эксперимента. Подтверждена идея Ю.Н. Караулова о том, что значение лексем остается неизменным у респондентов в течение 2–3 поколений. Изменения лексического значения слова *дело*, выявленные при сопоставлении словарных данных и результатов проведенного эксперимента, выражаются в утрате актуальности периферийными семами и связанными с ними значениями исследуемой лексемы.

Проведенное исследование подтвердило целесообразность использования экспериментального метода при изучении языковых процессов в их связи с мышлением носителей языка.

Ключевые слова: лексема, лексическое значение, динамика лексического значения, семантическая структура, свободный ассоциативный эксперимент.

Цитирование. Хлопова А. И. Изменения в лексическом значении слова *дело* (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 82–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.9>

Введение

Исследователи отмечают, что в современных науках (психологии, лингвистике, психиатрии) свободный ассоциативный эксперимент (далее – АЭ) стал использоваться для решения разнообразных теоретических и практических задач, поскольку он относительно прост в проведении (но не в обработке результатов!), а его данные высоко информативны [Караулов, 1981, с. 150]. Если раньше АЭ применялся в лингвистических исследованиях для моделирования статичных семантических структур, то в современной лингвистике, решая на основе интерпретации ассоциативных полей лингвокогнитивные, лингвокультурологические и психолингвистические задачи, ученые обнаружили внутреннюю пластичность ассоциатов. Это позволило в полном соответствии с антропоцентрическим подходом использовать их для интерпретации динамики языковых процессов. АЭ становится эффективным способом изучения развития лексических значений, хотя далеко не весь его потенциал выявлен [Патсис, 2005, с. 11]. Сопоставляя структуру ассоциативных полей определенных слов-стимулов, можно получить представление о том, каково психологически актуальное значение лексем для носителей языка и как оно изменяется в речевой деятельности социума. Более того, по мнению А.А. Залевской, изучая семантическую структуру слов-коррелятов в ряде языков, можно установить не только их лексико-семантические варианты, но и степень актуальности каждого варианта для носителей того или иного языка [Залевская, 2012, с. 31]. Значения слов, отраженные в словарях, изменяются: устаревают, исчезают, вместо них появляются новые. Данные свободного АЭ могут продуктивно использоваться при сопоставительном анализе для определения ядерных компонентов значения слова, актуальных для носителей исследуемого языка.

Методика исследования

Использование нескольких методов исследования обеспечивает надежность и достоверность сделанных выводов [Пищальникова, 2007, с. 117]. С целью определения динамики лексического значения слова *дело* мы провели его дефиниционный и компонентный анализ на основе данных, представленных в словарях русского языка, дополнили полученные результаты данными РАС и сопоставили их с данными проведенного нами ассоциативного эксперимента.

Структура значения лексемы *дело* по данным словарей русского языка

На первом этапе анализа лексемы *дело* с опорой на дефиниции из толковых словарей русского языка (см. список словарей) на основе компонентного анализа устанавливаем ядерные и периферийные семы. К ядерным относим семы, отражающие существенные (понятийные) признаки и потому актуализирующиеся во всех словарных дефинициях: ‘работа’, ‘деятельность’, ‘занятие’, ‘деловая надобность’, ‘потребность, нужда’, ‘нечто важное, нужное’, ‘круг знаний’, ‘событие, происшествие, факт’, ‘поступок’, ‘судебный процесс’, ‘документы’, ‘обязанность’, ‘профессия’, ‘долг’. Остальные семы, представленные в дефинициях непосредственно, относим к периферийным: ‘заинтересованность, заботливое отношение’; ‘все, что входит в какую-л. задачу, относится к какому-л. явлению’; ‘полезное занятие’; ‘сражение, бой (воен.)’.

Опираясь на синонимический ряд слова *дело* (СРС), выделяем семы, отсутствующие в дефинициях из толковых словарей: ‘ремесло’, ‘мастерство’, ‘рукоделие’, ‘труд’, ‘спор’, ‘произведение’, ‘сделка’.

Сопоставляя полученные результаты, определяем в качестве ядерных в структуре

значения слова *дело* семы 'работа', 'занятие', 'деятельность', 'суд', 'процесс', 'профессия'.

Такой предваряющий анализ необходим для того, чтобы, опираясь на экспериментальные данные, показать динамику значения исследуемой лексемы. Он является своеобразной «точкой отсчета» для характеристики актуальных психологических процессов, влияющих на развитие лексического значения и обнаруживающихся в свободном ассоциативном эксперименте.

Значения лексемы *дело* по данным «Русского ассоциативного словаря»

Для характеристики изменений в структуре значения слова *дело* обратимся к РАС, представляющему ассоциаты на это слово в возрастной группе респондентов от 17 до 23 лет. Поскольку в исследовании экспериментальных данных осуществляется переход к иной, психолингвистической, парадигме отметим, что соотношение «стимул – ассоциат» рассматривается нами, вслед за А.А. Леонтьевым, как предикативное отношение, выявляющее психологически актуальные для индивида смыслы (субъективно актуальные в данной речевой деятельности значения) [Леонтьев, 2003, с. 165]. Поэтому новые ассоциативные связи слова-стимула отражают как развитие его сочетательных возможностей в индивидуальной речевой деятельности, а наличие общих тенденций в этом процессе может свидетельствовать о начавшемся или осуществляющемся в настоящее время изменении значения слова.

В РАС на слово-стимул *дело* представлено 87 реакций. Из них методом случайной выборки нами выделено 53 реакции (для релевантного сравнения): *сделал 5, в шляпе, жизни, дрянь 2, мое, бизнес, время, делается, мокрое, папка, уголовное, 13, № 13, №, альманах со стихами Д.А. Пригова, было, было так, в жизнь, времени, всей жизни, грабеж, для мужчины, досье, закрытие, закрыто, Ильича, каждого, любимое, мастер, милиция, не твое, потребность, пошло веселее, прибыльное, работа, сделать, серьезно, случая, собственное, судебное, табак, тело, труд, хорошее, худо, чести 1.*

Классифицируем ассоциаты в соответствии со значениями слова *дело*, чтобы продемонстрировать их актуальность / неактуальность в индивидуальном ассоциировании (а следовательно, возможном использовании в речевой деятельности индивида).

Реакции, соответствующие значению «работа, занятие, деятельность»: *бизнес, работа, труд, любимое, пошло веселее, делается, сделать, сделал 5, жизни 2, всей жизни, время, в жизнь* (всего 17).

Реакции, соответствующие значению «событие, факт, положение вещей»: *дрянь 2, в шляпе 2, худо, табак, было, случая, времени, пошло веселее, было так* (всего 11).

Реакции, соответствующие значению «судебное разбирательство, процесс»: *уголовное, альманах со стихами Д.А. Пригова, грабеж, закрытие, закрыто, судебное, чести* (всего 7).

Реакции, соответствующие значению «собрание документов, относящихся к какому-л. лицу»: *папка, досье, № 13, 3, №* (всего 5).

Реакции, соответствующие значению «то, что входит в чьи-нибудь задачи»: *не твое, мое, Ильича, каждого* (всего 4).

Реакции, соответствующие значению «поступок»: *для мужчины, хорошее, мокрое* (всего 3).

Реакции, соответствующие значению «сфера знаний, деятельности, работы»: *милиция, мастер* (всего 2).

Реакции, соответствующие значению «предприятие»: *прибыльное, собственное* (всего 2).

Реакции, соответствующие значению «надобность, нужда»: *потребность* (всего 1).

Реакции, соответствующие значению «нечто важное, нужное»: *серьезно* (всего 1).

Большинство реакций, представленных в РАС, отражают ядерные семы 'работа', 'занятие', 'деятельность'.

Чтобы акцентировать динамические процессы в значении исследуемого слова, классифицируем полученные ассоциаты в соответствии с предложенной В.А. Пищальниковой моделью ассоциативного значения [Пищальникова, 2007, с. 154] и проинтерпретируем их. Модель ассоциативного значения включает в себя «принципиально функциональное, динамическое соотношение» следующих компонен-

тов: понятие, представление, предметное содержание, ассоциация, операциональные реакции, которые в свою очередь могут отображать культурно обусловленные смыслы и эмоционально-оценочные связи единиц языка. [Пищальникова, 2007, с. 154]. Названная психолингвистическая модель избирается нами потому, что она представляет личностный смысл как функциональный феномен и позволяет проследить смысловые сдвиги значения в каждом конкретном предикативном отношении лексем, в нашем случае – в соотношении стимула и реакции.

Выделим прежде всего **операциональные** реакции, в которых отражается автоматизм использования лексем, что свидетельствует об их встроенности в ассоциативно-вербальную сеть индивидов: *сделал 5, дрянь 2, жизни 2, пошло веселее, не твое, было, случая, времени, уголовное, судебное, закрытие, закрыто, мокрое, делается, сделать, любимое, серьезно, худо, табак, хорошее, в шляпе, всей жизни, время, в жизнь, мое, Ильича, каждого, мастер, было так, чести* (всего 36). В составе операциональных ассоциатов можно выделить культурно обусловленные и эмоционально-оценочные. Значительна группа **реакций-представлений**: *бизнес, собственное, потребность, милиция, альманах со стихами Д.А. Пригова, грабеж, для мужчины, папка, к другу, досье, № 13, 3, №* (всего 14). **Реакции-понятия**, отражающие ядерные (понятийные) семы лексемы *дело*, представлены незначительно: *работа, труд, прибыльное* (всего 3). **Формальные фонетические** реакции, как правило, не частотны, поскольку они отражают не значение, а степень знания его индивидом или актуальность для данной речевой деятельности, в нашем материале они представлены одним ассоциатом: *тело*.

Преобладание операциональных ассоциатов свидетельствует о том, что исследуемая лексема активно используется в речевой деятельности индивидов, фиксируя устойчивые составляющие ее значения, вербализованные в устойчивых сочетательных связях слова. Например, со значением слова *дело* «судебное разбирательство, процесс» связаны реакции *закрытие* и *закрыто*.

Среди операциональных реакций наиболее частотны в ассоциативном поле слова *дело культурно обусловленные* реакции: *сделал, в шляпе, жизни, дрянь* и др. Они актуализируют содержание устойчивых словосочетаний.

Реакция *было* реализует связь стимула с выражением *было дело* в значении подтверждения реальности факта или события. Ассоциат *было так* является традиционным началом текстов сказочно-былинных жанров. Реакции *было* и *было дело* актуализируют значение слова *дело* как «событие, обстоятельство, факт; положение вещей». Выражение *дело случая* понимается как «игра случая, игра судьбы, ирония судьбы, случай, нечаянность, потеря, случайность».

Реакция *сделал* связана с поговоркой *сделал дело, гуляй смело*.

Фразеологизм *дело в шляпе* означает, что все хорошо, все в порядке, говорит об успешном завершении, исходе чего-либо. Несколько столетий назад, когда почты в современном ее виде не существовало, все сообщения доставлялись гонцами на лошадях. На проезжих дорогах тогда было немало разбойников, и сумка с пакетом могла привлечь внимание грабителей. Поэтому важные бумаги, или, как их раньше называли, дела, зашивали под подкладку шляпы или шапки. Отсюда возникло выражение *дело в шляпе*.

Выражение *дело табак* заимствовано в разговорную речь из жаргона волжских бурлаков. Переходя вброд неглубокие заливы или небольшие притоки Волги, бурлаки подвязывали свои кисеты с табаком к шее, чтобы они не намокали. Когда вода была настолько высока, что подходила к шее и табак намокал, бурлаки считали переход невозможным, а свое положение в этих случаях очень плохим, безнадежным. Сейчас это выражение употребляется в значении «очень плохо, безнадежно».

Наряду с ними слова-реакции представляют и иные устойчивые словосочетания. Так, реакция *делается* может быть связана с поговоркой *скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается* и разговорным *дело делается*. Она означает, что какое-либо событие, дело, действие, процесс проходит гораздо медленнее, чем хотелось бы. Ассоциат *дрянь* актуализирует содержание фразеоло-

гизма *дело дрянь*, который означает, что дела очень плохи, положение крайне опасно, угрожающе. Жаргонное название убийства – *мокрое дело* – является распространенным в современной речевой практике социума. Ассоциат *времени* связан с поговоркой *Делу – время, потехе – час*. Реакция *мастер* актуализирует, вероятно, содержание поговорки *Дело мастера боится*, хотя не исключаются и другие интерпретации в связи со спецификой социально-исторических процессов в то время, когда проводился эксперимент для создания РАС. Так, «Толковый словарь языка Совдепии» (далее – ТСЯС) представляет устойчивое сочетание *запленных дел мастер*, которое метафорически трактуется как «агент центрального разведывательного управления США»: *Американские специалисты по антиповстанческим операциям, «запленных дел мастера», а также эксперты по подрывной деятельности в странах Карибского бассейна празднуют новоселье* (ТСЯС, с. 152).

Реакции *жизнь* и *в жизнь* опосредованно связаны, вероятно, со штампом *воплотить в жизнь*, а ассоциаты *жизни* и *всей жизни* – с устойчивыми социально-политическими штампами *дело всей жизни*, *дело жизни*. К этой же группе ассоциатов, фиксирующих социально-политические штампы, можно отнести *чести*, актуализирующее *дело чести*; *Ильича* – *дело Ильича* и др. Большое количество ассоциатов, представляющих те или иные связи с социально-политическими штампами, говорит об активности последних в речи в 80-е годы.

Ассоциат *мое дело* входит в ряд экспрессивных разговорных устойчивых словосочетаний с диффузной семантикой, активно используемых в рамках русской лингвокультуры: (это) *мое дело*, (это) *не твоё дело*, (это) *дело каждого*, *дело твоё (его, ваше)*.

Анализируя **эмоционально-оценочные реакции**, отметим, что количество отрицательных и положительных оценок слова примерно одинаково (5 отрицательных и 4 положительные реакции). Можно полагать, что для респондентов слово *дело* эмоционально.

Частотность **реакций-представлений** также свидетельствует о включенности значения лексемы в систему индивидуальных ассоциативных связей, фиксирующих лично-

стное отношение к реалии, обозначенной словом. При этом ассоциативные связи могут быть непрямыми. Например, реакция *альманах со стихами Д.А. Пригова* связана с именем Дмитрия Александровича Пригова – русского поэта, художника, скульптора XX в., одного из основоположников московского концептуализма в искусстве и литературе. Возможно, реакция *дело* обусловлена тем, что в 1986 г. после одного из уличных выступлений на Д.А. Пригова было заведено уголовное дело, он был принудительно направлен на лечение в психиатрическую клинику, откуда его освободили благодаря вмешательству известных деятелей культуры внутри и вне страны.

Реакция *потребность* отражает существующую в сознании носителей языка связь дела и внутреннего психологического или функционального ощущения недостаточности чего-либо, которое побуждает человека к деятельности. Таким образом, реакция *потребность* опосредованно актуализирует одно из значений слова *дело* – «надобность, нужда».

Содержание частотных реакций, выявленное в результате анализа данных РАС, позволяет определить общие значения слова *дело* для РАС и толковых словарей: «работа, занятие, деятельность»; «событие, обстоятельство, факт; положение вещей»; «судебное разбирательство, процесс»; первое и третье из них отражают ядерные семы ‘работа’, ‘занятие’, ‘суд’, ‘процесс’, ‘профессия’, ‘деятельность’, установленные при дефиниционном анализе лексемы.

Значения лексемы *дело* по данным ассоциативного эксперимента

В проведенном нами в 2014 г. ассоциативном эксперименте приняли участие 530 носителей русского языка 17–23 лет, поскольку, по мнению Ю.Н. Караулова, к этому возрасту завершается становление «языковой личности», «в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента» [Караулов, 1981, с. 230]. Ю.Н. Караулов полагает, что «относительная стабильность языковой способности носителей языка (в частности словарный запас, ценностные и прагматические установки, формально-комбинаторные возможности) может

служить основой для характеристики массового сознания в российском обществе на ближайшие 20–30 лет, т. е. на период, когда нынешние испытуемые будут составлять активное ядро общества» [Караулов, 1981, с. 231]. Испытуемые этой группы (большинство из них студенты) имеют приблизительно одинаковые интересы, проживают с родителями или зависят от них материально и не имеют постоянной работы. Поэтому можно предположить, что базовые ценности респондентов этой группы сопоставимы.

Из общего количества реакций методом случайных чисел мы отобрали 53 реакции: *время* 4, *важное* 4, *бумага* 3, *работа* 3, *занятость* 2, *труд* 2, *задание* 2, *любимое* 2, *занятие*, *кепка*, *милиция*, *шум*, *хорошее*, *долг*, *удовлетворение*, *производство*, *безделье*, *деятельность*, *активность*, *папка*, *карьера*, *стирка*, *действие*, *секрет*, *ответственность*, *выполнение*, *жизнь*, *сделано*, *уголовное*, *трудное*, *легкое*, *личное*; отказ от ассоциирования (7). (Последний показатель важен для количественного анализа составляющих ассоциативного поля).

Классифицируем реакции в соответствии со значениями слова *дело* и интерпретируем их.

Реакции, соответствующие значению «работа, занятие, деятельность»: *работа* 3, *занятость*, *труд*, *любимое* 2, *ответственность*, *выполнение*, *деятельность*, *активность*, *занятие*, *действие*, *удовлетворение*, *трудное*, *легкое*, *хорошее*, *безделье*, *сделано*, *время* (всего 22).

Реакции, соответствующие значению «собрание документов, относящихся к какому-л. лицу»: *бумага* 3, *папка*, *секрет*, *личное* (всего 6).

Реакции, соответствующие значению «то, что входит в чьи-нибудь задачи»: *задание* 2, *кепка*, *стирка*, *секрет* (всего 5).

Реакции, соответствующие значению «нечто важное, нужное»: *важное* 4, *шум* (всего 5).

Реакции, соответствующие значению «сфера знаний, деятельности, работы»: *милиция*, *жизнь* (всего 2).

Реакции, соответствующие значению «предприятие»: *карьера*, *производство* (всего 2).

Реакции, соответствующие значению «надобность, нужда»: *долг* (всего 1).

Реакции, соответствующие значению «судебное разбирательство, процесс»: *уголовное* (всего 1).

Реакции, соответствующие значению «событие, факт, положение вещей» – 0.

Реакции, соответствующие значению «поступок» – 0.

Большинство реакций, данных респондентами, отражают, как и реакции, представленные в РАС, значение «работа, занятие, деятельность» и ядерные семы ‘работа’, ‘занятие’, ‘деятельность’. Значения «событие, факт, положение вещей» и значение «поступок», зафиксированные в РАС, не отражены в реакциях наших респондентов. Следовательно, можно предположить, что содержание лексем частично меняется: если некоторые значения сохраняются («работа, занятие, деятельность», «собрание документов, относящихся к какому-либо лицу») и не теряют своей актуальности, то другие становятся малоупотребительными или не используются.

Классифицируем ассоциаты, полученные в результате эксперимента, в соответствии с избранной моделью значения.

Реакции-понятия: *работа* 3, *труд* 2, *занятость* 2, *задание* 2, *занятие*, *действие*, *производство*, *ответственность*, *выполнение*, *деятельность*, *активность*, *долг*, *уголовное* 1 (всего 18).

Операциональные реакции: *важное* 4, *время* 4, *любимое* 2, *безделье*, *личное*, *сделано*, *удовлетворение*, *трудное*, *легкое*, *хорошее* 1 (всего 17).

В составе операциональных ассоциатов можно выделить **культурно обусловленные** (*время*, *личное*, *сделано*) и **эмоционально-оценочные** (*важное*, *любимое*, *безделье*, *удовлетворение*, *трудное*, *легкое*, *хорошее*).

Реакции-представления: *бумага* 3, *кепка*, *стирка*, *секрет*, *карьера*, *жизнь*, *милиция*, *шум*, *папка* 1 (всего 11).

Таким образом, значениями слова *дело*, зафиксированными в словарях русского языка и представленными в реакциях респондентов, являются: «работа, занятие, деятельность», «собрание документов, относящихся к какому-либо лицу»; «нечто важное, нужное», которые отражают семы ‘работа’, ‘докумен-

ты', 'важное', выявленные при дефиниционном анализе лексем.

Выводы

Сопоставление результатов анализа данных, представленных в РАС и полученных в ходе проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента, выявило следующие расхождения.

Различается состав наиболее частотных реакций на слово *дело*: если в РАС это были ассоциаты *сделал, в шляпе, жизни, дрянь*, то по данным эксперимента это *время, важное, бумага, работа*. Формально-грамматические ассоциаты единично представлены в РАС и отсутствуют среди реакций участников АЭ. Снижается степень индивидуальности реакций, что проявляется в утрате частотных культурных и эмоционально-оценочных реакций и актуализации понятийных ассоциатов. Кроме того, изменяется качественный состав эмоционально-оценочных реакций, значительно снижается их семантическая дифференцированность. Вместе с тем ядро значения слова *дело*, выявленное при анализе ассоциатов, частично совпадает с ядром значения, смоделированным при анализе словарных дефиниций: *дело* – это работа, занятие, деятельность, оно может быть судебным или уголовным.

Таким образом, можно считать, что понятийное содержание лексемы *дело* сохраняет устойчивость, и это, с одной стороны, подтверждает мнение Ю.Н. Караулова о неизменности значения лексем у респондентов в течение 2–3 поколений. С другой стороны, в эксперименте 2014 г. не проявляются как актуальные понятийные семы 'событие', 'факт', 'положение вещей', 'поступок', что свидетельствует об изменении значения анализируемой лексемы.

Динамика значения отражается также в изменении для респондентов актуальности ассоциативных связей с данным словом: в уменьшении (до нуля) количества формально-грамматических ассоциатов, в изменении степени субъективности реакций и их эмоционально-оценочного разнообразия, в утрате частотных культурных и эмоционально-оценочных реакций, в актуализации понятийных ассоциатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Залевская А. А., 2012. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования: теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing. 278 с.
- Караулов Ю. Н., 1981. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М. : Наука. 367 с.
- Леонтьев А. А., 2003. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М. : Едиториал УРСС. 248 с.
- Патсис М., 2005. Ассоциативное поле как инструмент анализа значения слова (на материале греческого языка) : дис. ... канд. филол. наук. М. 167 с.
- Пищальникова В. А., 2007. История и теория психолингвистики : в 3 ч. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М. : Моск. гос. лингв. ун-т. 227 с.

СЛОВАРИ

- Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?p=237>.
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. URL: http://mirslovari.com/efr_a (дата обращения: 15.04.2017).
- РАС – Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулова. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 29.03.2017).
- Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/> (дата обращения: 12.05.2017).
- Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 12.05.2017).
- ТСЯС – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., 1998. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-пресс. 704 с.

REFERENCES

- Zalenskaya A.A., 2012. *Dual life of the word's meaning and the possibilities of its investigation: theoretical and experimental research*. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. 278 p.
- Karaulov Yu.N., 1981. *Linguistic construction and thesaurus of the literary language*. Moscow, Nauka Publ. 367 p.
- Leontyev A.A., 2003. *Psycholinguistic units and the production of speech utterances*. Moscow, Editorial URSS. 248 p.

- Patsis M., 2005. *Associative field as a tool for analyzing the word's meaning (on the material of the Greek language)*. PhD Thesis. Moscow. 167 p.
- Pishchalnikova V.A., 2007. *History and theory of psycholinguistics. In 3 parts. Part 2. Ethnopsycholinguistics*. Moscow, Izd-vo MGLU. 227 p.

DICTIONARIES

- Abramov N. *Dictionary of Russian synonyms and similar expressions*. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?p=237>.

- Efremova T.F. *Explanatory dictionary of the Russian language*. URL: http://mirslovari.com/efr_a. (accessed 15 April 2017).
- Karaulov Yu.N., ed. *Russian dictionary of associations*. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php/>. (accessed 29 March 2017).
- Explanatory dictionary of the Russian language*. URL: <http://www.ozhegov.org/>. (accessed 12 May 2017).
- Ushakov D.N., ed. *Explanatory dictionary of the Russian language*. URL: <http://ushakovdictionary.ru/>. (accessed 12 May 2017).
- Mokienko V.M., Nikitina T.G., 1998. *Explanatory dictionary of the Soviet language*. Saint Petersburg, Folio Press, 704 p.

Information about the Author

Anna I. Khlopova, Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St., 38/1, 119034 Moscow, Russia, chlopova_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6576-4111>

Информация об авторе

Анна Игоревна Хлопова, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия, chlopova_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6576-4111>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.10>

UDC 811.111'42:325.14
LBC 81.432.1-51

Submitted: 12.02.2018
Accepted: 16.03.2018

DISCURSIVE STRATEGIES FOR PORTRAYING IMMIGRANTS AND THE MECHANISMS OF THEIR IMPLEMENTATION

Olga N. Prokhorova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Marina S. Matytsina

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

Abstract. The article analyses the linguistic features of the political immigration discourse on the eve of the 2005, the period of general election in United Kingdom. On the basis of critical discourse analysis the main discursive strategies of the political immigration discourse and linguistic mechanisms for their implementation are studied in publications of The Daily Mail. The authors distinguished the most frequently used discursive strategies that built the immigration discourse: nominations of social actors, predications that described their social activities. It is stated that anxiety and uncertainty used to compose the tone of the immigration discourse in 2005, which reflects a negative attitude towards immigrants as a social group type demonstrated in the publication under studies; depersonalization, “veiling” of the actors’ real roles and acts reflect microlinguistic mechanisms for implementing discursive strategies aimed at constructing negative images of an immigrant. The results obtained help to discover the main issue of critical linguistics, that is, the logics in connections between the text and social practice, the authors managed to allocate relations between the text as an object of microanalysis and its social context as an object of macroanalysis. A holistic understanding of the nature, causes and consequences of migration is set forward as means of discovering discursive strategies in a broader social context.

Key words: discourse, political discourse, immigration discourse, social practice, critical discourse analysis, discourse strategy, text, immigrants.

Citation. Prokhorova O.N., Matytsina M.S. Discursive Strategies for Portraying Immigrants and the Mechanisms of Their Implementation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 90-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.10>

УДК 811.111'42:325.14
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 12.02.2018

Дата принятия статьи: 16.03.2018

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ ИММИГРАНТОВ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Ольга Николаевна Прохорова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Марина Станиславовна Матыцина

Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Россия

Аннотация. В статье в рамках критического дискурс-анализа на материале публикаций ведущего британского издания Daily Mail, вышедших накануне всеобщих парламентских выборов в Великобритании в 2005 г., исследуются лингвистические особенности иммиграционного политического дискурса. В результате анализа публикаций охарактеризованы наиболее распространенные дискурсивные стратегии, применяемые изданиями для создания иммиграционного дискурса: номинация социальных акторов, предикация их социальных действий и аргументация, выявлены механизмы их реализации. Отсылка к обобщенной группе вместо упоминания конкретных социальных акторов, имперсонализация, «вуалирование» реальных ролей субъектов в определенных действиях в совокупности являются теми микролингвистическими механизмами реализации дискурсивных стратегий, с помощью которых формируется негативный образ иммигранта. Показано, что тревога и неопределенность были основными составляющими содержания иммиграционного политического дискурса в Великобритании в начале 2005 г., которые отражали общий негативный настрой к этой категории граждан. Полученные результаты вносят вклад в изучение центральной проблемы критической лингвистики – обоснования связи между дискурсом как текстом и дискурсом как социальной практикой: реализована попытка связать типичные особенности текста как объекта микроанализа с типичными характеристиками общества как объекта макроанализа. Перспективы исследования видятся авторам в проведении системного анализа всех дискурсивных стратегий в широком социальном контексте для целостного понимания природы, причин и последствий миграции.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, иммиграционный дискурс, социальная практика, критический дискурс-анализ, дискурсивная стратегия, текст, иммигранты.

Цитирование. Прохорова О. Н., Матыцина М. С. Дискурсивные стратегии портретирования иммигрантов и механизмы их осуществления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 90–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.10>

Введение

В статье иммиграционный политический дискурс выступает в качестве объекта критического исследования, осуществленного с опорой на концептуально-методологическую базу критического дискурс-анализа в рамках социокогнитивного подхода, разрабатываемого Т. ван Дейком, и дискурсивно-исторического подхода, предложенного Р. Водак. При этом политический дискурс рассматривается как форма социального взаимодействия, используемая властью для осуществления своего господства в обществе. Предпринятое исследование ориентировано на выявление и обоснование связи между дискурсом как текстом и дискурсом как социальной практикой, что позволяет связать макро- и микроуровни анализа дискурса, объяснив, таким образом, роль дискурса в воспроизводстве условий власти, социальные функции дискурса как формы группового взаимодействия, воздействие дискурсов социальных институтов на формирование идеологии отношения к иммигрантам.

На материале публикаций ведущего британского издания Daily Mail, посвящен-

ных иммиграции, проводится изучение дискурсивных стратегий конструирования дискурса иммиграции и механизмов их реализации. Как правило, речевые стратегии направлены на обобщение личностных моделей или схем с целью их превращения в социальное знание, в концептуальные и идеологические модели. Глобализация экономической, социальной и культурной жизни актуализирует потребность в коммуникации и эффективном управлении, которые невозможны без взаимопонимания всех участников процесса [Кузнецова, 2013]. По мнению Т. ван Дейка, речевые стратегии зачастую представляют собой лишь спроецированные в область речевого взаимодействия когнитивные стратегии, нацеленные на эффективное манипулирование производимыми умозаключениями [Dijk, 1983]. Под дискурсивной стратегией, вслед за Р. Водак, мы понимаем более или менее точный или более или менее преднамеренный план практик (включая дискурсивные практики), применяемых для достижения определенной социальной, политической, психологической или лингвистической цели. В случае дискурсивных

стратегий речь идет о систематических способах использования языка [Wodak, 2005; Wodak, Chilton, 2005].

Выбор временного периода – канун всеобщих парламентских выборов 2005 г. в Великобритании – обусловлен появлением в британской прессе большого количества статей по проблемам иммиграции. Такой всплеск вызван главным образом политическими дебатами между представителями основных политических партий Великобритании, в которых вопрос об иммиграции стал главным на повестке дня. Это свидетельствует о том, что предметная область иммиграции становится частью общего социокультурного и языкового контекста общества, отражается в различных языковых процессах, опредмечивающих процессы означивания. Анализ публикаций обозначенного периода свидетельствует о том, что понятия «иммиграция» и «просители убежища» являются ключевыми для большинства британских СМИ, причем, как правило, имеют, особенно в консервативной прессе и таблоидах, отрицательную коннотацию. Накануне всеобщих парламентских выборов эти два понятия конкретизируются, вербализуясь как *illegal immigrants* (нелегальные иммигранты, нелегалы), *illegal refugees* (нелегальные беженцы), *asylum seekers* (лица, ищущие убежища), *economic immigrants* (экономические иммигранты), *economic refugees* (экономические беженцы), *persons without legal grounds for asylum* (лица, не имеющие законных оснований на предоставление убежища), и обычно используются в негативных дискурсивных топиках: «иммигранты и преступность», «иммигранты и нелегалы», «иммигранты как / и проблемы», «иммигранты и бремя для общества» и т. п.

Предлагаемый анализ является первым шагом к достижению поставленной цели, а результаты – частью проводимого исследования динамики дискурса иммигрантов на материале мировых англоязычных изданий, охватывающих период с 1999 по 2017 год.

Далее в аспекте применения речевых стратегий, которые непосредственно или опосредованно связаны с моделированием общественного сознания, представлений и оценок дискурса иммиграции, проанализируем некоторые типовые статьи.

Результаты и обсуждение

1. Заголовок статьи в Daily Mail от 15 апреля 2005 г. *Pitiful, inept and out of control* / «Жалкое, неумелое, потерявшее контроль» (здесь и далее перевод наш. – О. П., М. М.) можно рассматривать как пример негативизации иммигрантов путем формирования тревоги и неопределенности в отношении того, чем данная ситуация может обернуться для населения Великобритании. Как видно из заголовка, статья посвящена бессилию и нерешительности правительства, которое потеряло контроль над границами страны в связи с массовым притоком иммигрантов и столкнулось с угрозой расшатывания стабильной системы социального обеспечения и рынка труда. Метафорические конструкции (*Border controls are a sick joke* / Пограничный контроль – неудачная шутка; *The shaming truth is that Britain has become a country without the stomach or the will to protect itself* / Позорная правда в том, что Британия уже не хочет себя защищать) указывают на то, что отсутствие иммиграционной политики и законодательства в отношении регулирования иммиграционных потоков и порядка предоставления убежища у британской элиты стали главными причинами критики ее действий.

В статье собраны данные, которые показывают общую картину иммиграции, но не дано четких пояснений к сложившейся ситуации. Вследствие этого в статье не упоминается фактическое количество иммигрантов и говорится только об увеличении или уменьшении соотношения «их» меньшинства и «нашего» большинства. Агрегирование, имперсонализация, дегуманизация иммигрантов, «вуалирование» реальных ролей субъектов в определенных действиях являются теми микролингвистическими механизмами, посредством которых создается и поддерживается строгая дихотомия между «нашими» положительными и «их» отрицательными качествами. Автор газетной публикации, используя стратегию номинации социальных акторов, представляет иммигрантов как угрозу, называя их *illegal* (незаконные). Аутгруппа определяется как «вызов» идентичности большинства, характеризуется механическим и, следовательно, неконтролируемым дина-

мизмом. Микролингвистическим механизмом, реализующим стратегию предикации социальных действий иммигрантов и способствующим поддержанию негативной репрезентации иммигрантов и лиц, ищущих убежища, является их имплицитное представление в качестве нежелающих интегрироваться:

Asylum seekers still come and go as they please. So few are deported when their applications fail that a quarter of a million may be living here illegally. And nothing – but nothing – is being done about it / Просители убежища приезжают и покидают страну, когда захотят. Немногие из тех, кому было отказано, будут депортированы, так что, возможно, около четверти миллиона живет здесь нелегально. И ничего, совершенно ничего в связи с этим не предпринимается.

Тревога и неопределенность – это общий настрой статьи, которая создает впечатление, что «чужие» повсюду:

One, Mustapha Taleb, admits to being a member of an Algerian terrorist group and has been sentenced to life imprisonment in his own country. No matter. He stays, no doubt to live on benefits / Один из них, Мустафа Талеб, признался в том, что является членом алжирской террористической группы и был приговорен к пожизненному заключению в своей собственной стране. Не важно. Он остается и продолжает получать пособие.

Кроме того, иммигранты изображаются людьми, которые создают чрезмерную нагрузку на систему жилищного обеспечения, образование, здравоохранение. Таким образом, «приезжие» бросают вызов идентичности уже существующему населению страны. Иммигранты также изображаются участниками «цепной миграции» и экономической миграции, что указывает на их стремление разделить «свой успех» с как можно большим числом членов своих семей, а это является угрозой идентичности для коренного большинства. Негативные коннотации терминов *chain migration* (цепная миграция), *economic migration* (экономическая миграция) актуализируются как определениями, так и импликатурами. Кроме того, выражение *chain migration* также вызывает ассоциации с чем-то имеющим отношение к механике или технике и, следовательно, с неконтролируемым развитием событий:

And what does all this say about the way we are governed now? / Ну и кто же после всего этого нами руководит?

Местоимение *we* (мы) допускает неоднозначное толкование. Неясно, относится ли оно к тем, кто называет ситуацию «серьезной и требующей немедленного решения», к британскому народу или к «нашему» большинству. Вполне возможно, что *we* имеет отношение к партии консерваторов, к коалиции против иммигрантов или же относится к журналистам в целом, либо только к автору статьи. Тем не менее местоимение *we* является специализированным вербальным знаком интеграции, позволяющим апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности – «свои», хотя остается неясность: выражения, употребляемые в статье, отражают точку зрения автора или же являются «констатацией фактов»: *it is claimed...* (заявляется), *the only conclusion to be drawn is that...* (единственный вывод, который следует сделать, состоит в том, что), *It isn't good enough...* (этого недостаточно) и т. д.

В статье наблюдается деление всего населения на две группы – «мы» и «они». Последняя группа всегда отождествляется с реальным или воспринимаемым статусом «иностранных», то есть людей, проживающих в Великобритании временно, поэтому постоянное упоминание о них как об «иммигрантах» подчеркивает вероятность их реального либо предполагаемого короткого пребывания. При этом не сообщается, что большинство этих людей фактически уже являются британскими налогоплательщиками. Хотя автор и воздержался от использования наиболее традиционных метафор, таких как *waves of immigrants* (волны иммигрантов) или *tides of immigrants* (потoki иммигрантов), но изображает ситуацию с помощью ключевой метафорической фразы *sick joke* (злая шутка), сопровождаемой прямыми призывами к безотлагательным действиям, осознанию всей серьезности ситуации, и приводит конкретные факты и цифры.

2. В статье Daily Mail от 28 апреля 2005 г. под заголовком *The Left admit they got it all wrong on race /* «Левые признают, что они сделали ставку не на ту лошадь» негативное представление иммигрантов и всех, кто вос-

принимаются как другие, достигается посредством создания паники, тревоги и формирования противостояния. Реализуя стратегию аргументации «войны» и «конфронтации» между двумя группами – коренными британцами («большинство») и иммигрантами («меньшинство»), статья создает у читателя впечатление, что «большинство» подвергается «нападению» со стороны «меньшинства»:

There is no sense, either, of what such enormous immigration levels will do to the character of the country. The idea of British values based on the history of this kingdom, its religion, its legal system, its literature and institutions had to be erased. Instead, a new culture had to be created in which no tradition had precedence over any other / Вполне очевидно, какой урон такой огромный поток иммиграции может нанести стране. Британские ценности, основанные на истории королевства, его религии, правовой системе, литературе и государственности, должны быть стерты. Вместо этого будет создана новая культура, в которой традиции абсолютно ничего не будут значить.

The encouragement of mass immigration, multiculturalism, the attacks on self-government and the British constitution - need to be seen in the context of a fundamental culture war now raging in Britain as it is across the western world / Поощрение массовой иммиграции, мультикультурализма, нападки на системы самоуправления и британскую конституцию следует рассматривать в контексте фундаментальной войны культур, которая сегодня бушует как в Великобритании, так и во всем западном мире.

Этническое многообразие связывается с негативными последствиями и угрожает идентичности страны:

Signing up to the EU constitution will simply destroy this country's power of self-government and with it the very meaning of what it is to be a nation / Подписание конституции ЕС просто уничтожит самостоятельность этой страны, а вместе с ней и саму мысль о том, какой должна быть наша нация.

Автор статьи запугивает читателей не только для того, чтобы создать негативный образ будущих возможных иммигрантов и атмосферы паники, но и для того, чтобы указать на серьезность проблемы. Эта тема, тесно связанная с критикой иммиграционной политики правительства, является в газете доминирующей в этот период.

3. Статья Daily Mail от 22 марта 2005 г. *Britain takes in "most" asylum-seekers* / «Британия принимает "больше всех" просителей убежища» – еще один пример негативного представления иммигрантов с использованием стратегии номинации социальных акторов, реализуемой основным конституирующим компонентом микроструктуры политического дискурса иммиграции – микролингвистическим механизмом агрегирования, при котором социальные акторы именуется собирательно: *people* (люди) – 5 словоупотреблений, *immigrants* (иммигранты) – 6 словоупотреблений, *asylum seekers* (просители убежища) – 6 словоупотреблений, *foreigners* (иностранцы) – 2 словоупотребления, как неопределенно большое количество: *huge numbers* (огромное число), *number of immigrants* (количество иммигрантов). Номинации *entrants* (приехавшие), *newcomers* (приезжие) определяются большим количеством прилагательных и наречий: *enormous rise in immigration* (ужасающий рост иммиграции), *huge numbers* (огромное количество), *many* (множество [иммигрантов]), *uncontrolled* (неконтролируемое [число]) и *unlimited numbers* (неограниченное число):

...most people would agree that Britain has reached a turning point. They know that our communities cannot successfully absorb newcomers at today's pace / ...большинство людей согласится с тем, что Великобритания достигла переломного момента. Они знают, что наше общество не может принимать приезжих такими темпами.

4. В статье от 24 января *In focus: Tory plans to cut immigration* / «В центре внимания: Тори планируют сократить иммиграцию» используется стратегия предикации социальных действий иммигрантов с целью отрицательного оценивания группы «других». Отрицательное оценивание иммигрантов достигается за счет употребления негативных предикатов, умалчивания в тексте о действиях иммигрантов. Так, автор не приводит никаких конкретных аргументов против иммигрантов, тем не менее делает категоричный вывод – иммиграция должна быть резко ограничена:

Tory leader Michael Howard has used a keynote speech to set out proposals for an annual limit to

immigration, including a quota for asylum seekers / Лидер Тори Майкл Ховард выступил с докладом, в котором изложил предложения о ежегодном лимите на иммигрантов, включая квоты для просителей убежища.

5. В статье *Labour "putting Britain's security at risk"* / «Лейбористы ставят под угрозу безопасность Британии» иммигранты представляются как опасность для страны, бремя для коммунальных служб и ассоциируются с нарушением законов и преступностью, иммиграция описывается как явление, требующее круглосуточного полицейского надзора и контроля:

The Government's own predictions show five million more immigrants over the next 30 years and incomers are already "putting a strain on our public services in some areas" he said. And with a quarter of a million failed asylum seekers still in the country the system is in chaos / По подсчетам правительства, в течение следующих 30 лет число иммигрантов превысит 5 миллионов человек, и уже сейчас они являются «бременем для коммунальных служб», – заявил он. И эта четверть миллиона просителей убежища, которым было отказано, все еще находится в стране, ввергая ее в хаос.

Mr. Howard insisted Conservatives would "substantially reduce" the numbers coming in / Г-н Ховард настаивал на том, чтобы консерваторы «существенно сократили» число въезжающих в страну.

В рассматриваемой статье в качестве инструмента негативного представления иммигрантов используются микролингвистический механизм референциальной категоризации: оппоненты названы *hypocrites* (лицемерами), *a handful of extremists* (группой экстремистов), а также предикационная стратегия: они [оппоненты] выступают за «открытые границы» и полностью неограниченную иммиграцию.

Проблема иммиграции в статье преподносится как чрезвычайное событие, при этом иммигранты ассоциируются с терроризмом:

We face a real terrorist threat in Britain today – a threat to our way of life, to our liberties. Yet we have absolutely no idea who's coming into and leaving our country / Сегодня в Великобритании мы сталкиваемся с реальной террористической угрозой – угрозой нашему образу жизни, нашим свободам. При этом мы абсолютно не знаем, кто к нам приезжает и кто покидает страну.

Выводы

Итак, стратегия номинации социальных акторов, используемая авторами газетных публикаций периода парламентских выборов в Великобритании 2005 г., идентифицирует иммигрантов с «кризисом», показывает, что их число точно неизвестно, оно бесконтрольно и непрерывно растет. Стратегия предикации их социальных действий формирует образ иммигранта как угрозы для общества, имиджа страны, британских ценностей, мирового порядка, иммигранты описываются как источник преступности, потому что они связаны с терроризмом. Следует отметить, что слова *entrants* или *newcomers* усиливают негативное концептуальное представление об иммигрантах: очевидно, что любой «въезд» в Великобританию является неблагоприятным событием, что «другие» должны жить там, где они живут. Стратегия аргументации применяется ведущим британским изданием с целью попытки оправдать и узаконить дискриминационное обращение и политическое исключение иммигрантов.

Основными конституирующими микролингвистическими механизмами, реализующими стратегии негативного представления данной группы социальных акторов, являются отсылка к обобщенной группе вместо упоминания конкретных социальных акторов, дегуманизация, вуалирование и имперсонализация иммигрантов. Дискурс содержит прямой протест против иммигрантов и просителей убежища в контексте тревоги и неопределенности по поводу того, чем данная ситуация может обернуться для населения Великобритании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузнецова Е. В., 2013. Формирование готовности студентов-математиков работать с научным текстом по специальности // Преподаватель XXI век. Т. 1, ч. 1. С. 80–86.
- Dijk Teun A. van, 1983. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice // Text. Vol. 3–4. P. 375–404.
- Wodak R., 2005. Discourse // A Companion to Gender Studies. Essed Ph. / D. T. Goldberg, A. Kobayashi (eds.). Oxford : Blackwells. P. 519–530.

Wodak R., Chilton P., 2005. A new agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, methodology and interdisciplinarity. Philadelphia, PA : John Benjamins Publishing Company. 320 p.

ИСТОЧНИКИ

Britain takes in “most” asylum-seekers. URL: <http://www.daily mail.co.uk/news/article-342351/Britain-takes-asylum-seekers.html> (date of access: 03.12.2017).

In focus: Tory plans to cut immigration. URL: <http://www.daily mail.co.uk/news/article-335253/In-focus-Tory-plans-cut-immigration.html> (date of access: 03.12.2017).

Labour “putting Britain’s security at risk”. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-344388/Labour-putting-Britains-security-risk.html> (date of access: 03.12.2017).

Pitiful, inept and out of control. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-345025/Pitiful-inept-control.html> (date of access: 03.12.2017).

The Left admit they got it all wrong on race. URL: <http://www.dailymail.co.uk/columnists/article-259512/The-Left-admit-got-wrong-race.html#ixzz4zQeb5yXd> (date of access: 03.12.2017).

REFERENCES

Kuznetsova E.V., 2013. Training of students-mathematicians to work with scientific texts on math. *Prepodavatel XXI vek*, vol. 1, part 1, pp. 80-86.

Dijk Teun A. van, 1983. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. *Text*, vol. 3-4, pp. 375-404.

Wodak R., 2005. Discourse. Essed Ph., Goldberg D.T., Kobayashi A. (eds.) *In A Companion to Gender Studies*. Oxford, Blackwells, pp. 519-530.

Wodak R., Chilton P., 2005. *A new agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, methodology and interdisciplinarity*. Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Company. 320 p.

SOURCES

Britain takes in ‘most’ asylum-seekers. URL: <http://www.daily mail.co.uk/news/article-342351/Britain-takes-asylum-seekers.html> (accessed 3 December 2017).

In focus: Tory plans to cut immigration. URL: <http://www.daily mail.co.uk/news/article-335253/In-focus-Tory-plans-cut-immigration.html> (accessed 3 December 2017).

Labour ‘putting Britain’s security at risk’. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-344388/Labour-putting-Britains-security-risk.html> (accessed 3 December 2017).

Pitiful, inept and out of control. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-345025/Pitiful-inept-control.html> (accessed 3 December 2017).

The Left admit they got it all wrong on race. URL: <http://www.dailymail.co.uk/columnists/article-259512/The-Left-admit-got-wrong-race.html#ixzz4zQeb5yXd> (accessed 3 December 2017).

Information about the Authors

Olga N. Prokhorova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Institute of Cross-cultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia, prokhorova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

Marina S. Matytsina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Lipetsk State Technical University, Moskovskaya St., 30, 398055 Lipetsk, Russia, lipmarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

Информация об авторах

Ольга Николаевна Прохорова, доктор филологических наук, профессор, директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Россия, prokhorova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

Марина Станиславовна Матыцина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, 30, 398055 г. Липецк, Россия, lipmarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.11>

UDC 811.133.1'42:355.01
LBC 81.471.1-51

Submitted: 27.02.2018
Accepted: 29.03.2018

ARGUMENTATIVE STRATEGIES IN CONTEMPORARY FRENCH MILITARY DISCOURSE

Evgeniya A. Solovyeva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to military discourse which manifests professionally oriented communication thus reflecting the specificity of military forces being a state binding and social institution. The discourse is regarded as a text within certain social conditions of its production and interpretation, and its analysis lays on language units and stylistic means that reflect character features of military discourse. The in-depth discourse analysis was aimed at distinguishing concepts from the military sphere, stating axiological dominants and ways of argumentation that could characterize military communication of the institutional type, in particular, the speech of Colonel Nicolas Le Nen which was addressed to the 27th Mountain-Jaeger Battalion on August, 25, 2008 was in the focus of the present study. It is stated that the speech presents intra-corporation type of communication typical of the institutional military discourse types, it's marked with: deictic element, lexical units that point to key concepts of the discourse context, some peculiar stylistic features of professionally oriented communication, including argumentation types structured on a classical rhetoric tradition (ethos, logos, pathos). It is proved that modern military communication of the institutional type could be characterized as stylistically restrained and modest, sets of language means represent classical rhetoric models that serve for implementing aims in communication.

Key words: discourse, military discourse, French military discourse, discourse analysis, argumentative strategies, text, verbal behavior, French language.

Citation. Solovyeva E.A. Argumentative Strategies in Contemporary French Military Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 97-106. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.11>

УДК 811.133.1'42:355.01
ББК 81.471.1-51

Дата поступления статьи: 27.02.2018
Дата принятия статьи: 29.03.2018

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Евгения Анатольевна Соловьева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена военному дискурсу, который манифестируется в процессе профессионально ориентированной коммуникации и сфокусирован на интерпретации реалий, связанных с военной сферой. Исследование проведено с применением углубленного дискурсивного анализа, который позволяет определить актуальные аксиологические приоритеты коммуникантов и способы аргументации, используемые в военной коммуникации институционального типа. В качестве материала для изучения избрана речь, произнесенная полковником французской армии Николя Лё Неном (Nicolas Le Nen) 25 августа 2008 г. перед военнослужащими 27-го Горно-егерного батальона, поскольку она имеет выраженную внутрикорпоративную направленность и обладает достаточной демонстративностью: содержит значительное количество средств, реализующих отношения между языком и дискурсивным контекстом. В результате исследования автором выявлены и описаны маркеры институционального военного дискурса – дейктические выражения, лексические единицы, актуализирующие ключевые реалии дискурсивного контекста, а также стилистические особенности профессионально ориентированной коммуникации. Показано, что для современной военной институциональной коммуникации характерна лексическая и стилистическая сдержанность, которая

обусловлена спецификой Вооруженных сил как государственного и социального института. Выявлены средства дискурсивной актуализации риторических категорий этоса, логоса и пафоса, которая способствует достижению поставленных коммуникативных целей и свидетельствует о жизнеспособности аргументативных традиций классической риторики.

Ключевые слова: дискурс, военный дискурс, французский военный дискурс, дискурсивный анализ, аргументативные стратегии, текст, речевое поведение, французский язык.

Цитирование. Соловьева Е. А. Аргументативные стратегии современного французского военного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 97–106. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.11>

Введение

Современное осмысление дискурса связано прежде всего с трудами Э. Бюиссанса, который превратил бинарное противопоставление языка (*langue*) и речи (*parole*) в трихотомию: «*langue – discours – parole*» («язык – дискурс – речь») [Buysens, 1943]. Причиной данного преобразования послужило понимание того, что, реализуя в своей речи те или иные языковые сочетания, человек следует не только правилам языка, но и определенным правилам дискурса, которые во многом обусловлены экстралингвистическим контекстом.

В дальнейшем изучение дискурса нашло свое отражение в исследованиях французского философа Э. Бенвениста. Он рассматривал дискурс со структуралистских и прагматических позиций и полагал, что данный феномен во многом предопределяет отношения человека с миром и обществом [Benveniste, 1966]. Идеи Э. Бенвениста дали стимул для появления работ прагматического направления, которые позволяют понимать дискурс как воздействие высказывания на адресата и его введение в контекст высказывания.

В современной лингвистике сформировалось широкое и узкое понимание дискурса. При узком подходе он обычно трактуется как текст, имеющий коммуникативную направленность (см., например: [Harris, 1952]). Широкий подход позволяет применить термин «дискурс» по отношению к любому вербализованному взаимодействию. В частности, Т.А. ван Дейк полагает, что если дискурс соотносится с речью, то текст может быть соотнесен с системой языка и лингвистической компетенцией автора [van Dijk, 1998, p. 191–192]. Многие исследователи также сходятся во мнении, что дискурс имеет социальную природу и представляет собой

текст в совокупности с условиями его производства [Adam, 1997; Kress, 1985 и др.]. При этом производитель текста не существует пассивно в определенной коммуникативной реальности, а в зависимости от поставленных прагматических целей модифицирует ее с целью воздействия на адресата. Следовательно, дискурсивный анализ должен осуществляться с учетом не только непосредственного контекста, но и сопутствующего ему экстралингвистического окружения.

Нам близка широкая трактовка дискурса как ограниченного временем, способом действия и / или тематикой функционально-прагматического типа вербальной деятельности, содержащего специфические элементы кода, определенные действия и характерные тексты [Leszczak, 2010, s. 34]. Мы полагаем, что военный дискурс направлен прежде всего на актуализацию и интерпретацию различных реалий, связанных с военной сферой, и, вслед за А.В. Улановым, считаем целесообразным выделять институциональный и неинституциональный типы военного дискурса [Уланов, 2013, с. 49]. Институциональный тип дискурса актуализирует прежде всего статусно-ролевую и социально-направленную коммуникацию представителей Вооруженных сил как социального института. Неинституциональный тип дискурса рассматривается А.В. Улановым как субъективная коммуникативная интеракция, отличающаяся эмоциональной оценочностью и разговорно-бытовой интерпретацией реалий [Уланов, 2013, с. 49].

Кроме того, мы согласны с мнением исследователей, которые различают военный и военно-политический типы дискурса (см., например: [Хомутова, Наумова, 2017]). Военный дискурс имеет профессионально ориентированный характер и определяется преимущественно регламентом, традициями и мораль-

ными установками военнослужащих, тогда как военно-политический дискурс обычно реализуется в широком публичном и медийном контекстах. Он формируется различными политическими деятелями и высшими чиновниками и зачастую обладает заметной экспрессивностью.

Изучение военного дискурса является важным направлением современной лингвистики, поскольку позволяет выявить не только способы аргументации и легитимации высказываний, использующихся для воздействия на реципиентов, но и дает возможность определить некоторые аксиологические приоритеты коммуникантов. В условиях международной нестабильности и возрастания социальной роли армии исследование дискурсивных практик военного социума становится все более востребованным (см., например: [Chouliaraki, 2016; Joachim, Schneiker, 2012]), однако малоизученной остается устная внутрикорпоративная коммуникация военнослужащих, которая может иметь как институциональный, так и неинституциональный характер. Ее исследование представляет значительные сложности, связанные прежде всего с закрытостью данного сегмента общества. Ввиду этого некоторые лингвисты полагают возможным привлекать в качестве источников практического материала художественные произведения, с высокой степенью достоверности отражающие профессиональные реалии [Saber, 2003, p. 189–190].

Обзор библиографии работ, посвященных военному дискурсу, свидетельствует о том, что французский военный институциональный дискурс недостаточно изучен. Цель нашей работы – на основе исследования аргументативных дискурсивных практик, характерных для современного французского военного институционального дискурса, верифицировать выдвигаемую нами гипотезу о том, что используемые в нем аргументативные стратегии соответствуют традициям классической риторической школы.

Материал и методы исследования

Для достижения поставленной цели мы обратились к произведению мемуарно-документального характера, написанному полков-

ником французской армии Николя Лё Неном (Nicolas Le Nen), выпускником Особой военной школы Сен-Сир (École spéciale militaire de Saint-Cyr), которая с 2006 г. входит в образовательный кластер «Les écoles de Saint-Cyr Coëtquidan». В период с 2007 по 2009 г. полковник Н. Лё Нен командовал 27-м Горно-егерным батальоном, а затем и тактической боевой группой «Тигр», развернутой в афганской провинции Каписа. В статье подробно рассматривается его речь, произнесенная 25 августа 2008 г. перед военнослужащими 27-го Горно-егерного батальона.

Являясь частным случаем реализации современного французского военного дискурса, речь полковника Н. Лё Нена представляет собой редкий лингвистический материал. Она имеет выраженную внутрикорпоративную направленность и обладает достаточной демонстративностью, поскольку содержит значительное количество средств, реализующих отношения между языком и дискурсивным контекстом. В качестве метода лингвистического исследования используется углубленный дискурсивный анализ текста (подробно о методе см.: [Seignour, 2011]).

Дискурсивный контекст

В августе 2008 г. военнослужащие французского контингента попали в засаду в долине Узбин, в районе кишлака Суроби, и в ходе затяжного столкновения с талибами, которое длилось около суток, потеряли десять солдат убитыми и двадцать одного раненым [Lasserre, 2008]. Погибшие военнослужащие принадлежали к таким известным французским подразделениям, как 8-й парашютно-десантный полк морской пехоты, 2-й парашютно-десантный иностранный полк и Чадский маршевый полк. Этот кровопролитный инцидент не только вскрыл существовавшие серьезные недостатки в организации и обеспечении французских войск, но и всколыхнул общественное мнение, отчасти поставив под вопрос необходимость дальнейшего французского присутствия в регионе. Планировалось, что 27-й Горно-егерный батальон сменит ротации военнослужащих 8-го парашютно-десантного полка. Таким образом, перед полковником Н. Лё Неном стояла сложная зада-

ча: объяснить подчиненным текущую ситуацию и поддержать моральный дух личного состава перед предстоящей передислокацией подразделения в зону боевых действий.

Вербальные маркеры институционального военного дискурса

Функционально-прагматический анализ дискурса предполагает не только описание дискурсивного контекста, но и поиск специфических лингвистических маркеров, позволяющих проследить существующие связи между языком и текущей социальной ситуацией [Seignour, 2011].

1. Одними из таких маркеров являются **дейктические выражения**, которые задают личностные и пространственно-временные параметры дискурса. К маркерам личности относятся личные и притяжательные местоимения, а к пространственно-временным маркерам – временные формы глаголов, наречия места, времени, указательные местоимения и указательные прилагательные. Анализ лексических единиц и грамматических категорий как носителей дейктической функции позволяет оценить речевое поведение адресанта, формируемый им речевой образ, включенность адресанта в содержание сообщения и его персональное отношение к вербализуемым реалиям. При этом мы учитываем предложенную П. Шародо классификацию дискурсивных стратегий: исследователь выделяет иллокутивное, элокутивное и делокутивное высказывания [Chagaudeau, 2005, p. 135]. Иллокутивное высказывание формируется при помощи личных местоимений первого лица и сопутствующих маркеров, элокутивное – при помощи местоимений второго лица и маркеров. Делокутивное высказывание имеет безличную форму и позволяет представить ситуацию так, как будто излагаемое не является предметом ответственности ни адресанта, ни реципиента, а зависит только от третьего лица или является общепринятой истиной.

Речь полковника Н. Лё Нена логически структурирована: она делится на четыре смысловые части. Первая часть посвящена репрезентации произошедшего инцидента и сложившейся ситуации, вторая предостерегает подчиненных от возможных ошибочных

суждений по поводу существующих проблем, третья содержит пожелания, адресуемые командиром подразделения своим подчиненным, четвертая напоминает солдатам о воинском долге.

В дейктическом аспекте речь Н. Лё Нена характеризуется значительным преобладанием местоимения первого лица множественного числа *nous* (мы), то есть доминируют высказывания иллокутивного типа, маркирующие чувство солидарности с подчиненными и репрезентацию командира как неотъемлемой части воинского коллектива. Например:

Lorsque *nous* serons projetés, notre préparation aura duré huit mois (Le Nen, 2010, p. 18) / К тому моменту, когда нас перебросят, наша подготовка будет длиться уже восемь месяцев (здесь и далее перевод с французского наш. – Е. С.).

Наличие в иллокутивных высказываниях модальных глаголов долженствования акцентирует крайнюю имплицитованность в содержании речи и адресанта, и реципиентов, а также их совместную ответственность за дальнейшие действия:

Nous, chasseurs du grand 27 et soldats de l'armée de terre, nous *devons* à nos frères d'armes morts au combat lundi dernier bien plus que de la compassion, de l'émotion et des larmes (Le Nen, 2010, p. 15) / Мы, егеря знаменитого 27-го и солдаты сухопутных войск, мы должны нашим погибшим в бою в прошлый понедельник братьям по оружию гораздо больше, чем сочувствие, переживания и слезы.

При этом кажущееся избыточным словосочетание с локативной семантикой *lundi dernier* позволяет конкретизировать ситуацию и избежать восприятия референта *frères d'armes* в абстрактном смысле, тем самым усиливая психологический эффект от сказанного. Следует отметить, что в речи полковника Н. Лё Нена активно присутствует локативный дейксис, который выражается не только при помощи системы времен, но и посредством отдельных лексем.

Использование личного местоимения второго лица множественного числа *vous* (вы) формирует высказывания элокутивного типа, которые также позволяют маркировать отно-

шения между адресантом и реципиентом и имплицировать последнего в содержание сообщения:

Souvenez-vous de ce que vous étiez capables de faire l'année dernière dans le domaine du combat en montagne et du tir et regardez aujourd'hui les exercices que vous avez réalisés au complexe d'aguerrissement des Alpes et à Caylus (Le Nen, 2010, p. 18) / Вспомните ваши прошлогодние стрелковые навыки и ваши умения в области ведения боевых действий в горах и посмотрите сегодня, в каких учениях вы участвовали в тренировочном комплексе в Альпах и в Кайлюсе.

К личному местоимению *je* (я) полковник Н. Лё Нен преимущественно прибегает во второй и третьей частях своей речи. Достаточно часто встречаются сочетания местоимения *je* с модальными глаголами, выражающими волюнтаристичность:

Je veux enfin que notre esprit de corps et notre cohésion soient encore plus forts (Le Nen, 2010, p. 20) / Я хочу, наконец, чтобы наш командный дух и наша сплоченность были еще сильнее.

В рассматриваемом контексте иллокутивное высказывание служит наиболее активным проводником статуса командира подразделения и подчеркивает его полную ответственность за содержание высказывания. Употребление глагола *vouloir* в индикативном наклонении дополнительно маркирует служебно-иерархические отношения между адресантом и реципиентом. К употреблению декларативных глаголов адресант также прибегает с целью актуализации своей позиции командира подразделения. Например:

<...> et je vous le redis encore aujourd'hui: nous sommes déjà prêts à partir <...> (Le Nen, 2010, p. 20) / <...> и я вам это повторно говорю сегодня: мы готовы к переброске <...>.

Наряду с этим, говоря о сложившейся общеполитической ситуации и воинском долге, полковник Н. Лё Нен часто использует делокутивные высказывания и обращается к цитированию вышестоящих должностных лиц: начальника генштаба Сухопутных войск генерала Кюша (*général Cuche*), министра обороны, премьер-министра и Президента Республики. Делокутивные высказывания в со-

вокупности с референцией к вышестоящим инстанциям позволяют не только приобщить адресанта к знанию не подлежащих сомнению фактов и к моральным ценностям, но и частично устраняют персональную ответственность говорящего за содержание сообщения. Например:

Les risques, le danger et la mort font partie de notre métier (Le Nen, 2010, p. 20) / [Il est évident que / Очевидно, что] Риски, опасность и смерть являются частью нашей профессии.

Частое цитирование авторитетных, занимающих высокие административные посты личностей имплицитно проводит идею о том, что точка зрения вышестоящих руководителей всегда более адекватна текущей ситуации, нежели мнение менее опытных подчиненных.

2. Маркерами связи между языком и экстралингвистическим контекстом являются **лексические единицы, используемые для репрезентации ключевых реалий**, формирующих текущую ситуацию. К таким реалиям могут быть отнесены «происшедший инцидент», «конфликт в Афганистане», «свои и союзные войска», а также «противник». Для обозначения инцидента, имевшего место в долине Узбин, адресант использует такие лексические единицы, как *drame* (драма), *événements tristes* (печальные события), *accrochage* (бой), *embuscade* (засада). Первый вербализатор представляет собой метафорическое переосмысление, обладающее экспрессивной оценочностью. Вторым является эвфемизм, но содержит атрибут, позволяющий передать личное отношение к событию. Однако в обоих случаях выражаемая экспрессивная оценка лишена яркой индивидуальности, она ожидаема, имеет общепринятый, политкорректный характер. Последние два вербализатора относятся к нейтральной военно-профессиональной лексике. Добавление атрибутов *ce / cet*, (этот), *un tel* (такой), *ces* (эти) подчеркивает прецедентность используемых номинаций.

Обращаясь к теме военного противостояния в Афганистане – асимметричного военного конфликта, полковник Н. Лё Нен также использует политкорректные, но наиболее жесткие и наименее детализирующие номи-

нации *guerre* (война) или *guerre en Afghanistan* (война в Афганистане), иногда квалифицируя эту войну как *guerre difficile* (войну тяжелую), но *juste et nécessaire* (справедливую и необходимую). Он также прибегает к общепринятым эвфемизмам *théâtre* или *théâtre afghane* (театр военных действий, афганский театр военных действий).

Для репрезентации французских и союзных военнослужащих и подразделений адресант использует такие лексические единицы, как *soldats* (солдаты), *soldats d'élite* (солдаты элитных подразделений), *soldats professionnels* (профессиональные солдаты), *camarades* (товарищи), *frères d'armes* (братья по оружию), *8e RPIMa* (8-й парашютно-десантный полк морской пехоты), *alliés* (союзники), *forces de l'OTAN* (силы НАТО), *forces de la coalition* (силы коалиции). При этом метафоризированные лексемы *frères d'armes* и *camarades* являются наиболее употребительными. Выражаемая ими идея боевого братства, сплоченности, а также переосмысления внутрикорпоративных отношений как товарищеских и даже как семейных пронизывает всю речь полковника:

Partir au combat avec ses camarades, c'est aussi un devoir d'homme. <...> Partir au combat avec ses camarades, c'est enfin un devoir de frère d'armes (Le Nen, 2010, p. 21) / Пойти в бой с товарищами – это также долг мужчины. <...> Пойти в бой с товарищами – это, наконец, долг брата по оружию.

Говоря о противнике, полковник Н. Лё Нен следует тактике вербальной сдержанности, избегая квалификаторов, содержащих индивидуальную эмоционально-оценочную составляющую. Для обозначения противника он обращается преимущественно к лексемам *ennemi* (враг), *talibans* (талибы), *rebelle* (повстанцы), *adversaire* (противник), *adversaire radical* (радикальный противник). Например:

J'en viens maintenant à la dernière erreur que je vous demande de ne pas commettre: celle de faire un complexe d'infériorité quant à notre niveau opérationnel par rapport à nos alliés ou à notre *ennemi* (Le Nen, 2010, p. 18) / Теперь я перехожу к третьей ошибке, которую я прошу вас не совершать, а именно не испытывать по поводу нашей боевой подготовки комплекса неполноценности перед нашими союзниками или нашим врагом.

Более эмоциональная лексика, вербализующая реалии и сложившуюся военно-политическую ситуацию, например *immense foyer de déstabilisation* (громадный очаг нестабильности), *lutte contre le terrorisme* (борьба с терроризмом), *carrefour stratégique sensible* (чувствительный стратегический перекресток) и др., обнаруживается в приводимых адресантом цитированиях вышестоящих руководителей. В целом можно заключить, что используемые полковником Н. Лё Неном цитирования соответствуют не столько военному, сколько военно-политическому дискурсу.

3. Значимым дискурсивным маркером является **стиль** сообщения, который не только способствует реализации прагматических интенций и формированию внешнего речевого образа адресанта, но и зависит отчасти от особенностей его мышления. Речь полковника Н. Лё Нена обладает всеми основными признаками современного служебно-делового стиля. Она отличается логичностью, фактуальностью, информативностью, тематической ограниченностью, аргументированностью, эксплицитностью сообщаемой информации, а также адресностью ее изложения. Адресант строго придерживается литературно-нормированной лексики, соблюдает грамматические нормы, иногда использует лексемы и синтаксические конструкции, которые могут представлять определенные сложности для активного употребления носителями языка.

Je veux ensuite que vous *restiez* tous concentrés sur notre préparation opérationnelle et que vous *poursuiviez* avec *le même état d'esprit, la même détermination, le même enthousiasme* et *le même professionnalisme* que ceux dont vous avez fait preuve jusqu'à présent, l'entraînement *auquel* nous nous *astreignons* depuis maintenant six mois (Le Nen, 2010, p. 19) / Я также хочу, чтобы вы остались сосредоточенными на нашей боевой подготовке и продолжили тренировки, которые мы проводим в течение вот уже шести месяцев, в том же состоянии духа, с той же решительностью, с тем же энтузиазмом и тем же профессионализмом, которые вы являли вплоть до настоящего момента.

В данном фрагменте можно отметить использование глаголов в сослагательном наклонении, глаголов с усложненным спряжением (*poursuivre, s'astreindre*), сложных синтаксических конструкций с относительными

местоимениями (*dont, auquel*), а также такого стилистического приема, как градация.

С целью усиления психологического эффекта полковник Н. Лё Нен прибегает к стилистическим фигурам. Так, имплицитно декларируемая очевидность может усиливаться анафорической конструкцией:

«*Partir au combat avec ses camarades, c'est aussi un devoir d'homme. <...> Partir au combat avec ses camarades, c'est enfin un devoir de frère d'armes* (Le Nen, 2010, с. 21) / Пойти в бой с товарищами – это также долг мужчины. <...> Пойти в бой с товарищами – это, наконец, долг брата по оружию.

Приверженность служебно-деловому стилю речи, грамматическим и литературным нормам способствует актуализации служебной иерархии и позволяет сформировать образ уверенного, грамотного и сдержанного командира. А использование анафоры и градации позволяет выразить эмоциональную составляющую речи и усилить впечатление от сказанного. Средства разговорного стиля в речи адресанта единичны, а их употребление характеризуется уместностью и мотивированностью:

De même qu'en montagne, *on* n'abandonne jamais ses *copains* de cordée <...> les soldats d'élite que vous êtes ne laissent jamais tomber les *copains* de leur groupe <...> (Le Nen, 2010, р. 21) / Как в горах никогда не бросают товарищей, идущих в связке, <...> так и солдаты элитных подразделений, которыми вы являетесь, никогда не оставляют товарищей из своей группы <...>.

Употребление лексических единиц, принадлежащих к разговорному стилю (*on, copain*), делает сравнение более живым, выразительным, что также повышает психологический эффект высказывания.

В речи полковника Н. Лё Нена можно отметить наличие сокращений, которое обусловлено типичным для военного дискурса стремлением к лаконичности. Например:

Tous nos *VAB* seront équipés d'une tourelle téléopérée et nous serons les premiers à être dotés de huit *VHM* qui sont en cours de valorisation (Le Nen, 2010, с. 17) / Все наши бронетранспортеры будут оснащены дистанционно управляемой орудийной башней, мы также будем первыми, кто получит во-

семь бронированных машин повышенной проходимости, которые сейчас проходят испытания.

При этом если аббревиатура *VAB* (*véhicule de l'avant blindé* – бронированная машина переднего края) является хорошо известной, то сокращение *VHM* (*véhicule à haute mobilité* – машина большой/высокой подвижности) номинирует совершенно новую на тот момент разработку европейского военно-промышленного комплекса и может служить примером пополнения военно-профессиональной лексики под влиянием научно-технического прогресса.

Как указывалось выше, полковник Н. Лё Нен обычно избегает употребления лексических средств выразительности для описания военных реалий и текущей ситуации. Эмотивно-психологическое воздействие на реципиента достигается преимущественно благодаря достаточно объемному цитированию авторитетов и реализации стилистических фигур – анафоры и градации. Тем не менее, говоря о Франции, о своем полке, о мужественном поведении погибшего старшего капрала, адресант иногда использует эмоционально-патриотическую лексику: *statut de grande puissance européenne* (статус великой европейской державы), *grandeur d'un pays* (величие той или иной страны), *grand 27* (знаменитый 27-й (полк)) и *héroïsme* (героизм). Кроме того, указывая на достижения своих подчиненных, адресант обращается к лексемам с мелиоративной коннотацией:

Je vous le dis sans aucune forfanterie: le bataillon possède aujourd'hui un niveau opérationnel réellement *remarquable* (Le Nen, 2010, р. 18) / Я вам говорю без малейшего хвастовства: сегодня батальон обладает действительно *выдающимся* уровнем боевой подготовки.

Отметим также, что использование лексической единицы *forfanterie* свидетельствует о присущем адресанту чувстве литературного языка.

В целом риторический пафос речи полковника Н. Лё Нена обращен к воинской чести, воинскому долгу, братству и сплоченности. Это особенно ярко проявляется в иллюкативных высказываниях:

Nous dérogerions à notre *honneur de soldat* en fuyant nos responsabilités au moment où la mort de

nos camarades nous rappelle quel est notre *devoir à l'égard de notre pays* (Le Nen, 2010, p. 20–21) / Мы бы изменили нашей солдатской чести, если бы уклонились от наших обязанностей в то время, когда смерть наших товарищей напоминает нам о нашем долге перед нашей страной.

Идея сплоченности анафорически повторяется и в окончании речи – в сильной дискурсивной позиции:

Ensemble, nous surmonterons les épreuves qui nous attendent, *ensemble* nous vaincrons nos ennemis, *ensemble* nous serons au rendez-vous que l'Histoire nous a fixé (Le Nen, 2010, p. 22) / Вместе мы преодолеем испытания, которые нас ждут; вместе мы победим наших врагов; вместе мы придем на встречу, которую нам назначила История.

Стратегии убеждения в военном дискурсе

Анализ практического материала показывает, что, обращаясь к своим подчиненным, полковник Н. Лё Нен использует три классические стратегии убеждения, известные еще в древней риторике и получившие в трудах Аристотеля наименования «этоса», «логоса» и «пафоса» (см., например: [Aristotle, 1967, p. 76–77; Braet, 1992]).

Во-первых, адресант четко маркирует свою статусную и нравственную позицию командира подразделения при помощи различных языковых средств, формируя образ ответственного и квалифицированного начальника, составляющего единое целое со своими подчиненными и готового пережить с ними все предстоящие трудности и опасности. Таким образом в речи полковника реализуется риторический «этос» – вербальная манифестация личных качеств оратора и границ его функционального статуса.

Во-вторых, путем логического анализа сложившейся ситуации полковник Н. Лё Нен дает подробные ответы на наиболее важные вопросы как морального, так и сугубо практического характера и предвосхищает их. Используя разумные доводы как способ убеждения, адресант воплощает в своей речи риторическую категорию «логоса».

В третьих, в речи полковника Н. Лё Нена эксплицируется ее эмоциональная составля-

ющая («пафос»), связанная с апелляцией к чувствам реципиентов и отчасти предопределяющая форму высказываний. Наиболее часто пафос реализуется благодаря использованию автором стилистических средств выразительности.

В целом содержание текста и выбор языковых средств направлены преимущественно на возбуждение у реципиентов чувства чести и долга перед товарищами и страной. С одной стороны, обращение к авторитетам и общепринятым моральным устоям придает высказываниям полковника легитимность и не позволяет подчиненным сомневаться в их правильности. С другой стороны, подобная тактика несколько уменьшает индивидуальную ответственность адресанта.

Несмотря на то что содержание анализируемой речи полковника Н. Лё Нена определяется его интенцией применительно к дискурсивному контексту, она имеет выраженный институциональный характер, поскольку согласуется как с коллективными ценностями, так и с основными документами, регламентирующими статус и поведение французских военнослужащих. В частности в одном из подпунктов 5-й статьи французского «Военного дисциплинарного устава» в редакции 2005 г. говорится: *Membre des armées et des formations rattachées, le militaire doit: <...> se comporter avec honneur et dignité* / Член воинского коллектива, военнослужащий должен: <...> вести себя с честью и достоинством. А 1-й и 7-й пункты «Кодекса солдата» гласят: *Au service de la France, le soldat lui est entièrement dévoué, en tout temps et en tout lieu* / На службе Франции солдат ей полностью предан в любое время и в любом месте; *Membre d'une équipe solidaire et fraternelle, il agit avec honneur, franchise et loyauté* / Член единого и братского коллектива действует с честью, искренностью и верностью.

Идея социальной солидарности и сплоченности является одной из основополагающих идей, декларируемых на общенациональном уровне. Избранная адресантом тактика вербальной сдержанности по отношению к противнику и военно-политической ситуации также соответствует 3-му и 10-му пунктам «Кодекса солдата»: *Maître de sa force, il respecte l'adversaire et veille à épargner les*

populations / Хозяин своей силы уважает противника и делает все необходимое, чтобы не подвергать опасности гражданское население. <...>. *Il s'exprime avec réserve pour ne pas porter atteinte à la neutralité des armées en matière philosophique, politique et religieuse* / Он высказывается сдержанно, чтобы не наносить ущерба нейтралитету армии в философских, политических и религиозных вопросах.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что речь полковника Н. Лё Нена соответствует требованиям институциональности. Несмотря на адаптацию к текущей контекстуальной ситуации, она полностью соответствует общепринятым коллективным ценностям и ожиданиям реципиентов и может рассматриваться как репрезентативный образец институциональной профессионально ориентированной коммуникации французских военнослужащих.

Предписываемая регламентация налагает на коммуникантов определенные ограничения, связанные с их личным статусом и нормами, декларируемыми на уровне французских Вооруженных Сил как государственного и социального института, что влияет не только на содержание высказывания, но и приводит к заметной лексической и стилистической сдержанности коммуникантов.

Избранная сбалансированная стратегия убеждения свидетельствует о разносторонней подготовке будущих офицеров в Особой военной школе Сен-Сир, образование которых предполагает помимо изучения сугубо военных предметов знакомство с достаточно широким спектром теоретических дисциплин, включающих иностранные языки, историю, социологию и коммуникацию.

Проведенный дискурсивный анализ подтверждает нашу гипотезу о жизнеспособности классических способов аргументации, реализующихся путем актуализации в речи при помощи различных языковых средств риторических категорий этоса, логоса и пафоса, которые воплощаются в современном французском институциональном военном дискурсе и служат для достижения поставленных коммуникативных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Уланов А. В., 2013. Русский военный дискурс. Лингвистические и прагматистические особенности. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing. 96 с.
- Хомутова Т. Н., Наумова К. А., 2017. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». Т. 14, № 3. С. 49–53. DOI: 10.14529/ling170307.
- Adam J-M., 1997. Genres, textes, discours: pour une reconception linguistique du concept de genre. // *Revue belge de philologie et d'histoire*. Vol. 75, № 3. P. 665–681.
- Aristotle, 1967. *Rhétorique*. M. Dufour (trad.). T. I. Paris : Les Belles Lettres. 258 p.
- Benveniste E., 1966 [Edition 2010]. *Problèmes de linguistique générale*. Paris : Gallimard. 364 p.
- Braet A. C., 1992. Ethos, pathos and logos in Aristotle's Rhetoric: A re-examination // *Argumentation*. Vol. 6, № 3. P. 307–320.
- Buysens E., 1943. *Les langages et le discours: Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie*. Bruxelles : Office de Publicité. 99 p.
- Charaudeau P., 2005. *Le discours politique. Les masques du pouvoir*. Paris : Vuibert. 256 p.
- Chouliaraki L., 2016. Authoring the self: Media, voice and testimony in soldiers' memoirs // *Media, War & Conflict*. Vol. 9, № 1. P. 58–75.
- Dijk van T. A., 1998. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London : Sage. 374 p.
- Joachim J., Schneiker A., 2012. Of "true professionals" and "ethical hero warriors": A gender-discourse analysis of private military and security companies // *Security Dialogue*. Vol. 43, № 6. P. 495–512.
- Harris Z., 1952. *Discourse Analysis* // *Language*. Vol. 28, № 1. P. 1–30.
- Kress G., 1985. *Linguistic processes in sociocultural practice*. Victoria : Deakin University. 101 p.
- Lasserre I., 2008. *Révélation: le récit détaillé de l'embuscade en Afghanistan*. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2008/08/22/01003-20080822ARTFIG00010-le-recit-minute-par-minute-de-l-embuscade-en-afghanistan-.php> (date of access: 23.12.2017).
- Leszczak O., 2010. *Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu*. Toruń : Wyd. Adam Marszałek. 415 s.
- Saber A., 2003. *Métaphore et culture professionnelle chez les militaires américains*. Cahiers du CIEL 2000–2003. Paris. P. 187–197. URL: http://www.eila.univ-paris-diderot.fr/_media/recherche/clillac/ciel/cahiers/00-03/gi-saber.pdf.
- Seignour A., 2011. *Méthode d'analyse des discours* // *Revue française de gestion*. № 2. P. 29–45.

ИСТОЧНИКИ

Le Nen N., 2010. Task Force Tiger // Journal de marche d'un chef de corps français en Afghanistan. Paris : Economica. P. 14–22.

REFERENCES

- Ulanov A.V., 2013. *Russian military discourse. Linguistic, pragmatic and stylistic peculiarities*. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing. 96 p.
- Khomutova T.N., Naumova K.A., 2017. Military-political discourse as a special type of discourse. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin of the South Ural State University. Series 'Linguistics'], vol. 14, no. 3, pp. 49-53. DOI: 10.14529/ling170307.
- Adam J-M., 1997. Genres, textes, discours: pour une reconception linguistique du concept de genre. *Revue belge de philologie et d'histoire*, vol. 75, no. 3, pp. 665-681.
- Aristotle, 1967. *Rhétorique*. Transl. by M. Dufour. Vol. I. Paris, Les Belles Lettres. 258 p.
- Benveniste E., 1966. *Problèmes de linguistique générale*. Paris, Gallimard Publ. 364 p.
- Braet A.C., 1992. Ethos, pathos and logos in Aristotle's Rhetoric: A re-examination. *Argumentation*, vol. 6, no. 3, pp. 307-320.
- Buysens E., 1943. *Les langages et le discours: Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie*. Bruxelles, Office de Publicité. 99 p.
- Charaudeau P., 2005. *Le discours politique. Les masques du pouvoir*. Paris, Vuibert. 256 p.

- Chouliaraki L., 2016. Authoring the self: Media, voice and testimony in soldiers' memoirs. *Media, War & Conflict*, vol. 9, no. 1, pp. 58-75.
- Dijk van T.A., 1998. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London, Sage. 374 p.
- Joachim J., Schneiker A., 2012. Of "true professionals" and "ethical hero warriors": A gender-discourse analysis of private military and security companies. *Security Dialogue*, vol. 43, no. 6, pp. 495-512.
- Harris Z., 1952. Discourse Analysis. *Language*, vol. 28, no. 1, pp. 1-30.
- Kress G., 1985. *Linguistic processes in sociocultural practice*. Victoria, Deakin University. 101 p.
- Lasserre I., 2008. Révélations: le récit détaillé de l'embuscade en Afghanistan. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2008/08/22/01003-20080822ARTFIG00010-le-recit-minute-par-minute-de-l-embuscade-en-afghanistan-.php>. (accessed 23 December 2017).
- Leszczak O., 2010. *Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu*. Toruń, Wyd. Adam Marszałek. 415 p.
- Saber A., 2003. Métaphore et culture professionnelle chez les militaires américains. Cahiers du CIEL 2000–2003. Paris, pp. 187-197. URL: http://www.eila.univ-paris-diderot.fr/_media/recherche/clillac/ciel/cahiers/00-03/gi-saber.pdf.
- Seignour A., 2011. Méthode d'analyse des discours. *Revue française de gestion*, no. 2, pp. 29-45.

SOURCES

- Le Nen N., 2010. Task Force Tiger. *Journal de marche d'un chef de corps français en Afghanistan*. Paris, Economica Publ, pp. 14-22.

Information about the Author

Evgeniya A. Solovyeva, Postgraduate Student, Department of Roman Philology, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St., 33, 344082 Rostov-on-Don, Russia, e_rossignol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8796-6059>

Информация об авторе

Евгения Анатольевна Соловьева, аспирант кафедры романской филологии, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33, 344082 г. Ростов-на-Дону, Россия, e_rossignol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8796-6059>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.12>

UDC 811.134.2'42:659.123.1
LBC 81.472.1-55

Submitted: 20.01.2018
Accepted: 30.03.2018

SUBJECT-ORIENTED CLASSIFICATION OF PUNS USED IN SPANISH-SPEAKING ADVERTISEMENTS

Aleksandr V. Dzyuba

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. While analyzing wordplay in advertisements, researchers tend to focus on formal classifications. One of the few modern groupings that diverge from this formal approach is the typology made within the framework of Relevance Theory. This paper provides new classification based on the subject of punning. The comprehensive analysis of 609 slogans reveal three types of wordplay used in Spanish-speaking advertising discourse: merchandise (goods) wordplay, brand (trademark) wordplay and unlinked wordplay. Using merchandise puns, copywriters play with the names of products. Also, these types of puns exploit ambiguous words and the associations which already exist in the minds of the target audience, e.g. *comida (food) – rico (rich / tasty)*. Thanks to the merchandise wordplay, recipients can deduce what is advertised without having the explicit product names in the slogans. Brand wordplay uses lexemes chosen for the trademark or associations produced by such lexeme, e.g. vine brand *Bach* is associated with music, and therefore, copywriters introduce music allusions in slogans. This method helps to memorize a brand-name and make it stand out. The last type of wordplay, unlinked puns, have no connections with brand-names or goods and is often present in a less creative way of playing on words. The main aim of the unlinked wordplay is to entertain the target audience. A quantitative analysis shows that merchandise wordplay occurs in the majority of cases and unlinked wordplay is the least popular type. Such distribution may be caused by different cognitive-pragmatic potential of wordplay types as hypothesized in current research.

Key words: wordplay, puns, advertising, Spanish language, classification, cognitive-pragmatic potential, relevance theory.

Citation. Dzyuba A. V. Subject-Oriented Classification of Puns Used in Spanish-Speaking Advertisements. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 107-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.12>

УДК 811.134.2'42:659.123.1
ББК 81.472.1-55

Дата поступления статьи: 20.01.2018
Дата принятия статьи: 30.03.2018

ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИГРЫ СЛОВ В РЕКЛАМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

Александр Владимирович Дзюба

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной лингвистической проблеме построения неформальной классификации рекламы, содержащей игру слов. С опорой на положения теории релевантности и с применением когнитивно-прагматического подхода к изучению языковых единиц автором разработана классификация, которая учитывает характер объекта, обыгрываемого в рекламном слогане. Выделены три типа игры слов: товарно-ориентированная, брендово-ориентированная и несвязанная. В результате компонентного анализа 607 испаноязычных рекламных слоганов установлено, что при товарно-ориентированной игре слов копирайтеры обыгрывают наименование товара, используя ассоциативные связи, характерные для индустрии и уже закрепленные в сознании носителей языка, позволяя реципиенту догадываться о том, что рекламируется, без эксплицитного обозначения товара. При брендово-ориентированной игре слов обыгрывается название бренда и ассоциации, связанные с ним, что способствует его запоминанию. При несвязанной игре слов используются игровые возможности языка независимо от наименования товара или названия бренда и

достигается цель развлечения реципиента. Приведенные в статье количественные данные свидетельствуют о том, что наиболее частотной является товарно-ориентированная игра слов, а наименее частотной – несвязанная. Показано, что такое распределение обусловлено когнитивно-прагматическим потенциалом указанных приемов.

Ключевые слова: игра слов, каламбур, реклама, испанский язык, классификация, когнитивно-прагматический потенциал, теория релевантности.

Цитирование. Дзюба А. В. Объектно-ориентированная классификация игры слов в рекламе (на материале испанского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 107–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.12>

Введение

Реклама как один из видов коммуникации занимает важное место в жизни современного общества. Она принимает разнообразные формы и передается реципиентам по различным каналам. Для того чтобы многие рекламные сообщения достигли адресата и не остались незамеченными потенциальными потребителями, создатели рекламных текстов – копирайтеры – стараются придумать слоганы, которые могли бы понравиться аудитории и одновременно привлечь ее внимание, акцентировать его, например, на названии рекламируемого бренда или типе товара. Одним из популярных средств привлечения внимания возможных покупателей является игра слов.

Повышенную частотность использования игры слов в рекламе можно объяснить тем, что данное экспрессивное средство обладает высоким когнитивно-прагматическим потенциалом, под которым чаще всего понимается «возможность актуализации в речи не только категориальных значений, присущих языковым единицам как элементам языковой системы или языковой картины мира, но и тех импликатур, которые могут проявиться при взаимодействии языка с речевой средой, способствуя тем самым формированию определенного восприятия, осмысления и познания действительности, а также достижению определенного прагматического эффекта» [Карповская, 2015, с. 109].

Примечательно, что игра слов, как и любая языковая шутка, воспринимается как нечто «свое», понятное только определенному кругу лиц, принадлежащих к одной нации или одному сообществу. Поэтому создатели рекламы стараются учитывать национальные особенности тех стран, для которых создается реклама. Так, создатели рекламы в Испа-

нии обыгрывают ассоциации, связывающие эту страну с хорошей погодой, солнцем и обилием света. Особенно это заметно в Андалусии, само название которой порождает игровые рекламные сообщения и названия брендов: радио *Ondaluz* (букв.: волна + свет), магазин осветительных приборов *ANDAluz* (букв.: идет + свет) и т. д. Кроме того, создаются рекламные стенды, на которых парадоксальным образом написано:

(1) *Cruzcampo: Esto no es un anuncio. Es una sombra patrocinada*

(Cruzcampo: Это не рекламное объявление. Это тень, оплаченная спонсором).

Житель Испании естественно ассоциирует пиво с жарой, а значит, будет благодарен даже рекламе пива, позволяющей спрятаться за ней от солнца.

Таким образом, благодаря высокому когнитивно-прагматическому потенциалу игры слов копирайтерам удается сформировать у реципиентов положительное отношение к рекламируемой продукции.

Решая задачи классификации рекламы, содержащей игру слов, многие исследователи уделяют внимание только формальным различиям средств, создающих игру слов, и на их основе предлагают формальные классификации [Ильясова, Амири, 2016; Glowicka, 2002; Xiang, 2006; Yan, 2015]. Однако объяснительная сила таких классификаций невелика. Одной из немногих классификаций, в которой учитываются неформальные, в частности прагматические, признаки рекламы, является классификация рекламных слоганов, содержащих игру слов, разработанная с позиции теории релевантности и впервые выдвинутая К. Танака в 1992 году. Согласно японскому исследователю, при интерпретации таких слоганов реципиенты могут либо одновре-

менно учитывать обе возможные интерпретации слогана в случае обыгрывания полисемии или двойной актуализации устойчивого выражения, либо же отбросить одну из этих интерпретаций как нерелевантную в данном контексте [Танака, 1992, р. 98–101]. Следовательно, игра слов в рекламе может 1) иметь как минимум две релевантные интерпретации или 2) иметь только одну релевантную интерпретацию. Впоследствии М. ван Мулкен и его коллеги на материале нидерландского рекламного дискурса доказали, что реципиенты в случае обнаружения игры слов отдавали предпочтение слоганам, содержащим две релевантные интерпретации, но при этом слоганы с игрой слов, которая имеет только одну возможную интерпретацию, казались испытуемым более интересными, чем рекламные сообщения, в которых данное экспрессивное средство отсутствовало [Van Mulken, Van Enschoot-van Dijk, Hoeken, 2005, р. 715]. Отметим, что в упомянутом исследовании рассматривались только слоганы с игрой слов, возникающей благодаря языковой неоднозначности, и, следовательно, не анализировались каламбуры и паронимазия.

В работах Ф. Юса, также выполненных в русле теории релевантности, утверждается, что можно выделить по меньшей мере четыре типа игры слов в зависимости от пропорциональности эффекта высказывания и когнитивных усилий, затраченных на его интерпретацию: 1) высказывание предполагает две возможные интерпретации, одинаковые по эффекту и затратам, в результате чего реципиент не может выбрать только одно релевантное значение, воспринимая обе интерпретации как шутку; 2) реципиенту удается быстро интерпретировать высказывание, однако он все равно продолжает искать другую интерпретацию, например, комическую (к этому типу относятся игра с буквальным и метафоричным значениями слов и устойчивых выражений, полисемией, омонимией); 3) высказывание изначально не дает никакой интерпретации, совместимой с принципом релевантности, в связи со своей абсурдностью, однако реципиент, учитывая комическую направленность игры слов, продолжает искать релевантную интерпретацию; 4) стимулятор шутки содержит потенциально двусмысленный

термин, первая возможная интерпретация которого отвергается реципиентом игры слов в пользу менее вероятной (однако возможной) интерпретации [Yus, 2003, р. 1321–1324].

Возможности применения классификации Ф. Юса к анализу рекламы охарактеризованы в [Van Mulken, Van Enschoot-van Dijk, Hoeken, 2005]. Ученые указывают на то, что в рекламе часто встречаются только первые два вида игры слов (они совпадают с классификацией К. Танака). Третий тип является достаточно редким. Четвертый тип встречается только в обычных разговорах коммуникантов [Van Mulken, Van Enschoot-van Dijk, Hoeken, 2005, р. 710].

Исследования в рамках теории релевантности внесли значительный вклад в изучение игры слов в целом и ее употребления в рекламе в частности. Полученные выводы и классификации могут быть использованы и в работах, находящихся за рамками указанной теории, в особенности в тех, что обосновывают связь затраченных когнитивных усилий и эффекта игры слов, а также выбор той или иной интерпретации реципиентом.

Несмотря на определенную разработанность темы применения игры слов в рекламе, не все важные вопросы, касающиеся данного экспрессивного средства, попали в поле зрения исследователей. Так, до сих пор не предложена классификация игры слов в рекламных слоганах, основным критерием которой являлся бы сам объект обыгрывания. В настоящей статье, опираясь на положения теории релевантности и используя когнитивно-прагматический подход к изучению языковых единиц, мы предлагаем новую объектно-ориентированную классификацию игры слов в рекламе.

Материал для исследования отобран методом сплошной выборки из журналов, газет, ТВ-рекламы с билбордов и интернет-сайтов (самые ранние примеры датируются 1940 г., однако подавляющее большинство примеров относятся к 1980–2017 гг.).

Объектно-ориентированная классификация рекламы, содержащей игру слов

В результате компонентного анализа 607 испаноязычных рекламных слоганов, со-

державших игру слов, можно представить следующую типологию использования указанного экспрессивного средства в зависимости от обыгрываемого объекта высказывания: **товарно-ориентированная** игра слов, **брендово-ориентированная** игра слов и **несвязанная** игра слов.

I. Под товарно-ориентированной мы понимаем игру слов, при которой либо прямо обыгрывается наименование рекламируемого товара или услуги, либо используются ассоциации и понятия, общие для конкретной индустрии. Среди таких общих ассоциаций, уже закрепленных в языке и сознании информантов, можно назвать связи *comida* (еда) – *rico* (богатый / вкусный / насыщенный), *óptica* (оптика) – *vista* (взгляд / вид), *bancos* (банки) – *crédito* (кредит / доверие), *interés* (интерес / процент) и т. п. Наиболее часто в игровых слоганах употребляются многозначные лексемы, как минимум одно из значений которых и связано каким-либо образом с рекламируемым товаром. Эти связи используются копирайтерами для создания слоганов и способствуют их вторичному закреплению в сознании носителей испанского языка. Обыгрывание наименования товара (например, масло, хлеб, водка и т. п.) помогает потребителю при небольших когнитивных усилиях понять, о чем идет речь в слогане. Благодаря своей оригинальности и зачастую остроумности рекламный текст может запомниться и вызвать положительное отношение к рекламируемой продукции.

В формальном плане применение игры слов того или иного вида в рекламе никак не ограничено, поэтому в слоганах могут встречаться каламбуры, параномазии, окказиональное варьирование и двойная актуализация устойчивых выражений, игровые аллюзии на прецедентные тексты, парадоксы, обыгрывание полисемии и омонимии (неоднозначности), псевдосинонимии и псевдоантонимии. Причем иногда копирайтеры используют одновременно несколько приемов.

Рассмотрим конкретные примеры товарно-ориентированной игры слов, отмечая специфику ее употребления в испаноязычной рекламе. С большой частотностью в таких слоганах используются двойная актуализация и окказиональное варьирование устойчивых выражений.

(2) *Alimentos de España: Nobleza Oliva* (букв.: Благородство Оливковое масло).

В слогане (2) обыгрывается поговорка *Nobleza Obliga* (фр. *Noblesse oblige*), которая на русский традиционно переводится, как «положение обязывает» (букв.: благородное положение обязывает). Используя созвучие слов *oliva* и *obliga*, создатели рекламы демонстрируют «благородство» и высокое качество настоящего испанского оливкового масла.

(3) *Asturiana: Nuestro verano es la leche* (Наше лето – супер / букв.: Наше лето – это молоко).

В слогане (3) происходит разложение устойчивого выражения *ser la leche*, наиболее актуальное значение (*salient meaning*) которого в повседневной речи носителей испанского языка – «быть отличным». Однако, поскольку это реклама молочной продукции, потребители понимают, что буквальное значение устойчивого выражения является не менее актуальным в данном контексте, и потому происходит его двойная актуализация. Стоит отметить, что подобное использование данной фразеологической единицы постепенно теряет свою оригинальность. Можно привести еще несколько примеров подобной игры слов: *Manteleira: Ser solidario es la leche* (Быть солидарным – классно / букв.: Быть солидарным – это молоко); *Asturiana: Nuestra vida es la leche* (Наша жизнь – это классно / букв.: Наша жизнь – это молоко). Высокая частотность выражения в речи носителей испанского языка даже позволила авторам одного из пособий по изучению английского языка «буквально» перевести название своей книги на английский как “*This book is the milk*”.

(4) *Aqua Bona: Transparente como el agua* (Прозрачный, как вода).

Парадоксальность этого слогана привлекает внимание, ведь обычно «прозрачным, как вода» называют все, что угодно, кроме воды. Однако таким образом подчеркивается высший сорт минеральной воды *Aqua Bona*.

(5) *Eudermín: Para empezar un día con buen pie* (Для того, чтобы хорошо начать день / букв.: Для того, чтобы начать день с хорошей ноги).

В рекламном тексте (5) обыгрывается устойчивое выражение *con buen pie* (удачно, хорошо), которое связано с существующим у многих народов поверьем о том, что день нужно начинать, наступив на пол определенной (подразумевается «правой») ногой (ср. рус. *встать не с той ноги*). Однако в рекламном слогане на верную его интерпретацию влияет рекламируемая продукция – крем для ног *Eudermín*: реципиент должен интерпретировать сочетание *con buen pie* как в буквальном смысле, так и в переносном смысле. Возникает корреляция «здоровая кожа ступней» > «удачный день», которая формирует у реципиента потребность в покупке крема *Eudermín*.

(6) *Diamante: Hay quién sabe dar en el blanco* (Есть те, кто умеет попадать в цель / букв.: попадать в белое [вино]).

Товарная ориентированность игры слов в слогане (6) проявляется в неоднозначном восприятии лексемы *blanco*, которая в предложенном контексте может означать как «цель», так и «белое [вино]». В любом случае возникает связь между обоими потенциальными значениями *blanco*, в соответствии с которой «люди, попадающие в цель», то есть добивающиеся успеха и правильно выбирающие товары, всегда «выбирают белое вино *Diamante*».

При помощи товарно-ориентированной игры слов может также возникать связь между известными личностями и рекламируемой продукцией.

(7) *Brandy 103: El Marlón Brandy de las colas, tónicas, naranjadas, limonadas, sodas, etc.* (Марлон Брэнди для колы, тоников, апельсиновых газировок, лимонадов, содовых и т. д., и т. д.).

Так, благодаря обыгрыванию фонетической близости фамилии знаменитого голливудского актера (*Marlon Brando*) и наименования крепкого алкогольного напитка (*brandy*), а также изображению Марлона Брандо на рекламном объявлении копирайтеры пытаются указать на лидирующую позицию *Brandy 103* на рынке. Сравнивая или даже отождествляя бренды с актером, потенциальный потребитель может осознать, что данный напиток достоин высших наград и представляет собой продукцию самого высокого качества.

Иногда для создания игры слов используются не очень частотные лексемы, которые, однако, в определенном контексте реализуют свой когнитивно-прагматический потенциал:

(8) *Derlavón: Para gente muy ducha* (Для очень опытных людей).

Благодаря омонимии слов *ducha* (душ) и *ducho* в ж. р. (опытный, искусный, умелый) указанная лексема приобретает окказиональное значение «те, кто любят принимать душ», следовательно, гель *Derlavón* предназначен именно для таких любителей и «экспертов».

Помимо омонимии, в слоганах может обыгрываться и полисемия какой-либо определенной лексемы:

(9) *La lechera: Una gran sugerencia, condensada en dos palabras* (Отличное предложение, выраженное [сгущенное] в двух словах).

В приведенном примере у слова *condensada* актуализируются сразу два значения – «сгущенное [молоко]» и «кратко изложенное, сжато выраженное».

Фонетическая схожесть паронимов и контаминация, или телескопирование, – прием, заключающийся в соединении нескольких лексем в единый окказионализм, используются копирайтерами с не меньшей частотностью.

(10) *Visa Banco Santander: Vacaciones con Visa al mar* (букв.: Отпуск с Визой [видом] на море).

В слогане (10) обыгрывается устойчивое сочетание, постоянно встречающееся в туристических проспектах и использующееся в качестве демонстрации неоспоримого достоинства предлагаемого гостиничного номера – *vista al mar* (вид на море). Благодаря паронимии *vista / Visa* появляется возможность убедить потенциального клиента в том, что пластиковая карта банка *Santander* позволит заполучить подобный номер, на который не у всех хватает средств.

(11) *Andifrut: ¡Refreshcante!* (Освежающе!).

Реклама нектаров *Andifrut* сопровождается слоганом *¡Refreshcante!*, представляю-

щим собой контаминацию испанского *refrescante* и английского *fresh*, что может быть обусловлено повышенным интересом к латиноамериканскому рынку, в котором сильнее влияние США и английского языка. Кроме того, производители соков и нектаров призывают употреблять напитки в очень холодном виде, что также ассоциативно связано с понятием «освежающий».

(12) *Danone: Tus favoritos* (Твои фланвориты).

В этой рекламе название товара *flan* встроено в лексему *favoritos*. Игра слов построена с учетом национальных особенностей потребителя: кондитерское изделие флан от *Danone* является любимым у многих испанцев.

II. При брендово-ориентированной игре слов обыгрывается название самого бренда, которое может включаться в каламбур, выделяться графически или заменять созвучное слово в слогане. Контаминация используется чаще, чем в рекламных слоганах товарного типа. Название бренда может быть эксплицировано в слогане, либо может быть создана семантическая аллюзия на название бренда в лексемах, используемых в слогане, например, *Bach – obertura* (Бах – увертюра) и созвучное последней *apertura* (открытие, то есть открытие бутылки вина). Игра слов данного типа способствует запоминанию бренда, он начинает выделяться на фоне своих конкурентов. Рассмотрим несколько примеров брендовой игры слов:

(13) *Myrga: Myrga* [*mira* + *Myrga*] *que genial* (букв.: Мутга [Посмотри], как классно);

(14) *Ford: Confortable* [*Ford* + *comfortable*] (*Комфортабельный*);

(15) *SOS: Si es Sos, es bueno. Evolución sostenida* (букв.: Если это SOS, это хорошо. Устойчивая эволюция).

В слоганах (13)–(15) возникает контаминация названия бренда и лексемы, которая акцентирует внимание реципиентов на рекламируемом бренде: *Myrga* > *mira*, *Ford* > *comfortable*, *Sos* > *sostenida*. В случае создания подобных «слов-бумажников» происходит намеренное нарушение установленных языковых норм и возникает определенная анома-

лия, которая осознается носителями языка и вызывает у них интерес, так как «восприятие мира... прежде всего фиксирует аномальные явления», а «то, что ожидают увидеть, остается незамеченным» [Арутюнова, 1999, с. 74].

Название бренда может формировать каламбур, как в случае популярной венесуэльской рекламы гигиенических средств для детей *Melody*:

(16) *Melody: “Melody, melody, me lo dijo mi mamá* (букв.: Melody, Melody, мне сказала это моя мама).

Телевизионная реклама этих средств всегда сопровождается запоминающимся джинглом, что также ассоциативно связано с названием бренда (*Melody* – англ.: мелодия).

Ассоциативная связь проявляется и в следующих слоганах.

(17) *Bach: Una obertura memorable* (Запоминающаяся увертюра).

Остроумие слогана в (17) обнаруживается в обыгрывании связей между фамилией великого композитора, названием бренда и лексемой *obertura*, которая фонетически напоминает другую лексему – *apertura*.

(18) *Bach: sinfonía en rojo* (Симфония в красном).

Sinfonía en rojo – это обыгрывание выражений типа «симфония ре-минор», уточняющих тональность музыкальных произведений. В данном случае игра слов не возникла бы, если бы название вина не имело никакого отношения к музыке. Высказывание могло бы восприниматься как интересная метафора, но все же никаких игровых ассоциаций оно бы не породило. Пример (18) демонстрирует отличие товарно-ориентированной игры слов от брендово-ориентированной.

(19) *Magno: Un poco de Magno es mucho* (Немного Magno – это много).

Использованная в качестве названия коньяка лексема *magno* (великий) семантически связана с такими лексемами, как *grande* (большой, великий), *pequeno* (маленький) и

mucho (много). Поэтому в слогане возникает парадокс, основанный на противопоставлении антонимов *poco* и *mucho*. Тем самым создатели рекламы дают понять адресату, что даже небольшого количества данного коньяка достаточно для того, чтобы получить удовольствие.

(20) *B. The Travel Brand: Caribe empieza con B* (Карибы начинаются с В).

В этом случае парадокс возникает в силу нарушения логики и очевидности высказывания: любой человек понимает, что в метаязыковом смысле слово *Caribe* не начинается на букву В. Однако от нас требуется осознание того, что именно путешествие на Карибы начинается с посещения офиса данной компании. Слоган эффективен потому, что он привлекает внимание своей парадоксальностью, реципиент задается справедливым вопросом «Почему Карибы начинаются с В?» и, обнаружив правильную интерпретацию, запоминает бренд *B. Travel*.

Стоит отметить, что само название бренда зачастую создается таким образом, чтобы его можно было удачно обыграть в рекламе на разных языках:

(21) *Renault Captur: Captura la vida* (Поймай жизнь);

(22) *Yatekomo: Kómete el mundo en un ya* (Съешь весь мир за одно мгновение).

Название автомобиля *Renault Captur* (21) созвучно императиву испанского глагола *capturar* (захватывать, ловить), а название лапши быстрого приготовления *Yatekomo* (22) – фразе *ya te como* (я сейчас тебя съем).

III. Под **несвязанной** игрой слов понимается обыгрывание общих понятий, напрямую никак не связанных ни с брендом, ни с наименованием товара, рекламируемого в слогане. Наиболее часто данный тип представляет собой намеренное использование полисемии и омонимии, парадоксальных выражений, а также паронимии, причем иногда достаточно примитивной. Особенность таких слоганов заключается в том, что в большинстве случаев их можно без изменений применять в рекламе любой продукции, так как никаких ассоциативных связей между то-

варом и игрой слов не существует. Проанализируем примеры игры слов, относящейся к данному типу:

(23) *McDonalds: Feliz Novedad* (Счастливого Рождества + Новшества);

(24) *Hero Baby: Hecho con ciencia. Hecho a conciencia* (Сделано с умом. Сделано на совесть);

(25) *Lienzo de los Gazules: Con mucho gusto, con poco gasto* (С большим удовольствием, с малыми затратами);

(26) *Hoy por Hoy – Francino: Pase lo que pase un paso por delante* (Будь что будет, мы сделаем шаг вперед);

(27) *Peugeot: Si le importa la tecnología, no la importe* (Если для вас важна технология, не импортируйте ее);

(28) *Coca Cola: La gente normal que rara es* (Нормальные люди – какие же они странные / как же они редко встречаются).

Как видим, игра слов в указанных слоганах лишь частично затрагивает специфику рекламируемой продукции, при этом некоторые слоганы могут быть взаимозаменяемыми. Так, слоган (23) может быть использован любой компанией, если она рекламирует какие-либо особые новые предложения, приуроченные к Рождеству (*Navidad*). В слогане (24) два омонимичных словосочетания *Hecho con ciencia* и *Hecho a conciencia* можно применить к любому товару, производитель которого захочет подчеркнуть связь между используемыми в производстве новыми технологиями и бережным отношением производителя к продукции, поскольку ничто в слогане не указывает нам на то, что его объект – детское питание. Из рекламного сообщения *Lienzo de los Gazules* (25) также невозможно догадаться, чем занимается данная компания – реципиенту только дают понять, что товар ему должен понравиться, а денег на него он потратит немного.

Если реципиенту предоставить слоганы с игрой слов третьего типа, он может только предположить, что в них рекламируется: например, слоган (26) можно поместить в категорию СМИ, которые освещают ежедневную ситуацию в стране или в мире, а продукция, рекламируемая в слогане (27), может быть помещена в категорию высокотехнологичных товаров. Однако слоганы типа *La gente normal que rara es* (28) вряд ли можно сопоставить с

каким-либо видом товара ввиду того, что в них ни имплицитно, ни эксплицитно не выражен объект рекламы. Единственное, что возможно – считать этот текст попыткой заинтересовать молодых, креативных людей, которые рассматривают «нормальность» и конформизм как нечто отрицательное. При этом противопоставление двух значений слова *raro* (редкий как не частотный и редкий как необычный) часто используется создателями рекламы, в том числе социальной:

(29) *Federación Española de Enfermedades Raras: Enfermedades raras, más frecuentes de lo que imaginas* (Редкие заболевания встречаются чаще, чем ты думаешь).

Заключение

Таким образом, в испаноязычной рекламе можно четко выделить три типа игры слов в соответствии с характером обыгрываемого объекта. В результате анализа 607 слоганов, содержащих игру слов, было выяснено, что товарно-ориентированная игра слов содержится в 399 слоганах ($\approx 66\%$), брендово-ориентированная используется в 161 слогане ($\approx 26\%$), а несвязанная – в 47 рекламных слоганах ($\approx 8\%$).

Наибольшим когнитивно-прагматическим потенциалом обладает брендово-ориентированная игра слов, так как она способствует запоминанию самого бренда и позволяет выделить его на общем фоне продукции такого же назначения. Товарно-ориентированная игра слов имеет меньший когнитивно-прагматический потенциал ввиду использования в ней уже устоявшихся ассоциаций, существующих у коммуникантов. Меньшая частотность брендово-ориентированной игры слов, возможно, обусловлена, во-первых, тем, что слоганы, содержащие название бренда, могут восприниматься реципиентами как явная манипуляция (например, в [Dass, Kohli, Kumar, Thomas, 2014, p. 2510] приводятся результаты эксперимента, подтверждающего, что прямое включение бренда в слоган негативно влияет на восприятие слогана реципиентами). Однако необходимость связывания бренда и рекламного текста является одним из важных условий создания эффективного слогана

[Kohli, Leuthesser, Suri, 2007, p. 420]. Во-вторых, создание брендово-ориентированной игры слов требует больших усилий по сравнению с товарно-ориентированной, так как само слово-бренд не всегда имеет смысл в испанском языке или вызывает определенные положительные ассоциации у его носителей.

Наименее частотный тип игры слов (несвязанный) обладает наименьшим когнитивно-прагматическим потенциалом и может быть использован прежде всего с целью развлечения реципиента.

В качестве перспектив исследования можно указать применение данной классификации к материалу рекламы на других языках, а также экспериментальное подтверждение гипотезы о том, что товарно-ориентированная и брендово-ориентированная игра слов оказывают большее влияние на реципиентов, чем несвязанная игра слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры. 896 с.
- Ильясова С. В., Амири Л. П., 2016. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия. М. : Флинта : Наука. 328 с.
- Карповская Н. В., 2015. Когнитивно-прагматический потенциал средств категории интенсивности сквозь призму процесса метафоризации (на материале интенсификатов испанского и русского языков) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 3. С. 107–117.
- Dass M., Kohli C., Kumar P., Thomas S., 2014. A study of the antecedents of slogan liking // Journal of Business Research. № 67. P. 2504–2511. DOI: 10.1016/j.jbusres.2014.05.004.
- Glowicka M., 2002. Figuras de repetición por juego de palabras en los eslóganes publicitarios de la prensa española actual // Etudes romanes de Brno. № 1. P. 61–69.
- Kohli C., Leuthesser L., Suri R., 2007. Got slogan? Guidelines for creating effective slogans // Business Horizons. Vol. 55, № 5. P. 415–422. DOI: 10.1016/j.jbushor.2007.05.002.
- Tanaka K., 1992. The pun in advertising: A pragmatic approach // Lingua. № 87. P. 91–102.
- Van Mulken M., Van Enschot-van Dijk R., Hoeken H., 2005. Puns, relevance and appreciation in advertisements // Journal of Pragmatics. № 37. P. 707–721. DOI: 10.1016/j.pragma.2004.09.008.

- Xiang L., 2006. On the pun in English advertisement // *Canadian Social Science*. 2006. Vol. 2, № 2. P. 68–70.
- Yan Y., 2015. Analysis of puns in English advertising language from the relevance theory // *Sino-US English Teaching*. Vol. 12, № 8. P. 602–607. DOI: 10.17265/1539-8072/2015.08.008.
- Yus F., 2003. Humor and the search for relevance // *Journal of Pragmatics*. № 35. P. 1295–1331. DOI: 10.1016/S0378-2166(02)00179-0.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1999. *Language and the human world*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 896 p.
- Ilyasova S.V., Amiri L.P., 2016. *The language of media and advertising: wordplay as a norm and as an anomaly*. Moscow, Flinta; Nauka Publ. 328 p.
- Karpovskaya N.V., 2015. Cognitive and pragmatic potential of intensity category means in the process of metaphorization (on the material of Spanish and Russian intensifiers). *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], no. 3, pp. 107-117.

- Dass M., Kohli C., Kumar P., Thomas S., 2014. A study of the antecedents of slogan liking. *Journal of Business Research*, no. 67, pp. 2504-2511. DOI: 10.1016/j.jbusres.2014.05.004.
- Glowicka M., 2002. Figuras de repeticiyn por juego de palabras en los eslyganes publicitarios de la prensa espacola actual. *Etudes romanes de Brno*, no. 1, pp. 61-69.
- Kohli C., Leuthesser L., Suri R., 2007. Got slogan? Guidelines for creating effective slogans. *Business Horizons*, vol. 55, no. 5, pp. 415-422. DOI: 10.1016/j.jbushor.2007.05.002.
- Tanaka K., 1992. The pun in advertising: A pragmatic approach. *Lingua*, no. 87, pp. 91-102.
- Van Mulken M., Van Enschot-van Dijk R., Hoeken H., 2005. Puns, relevance and appreciation in advertisements. *Journal of Pragmatics*, no. 37, pp. 707-721. DOI: 10.1016/j.pragma.2004.09.008.
- Xiang L., 2006. On the Pun in English Advertisement. *Canadian Social Science*, vol. 2, no. 2, pp. 68-70.
- Yan Y., 2015. Analysis of puns in English advertising language from the relevance theory. *Sino-US English Teaching*, vol. 12, no. 8, pp. 602-607. DOI: 10.17265/1539-8072/2015.08.008.
- Yus F., 2003. Humor and the search for relevance. *Journal of Pragmatics*, no. 35, pp. 1295-1331. DOI: 10.1016/S0378-2166(02)00179-0.

Information about the Author

Aleksandr V. Dzyuba, Lecturer, Department of Ibero-American Philology and Communication Studies, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St., 105, 344006 Rostov-on-Don, Russia, aleksandr.dziuba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8655-997X>

Информация об авторе

Александр Владимирович Дзюба, преподаватель кафедры иберо-американской филологии и коммуникативистики, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105, 344006 г. Ростов-на-Дону, Россия, aleksandr.dziuba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8655-997X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.13>

UDC 81'0:811.18+811.135.1
LBC 81r

Submitted: 27.02.2018
Accepted: 05.04.2018

LINGUISTICS OF ALBANIA AND ROMANIA IN THE PERIOD OF TOTALITARIAN SOCIETY

Viktoriya M. Kosteva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The paper presents the results of comparative analysis of linguistics in Romania and Albania in the period of totalitarian society (1944-1990). We provide the narrative description of linguistic historiography, which allows determining the linguistics of the countries under consideration in this period as the “totalitarian” linguistics. The general features of “totalitarian” linguistics of Albania and Romania are revealed: the development of theoretical and applied linguistics is conditioned by the transformation of linguistics into one of the key spheres of influence of the state and party leadership of the country, which determined the strategy of linguistics development. This influence is most obvious in sociolinguistics, for it investigates the problems of the relationship between language and ideology, language and consciousness, the role of language in the society, its social differentiation, etc. It is shown that totalitarianism is manifested in the control over the activities of linguists, in the political order of research in the linguistic sphere, in the ideological commitment of academic approaches and assessments. It is pointed out that the role of the totalitarian state in the “totalitarian” linguistics consists in the symbiosis of destructive and constructive influences: on the one hand, the totalitarian ideology prevents progressive development of linguistics in accordance with its immanent laws, and, on the other hand, the practical orientation of linguistic research contributes to the significant development of the theoretical aspects of general linguistics.

Key words: “totalitarian” linguistics, discursive practices, ideology, linguistic paradigm, normalization, literary language, Albanian language, Romanian language.

Citation. Kosteva V.M. Linguistics of Albania and Romania in the Period of Totalitarian Society. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 116-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.13>

УДК 81'0:811.18+811.135.1
ББК 81r

Дата поступления статьи: 27.02.2018
Дата принятия статьи: 05.04.2018

ЯЗЫКОЗНАНИЕ АЛБАНИИ И РУМЫНИИ В ТОТАЛИТАРНЫЙ ПЕРИОД ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Виктория Михайловна Костева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа лингвистики Албании и Румынии в период тоталитарного устройства общества (1941–1989 гг.). Предложено нарративное описание лингвоисториографии, которое позволило определить языкознание рассматриваемых стран в этот период как «тоталитарную» лингвистику. Выявлены общие черты «тоталитарной» лингвистики Албании и Румынии: развитие теоретического и прикладного языкознания обусловлено превращением лингвистики в одну из

ключевых сфер влияния государственного и партийного руководства страны, определяющего стратегию развития языкознания. Это влияние наиболее очевидно в социолингвистике, поскольку именно она исследует проблемы взаимоотношения языка и идеологии, языка и сознания, роли языка в обществе, его социальную дифференцированность и др. Показано, что тоталитарность проявляется в контроле над деятельностью лингвистов, в политическом заказе исследований, в идеологической заданности научных подходов и оценок. Установлено, что роль тоталитарного государства в тоталитарной лингвистике представляет собой симбиоз деструктивных и конструктивных влияний: тоталитарная идеология препятствует поступательному развитию лингвистики в соответствии с ее имманентными закономерностями, однако практическая ориентация лингвистических исследований способствует существенному развитию теоретических аспектов языкознания.

Ключевые слова: «тоталитарная» лингвистика, дискурсивные практики, идеология, лингвистическая парадигма, нормализация, литературный язык, албанский язык, румынский язык.

Цитирование. Костева В. М. Языкознание Албании и Румынии в тоталитарный период государственного устройства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 116–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2018.2.13>

Введение

Обращение к теме существования отдельной отрасли науки в условиях тоталитарного строя выявило ряд лагун в описании лингвистики тоталитарных государств, к каковым в современной политологии относятся Албания во время правления Э. Ходжи (1941–1985 гг.) и Румыния под властью Г. Георгиу-Дежа (1948–1965 гг.) и Н. Чаушеску (1965–1989 гг.). На настоящий момент не существует целостного описания языкознания Албании и Румынии в период с 1941 по 1989 г., отдельные работы лишь фрагментарно представляют состояние албанской и румынской лингвистики, находившейся под влиянием тоталитарной идеологии.

Цель нашей работы – установить основные направления развития языкознания в Албании и Румынии с 1941 по 1989 гг. и охарактеризовать результаты лингвистических исследований в аспекте государственного влияния на науку.

Для определения лингвистики тоталитарных государств мы используем термин «тоталитарная» лингвистика, которым обозначается совокупность дискурсивных практик (в трактовке М. Фуко) тоталитарного общества [Костева, 2013]. Развитие теоретического и практического языкознания в указанных государствах обусловлено превращением лингвистики как науки в одну из ключевых сфер влияния государственного и партийного руководства страны, определяющего стратегию развития языкознания. Наиболее очевидно это влияние обнаруживается в социолингвистике,

исследующей, в частности, проблемы взаимоотношения языка и идеологии, языка и сознания, роль языка в обществе и его социальную дифференцированность и др.

Направления развития языкознания в Албании в тоталитарный период

В Албании особое внимание в тоталитарный период существования государства уделялось таким наукам, как история и филология, что было связано с необходимостью описания процесса образования этнической общности албанцев и с решением национального вопроса на официальном уровне. Об этом прямо заявлял лидер Албанской партии труда Э. Ходжа: «Так, целый ряд крупных и важных проблем должен быть разрешен историческими и филологическими науками. Этногенез албанского народа является настолько важной, насколько и комплексной проблемой, для изучения которой понадобятся активизация и сотрудничество многих научных работников. Более углубленного изучения требуют вопросы албанской национальности и албанской нации, как и вопросы великих движений нашего века» [Ходжа, 1980, с. 459].

Образцом для албанской науки стала наука в СССР – основном партнере Албании в послевоенное время, поэтому ключевые проблемы албанского языковедения в период дружеских отношений с СССР были тесно связаны с проблемами, исследовавшимися советскими языковедами. Развитие албанской лингвистики происходило в строгом соответствии с требованиями марксистско-ленинского языкознания

СССР, с учетом опыта советских лингвистов в осмыслении диалектического и исторического материализма.

В этой связи реализуется ряд важных государственных стратегий развития лингвистики Албании: направление на обучение в советские вузы албанских студентов и аспирантов (в своей дальнейшей работе они использовали принципы и методы советской лингвистики); перевод большого количества литературы по языкознанию СССР на албанский язык; объявление других лингвистических школ ненаучными, реакционными, нелегальными и запрет на цитирование современных западноевропейских филологов [Kanana], 2015, p. 138].

Большой вклад в развитие лингвистики Албании внесли советские албанолисты, прежде всего А.М. Селищев (1886–1942) и А.В. Десницкая (1912–1992).

Для работы албанских лингвистов в их стране были созданы особые условия, позволяющие, с одной стороны, объединить ученых, с другой – осуществить контроль над их деятельностью и придать ей требуемое партийной идеологией направление.

В 1947 г. в Тиране был создан Институт наук, в котором работала Секция языка и литературы. В рамках своей деятельности Институт выпускал научные журналы, выходящие в разное время под разными названиями, например «Buletin i Institutitë Shkencavet» («Бюллетень Института наук»), специальная серия которого был посвящена социальным наукам («Seri e shkencave shoqërore»). С 1952 г. издавался «Buletin për shkencat shoqërore» («Бюллетень социальных наук»), с 1964 г. по настоящее время выходит журнал «Studime filologjike» («Филологические исследования»), где помещаются статьи на албанском языке, а также журнал «Studia albanica» («Изучение албанографии») с публикациями на иностранных языках (подробный обзор научной периодики Албании см.: [Fiedler, 2006]).

Основными задачами албанских лингвистов в исследуемый нами период было изучение трудов классиков марксизма-ленинизма и советских лингвистов. В соответствии с принципами организации работы в социалистическом коллективе языковедческая деятельность планировалась на пятилетку.

Приоритетные направления лингвистики отражали основные задачи в идеологической и языковой сферах. На Первой сессии ведущих деятелей албанской филологии (январь 1952 г.) приоритетными были признаны установление нормы и выявление одного из диалектов, который лег бы в основу литературного албанского языка. Поставленная задача отражала основную проблему языковой политики – создание единой нации с единым языком. Установлению нормы была посвящена работа Второй сессии в сентябре 1952 г., когда остро встал вопрос о нормализации современного албанского литературного языка (подробнее об этом см.: [Сухотин, Косталари, 1953, с. 92–93].

Тесная связь исследований в албанской и советской лингвистике заключалась и в так называемой научной солидарности ученых двух стран. Например, после смены общественных ориентиров в СССР албанские лингвисты публично осудили работы Н.Я. Марра, Н.С. Державина и других «представителей вульгаризаторской марровской теории». «Научная солидарность» нашла отражение в программной статье журнала «Вопросы языкознания» (№ 4 за 1953 г.), написанной В.П. Сухотиным и А. Косталари. В ней освещались проблемы языкознания Албании и было отмечено, что исследования Н.Я. Марра, Н.С. Державина нанесли «значительный вред албанскому языкознанию и албанографии». Осуждению подверглись прежде всего работы, имеющие непосредственное отношение к албанскому языку: «К вопросу о яфетизмах в албанском» Н.Я. Марра и «Албановедение и албанцы» Н.С. Державина, которые до этого момента считались основополагающими для албановедения [Сухотин, Косталари, 1953, с. 90].

После перехода от марризма к новой научной парадигме доминантой лингвистической деятельности стало описание различных аспектов языка – лексики, фонетики и грамматики, а также изучение диалектов в синхронии, для чего организовывались диалектологические экспедиции, собирался материал для диалектологических карт и атласов.

Исследования в данных направлениях проводились с опорой на следующие постулаты государственной языковой политики, реализуемой в рассматриваемый период:

1) общенародный язык является одним из важнейших признаков нации;

2) литературный язык еще не сформировался как единый литературный язык албанской нации;

3) возможность установить единые нормы литературного языка существует только в созданных условиях народно-демократического строя;

4) разрешение проблемы нормализации общелитературного албанского языка возможно только на основе «тщательного изучения современного состояния албанских диалектов», которые находятся в процессе «нивелировки и сближения» [Сухотин, Косталари, 1953, с. 95].

Важность формирования общего языка и его нормы неоднократно подчеркивалась в выступлениях Э. Ходжи. Уместным считаем процитировать его выступление на встрече с представителями интеллигенции столицы 25 октября 1962 г., отражающее основное содержание лингвистических исследований Албании тоталитарного периода: «Для того чтобы албанское языкознание своими исследованиями содействовало разрешению острой проблемы нормализации албанского литературного языка, необходимо дальше продолжать уже начатую работу по составлению научной албанской грамматики и среднего словаря нормативного характера нашего языка, необходимо предпринять более углубленные исследования в области диалектологии и составить диалектологический атлас» [Ходжа, 1980, с. 459].

Изучение общенародного языка велось и в историческом аспекте: работы известных албанских лингвистов были посвящены исторической грамматике – фонетике, морфологии, синтаксису. В этой связи необходимо упомянуть таких ученых, как Александр Джувани (Aleksandër Xhuvani) (1889–1961), Костац Ципо (Kostaq Cipo) (1892–1952), деятельность которых высоко оценил Э. Ходжа (ср.: «У нас есть также специалисты наших дней, которые трудились или трудятся и борются и по сей день на основе научных методов и имеют блестящие результаты, как профессора Александр Джувани и Костац Ципо» [Ходжа, 1980, с. 449]), а также Шабан Демирай (Shaban Demiraj) (1920–2014), Андрокли Косталари

(Androkli Kostallari) (1922–1992), Экрем Чабей (Eqrem Çabej) (1908–1980).

Лингвистическая парадигма в СССР имела прямую проекцию на развитие лингвистики в Албании. Например, высказывания И.В. Сталина о грамматике во многом определили ее развитие в Албании на период с 1945 по 1991 г. [Kananaj, 2015, p. 138]. Так, в статье «Модели предложений в современной албанской литературе» («Rreth modeleve të fjalisë në shqipen e sotme letrare») С. Флоки (S. Floqi) указал на то, что многие лингвистические школы не в состоянии адекватно описать семантическую ценность моделей предложения именно потому, что их теоретические и методологические обоснования имеют недостатки, причина которых заключается в идеологической и идеалистической концепциях. Автор выразил свое убеждение в том, что без исследований основных понятий терминологии и семантики с точки зрения диалектического материализма невозможно дать аккуратное детализированное описание моделей предложений: «Without a preliminary investigation to determine the basic notions and terminology of semantics from the dialectical materialism viewpoint, it will not be possible to give an accurate detailed description of sentence patterns. <...> It is the duty of Marxist linguistics in general, and of the Albanian Marxist linguistics in particular, to clarify various points of this problem...» (цит. по: [Kananaj, 2015, p. 138]) – это задача марксистской лингвистики в целом и албанской марксистской лингвистики в особенности для уточнения различных точек зрения на эту проблему (перевод с английского наш. – В. К.). Примечательной представляется мысль автора о наличии особой лингвистики Албании, основанной на позициях марксистского языкознания. Вероятно, в авторской концепции специфика марксистской лингвистики определяла основные задачи албановедения в целом. Отметим и неприятие автором философии идеализма в языкознании, что является общим положением в лингвистике тоталитарных государств.

Термин «албанская марксистская лингвистика» («gjuhësia marksiste shqiptare») встречается также в преамбуле к своду орфографических правил «Drejtshkrimi i gjuhës shqipe»: «S'ka dyshim se, duke u mbështetur në këto forca

ë gjalla shkencore, gjuhësia marksiste shqiptare do të zgjidhë në të ardhmen edhe probleme të tjera të rëndësishme përshkencën e kulturën tonë kombëtare» [Kostallari, 1974]. – Албанская марксистская лингвистика будет решать в будущем другие важные проблемы нашей отечественной науки и культуры (здесь и далее перевод с албанского наш. – В. К.).

Продвижение идеи единого национального языка и выбор тоскского диалекта в качестве его основы нашли свое отражение в появившейся в 1976 г. академической грамматике («Fonetika dhe gramatika e gjuhës së sotme letrare shqipe») М. Доми (M. Domi), которую можно рассматривать как квинтэссенцию борьбы за «единый литературный язык», поскольку она исключала любые проявления в литературном языке других (кроме тоскского) диалектных субстратов, в частности гегского диалекта.

В философском аспекте язык осмысливался как социальное явление, его функционирование – как аналогичное функционированию общества. Законы зарождения языка рассматривались в качестве социальных. Грамматика представлялась как социальный продукт [Kananaj, 2015, p. 138].

Мы уже отмечали, что в албанском языкознании рассматриваемого периода активно развивалась диалектология. Лингвоисториографы отмечают многочисленность работ, в которых представлены обобщающие исследования по диалектам и диалектным группам, а также анализ отдельных диалектных явлений. Результатом проведенной работы стало издание шеститомного труда «Dialektologjia shqiptare» («Диалектология албанского языка»), опубликованного с 1971 по 1990 г., а также подготовка материалов для «Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe» («Диалектологический атлас албанского языка») [Besic, 2014].

Положительные результаты систематической работы по изучению диалектов в Албании отмечает А.В. Десницкая в предисловии к своей книге «Албанский язык и его диалекты» [Десницкая, 1968, с. 56]. В связи с вопросом о влиянии советской лингвистики на албанскую важным представляется замечание автора о том, что молодые исследователи-диалектологи получили научную подготовку в лаборатории экспериментальной фонети-

ки при Ленинградском университете, среди них был и автор «Диалектологии Албании» Й. Гьинари (J. Gjinari) [Десницкая, 1968, с. 5].

Несмотря на успехи в области диалектологии, современные исследователи отмечают ограничения в академической свободе в период 1941–1989 гг. и определенный диктат коммунистической системы. Особенно ярко это проявлялось в образовательном процессе. В качестве доказательства приводится, например, факт использования для обучения студентов одних и тех же текстов, составленных одним автором, в частности Й. Гьинари [Besic, 2014]. Влияние государственной идеологии на лингвистику проявлялось и в иллюстрировании языковых процессов и фактов посредством политических текстов, в использовании политических клише в текстах языковедческой направленности. Однако такая политизация не затрагивала содержательной стороны исследований.

Направления развития языкознания в Румынии в тоталитарный период

Языкознание Румынии эпохи социализма аналогично языкознанию Албании развивалось в тесной связи с лингвистикой СССР. Основные лингвистические вопросы, включая направления исследований в языковедческой отрасли науки, были тесно связаны с лингвистической парадигмой в СССР и ее изменениями. Лингвофилософия СССР была примером для румынских лингвистов, которые вслед за советскими учеными вынуждены были озвучивать позиции по тому или иному вопросу в соответствии с заданной генеральной линией партии: после развенчания концепции Н.Я. Марра румынские филологи были обвинены в поддержке его антинаучных идей, пропаганде антимарксистских положений [Михальчи, 1952, с. 99], а разработка теоретических проблем румынского языкознания стала вестись в русле новой парадигмы, опиравшейся на положения, сформулированные в выступлениях и работах И.В. Сталина. Историографы отмечают, что внедрение идей Сталина происходило на специальных научных сессиях и заседаниях лингвистических институтов и обществ, в которых принимали участие руководители научных организаций и ве-

дущие ученые. Темы выступлений часто были связаны с комментариями статей советских лингвистов, в частности В.В. Виноградова. Пропаганда новой языковедческой парадигмы проводилась не только в крупных, но и в небольших городах Румынии – Плоешти, Сибиу, Галац, Сталин [Михальчи, 1952, с. 100].

Показательной в этой связи является расширенная сессия Отделения языка, литературы и искусства Академии наук Румынской Народной Республики, посвященная трудам И.В. Сталина по вопросам языкознания (21–25 марта 1951 г.). Обзор данной дискуссии и основные положения выступлений президента Академии Т. Сэвулеску, ведущих румынских ученых, среди которых лингвист Э. Петрович (Emil Petrovici) (1899–1958), изложены в статьях, опубликованных в «Вопросах истории» [Труд И.В. Сталина..., 1952] и «Вопросах языкознания» [Михальчи, 1952]. Суммируя представленные сведения, отметим, что основные идеи выступления Т. Сэвулеску сводились к следующим положениям, определившим дальнейшее развитие лингвистики в Румынии:

1) труды Сталина являются важнейшим вкладом в развитие диалектического и исторического материализма и представляют собой помощь для всех отраслей науки;

2) сформулированное Сталиным положение о необходимости борьбы мнений и свободы критики имеет большое значение для прогресса науки [Труд И.В. Сталина..., 1952, с. 134].

В своем заключительном слове Т. Сэвулеску отметил, что «язык является одним из мощных рычагов строительства социалистической культуры в Румынской Народной Республике» (цит. по: [Михальчи, 1952, с. 101]).

Э. Петрович в качестве основной задачи румынских языковедов определил «борьбу за применение сталинского учения, за новое направление исследований в области языкознания, а также борьбу с остатками идеалистических теорий в языкознании» [Труд И.В. Сталина..., 1952, с. 134].

К числу приоритетных направлений относились изучение и совершенствование общенационального языка. Как показано Д.Е. Михальчи, эти задачи должны реализовываться путем завершения редактирования и издания «Атласа румынского языка», исследования воп-

росов румынско-славянских отношений, составления грамматики румынского языка, а также сравнительной грамматики русского и румынского языков, составления двуязычных словарей, Академического словаря румынского языка [Михальчи, 1952, с. 100–101].

В июле 1951 г. была проведена вторая сессия Отделения языка, литературы и искусства. Доклады были посвящены реализации идей И.В. Сталина в румынском языкознании: «Язык – создание народа», «Учение И.В. Сталина о языке и задачи языковедных институтов Академии РНР», «Развитие советского языкознания после опубликования труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”», «Об орфографии румынского языка», «Преподавание румынского языка в школе», «Основы преподавания иностранных языков в СССР и роль лингвистов в повышении уровня преподавания русского языка в РНР», «О технической терминологии», «Значение работ И.В. Сталина о языке для развития литературы в РНР» (подробно о работе сессии см.: [Михальчи, 1952, с. 101]).

Для ознакомления с основными постулатами новой лингвистической концепции на румынский язык были переведены статьи и книги советских лингвистов, широко освещалась работа Института языкознания АН СССР и других лингвистических институтов. Публикации по этой тематике были представлены в ведущих журналах «Lupta de clasa» («Борьба классов»), «Contemporanul» («Современник»), «Cum vorbim» («Как мы говорим») и др. В них были впоследствии опубликованы статьи румынских ученых, отражающие новые задачи румынского языкознания [Труд И.В. Сталина..., 1952, с. 133].

Показательной в контексте нашего исследования представляется статья Э. Петровича «Influenta binefacatoare a lingvisticii sovietice asupra lingvisticii din patria noastra» («Благотворное влияние советского языкознания на языковедческую деятельность в Румынской Народной Республике») [Petrovici, 1953, p. 7–12]. Во-первых, в ее названии уже содержится положительная оценка влияния советской лингвистики. Во-вторых, принимая важнейшие направления деятельности советских лингвистов за основополагающие, Э. Пет-

рович указывает на следующее: «...lingviștii trebuie contribuie la ridicarea învățământului limbilor la răspândirea în cât mai largi mase a cunoașteri cât mai perfecti a normelor limbii literare naționale, la fixarea și perfecționarea acestor norme pentru ca limba națională să-și poată îndeplini cu tot mai mare succes funcția de “instrument de luptă și de dezvoltare a societății” în condițiile construirii socialismului în patria noastră» [Petrovoci, 1953, p. 9] – ...лингвисты должны способствовать повышению языкового образования среди широких масс населения, для того чтобы они владели совершенными нормами национального литературного языка, закреплению и совершенствованию этих норм; это необходимо для того, чтобы национальный язык смог в большей степени успешно выполнять функции инструмента «борьбы и развития общества» в условиях строительства социализма в нашей стране.

Далее в статье, со ссылками на достижения советской лингвистики и с названием конкретных языковых проектов, например такого, как создание грамматики русского языка, говорится о том, что румынские языковеды подготовили и провели в жизнь реформу орфографии, издали новый орфографический словарь и сейчас готовят к печати словарь современного литературного румынского языка. Автор обращается к конкретным задачам Института лингвистических исследований г. Бухареста, к их числу относится изучение современного литературного румынского языка, чем ранее, по его мнению, лингвисты пренебрегали. В связи с этим Э. Петрович считает необходимым изучение языка произведений румынских классиков, актуальным ему представляется рассмотрение индивидуального стиля: «Institutul de lingvistică din București are în plan studiul problemei formării limbii române literare contemporane, studio în lăgi înainte. În legătură cu aceasta v trebui studiată limba scriitorilor noștri clasici, problema stilului individual al scriitorilor, a felului cum fiecare din ei folosește limba întregului popor în scopuri literare, artistice» [Petrovoci, 1953, p. 11].

Главной задачей румынского языкознания Э. Петрович считал изучение румынского языка и его истории, что тесно связано с историей румынского народа, в частности с историей формирования его как нации:

«O problemă capitală a lingvisticii române este studiul formării limbii române și studiul istoriei limbii române, ... în strânsă egătură cu historia poporului roman, cu historia formării lui ca popor și ca națiune» [Petrovoci, 1953, p. 11].

Поставленные задачи способствовали развитию социолингвистики. Признавая ее научной дисциплиной в рамках языкознания, румынские лингвисты тем не менее представляли ее содержание и объект исследования по-разному.

По мнению Т. Слама-Казаку (Т. Slama-Cazaku) (1920–2011), основной постулат социолингвистики заключается в том, что язык, как и «все человеческие действия, носит отпечаток социального контекста; в свою очередь язык, как средство коммуникации, является составным элементом социальной группы, единство которой он и определяет» (цит. по: [Бахнян, 1977, с. 8]). Важным является положение о языке как о средстве коммуникации, а также о роли языка в единстве социальной группы, под которой в глобальном масштабе можно понимать государство. Следовательно, общенациональный язык рассматривается как общий и единый для всех классов общества.

Определяющим единый национальный язык можно считать высказывание известного румынского лингвиста А. Граура (А. Graur): «Румынский язык – это национальный язык всего румынского народа» (цит. по: [Bochmann, 1980, S. 23]). Полагаем, что данная цитата может служить дополнительной иллюстрацией основного содержания лингвистики тоталитарного общества, направленного на создание единства нации и языка.

Подробный обзор работ румынских лингвистов середины XX в., изучающих взаимодействие языка и общества, дан известным исследователем руманистики К.В. Бахняном (1977). Ученый приводит мнение Л. Ионеску-Рукседою (L. Ionescu-Ruxăndoiu) о том, что социолингвистику следует соединить с прикладными аспектами и «составить единое целое с описательным направлением», анализирует позицию И. Стана (I. Stan), который видел роль социолингвистики в решении конфликтных языковых проблем, например проблемы выбора официального или государственного языка, проблему билингвизма, а также

характеризует точку зрения других представителей румынского языкознания, Ш. Цикелю (S. Ticaloui), В. Кармель (V. Caramelea), считавших язык составным элементом культуры, включенным в структуру социальных отношений [Бахнян, 1977, с. 8–10].

Основные проблемы, рассматривавшиеся языковедами социалистической Румынии, сводились к влиянию экстралингвистических факторов на процесс территориального объединения румынского народа и интеграции его языка в прошлом; соотношению индивидуальных особенностей и социальных факторов в развитии речи; отношению между биологическими и социальными аспектами; специфике детской речи; роли языка в становлении личности, формировании письменных и устных культур, социальной диалектологии и др. [Бахнян, 1977, с. 15–16].

Многие из этих направлений получили государственную поддержку. Так, для изучения диалектов румынского языка был создан Центр фонетических и диалектологических исследований Бухареста, где проводились исследования взаимодействия литературного языка и диалекта в речи носителей диалекта [Bochmann, 1980, S. 28–29].

Отметим масштабность социолингвистических исследований. В библиографии, составленной К.В. Бахняном, по социолингвистике за период 1965–1977 гг. опубликовано 112 работ 72 авторов [Бахнян, 1977].

Развивая идеи взаимоотношения классов и общего языка, румынские лингвисты придавали языку «индифферентный характер по отношению к классам, однако считали, что классы используют язык в своих интересах и придают языку тот оттенок, который им подходит» (цит. по: [Bochmann, 1980, S. 23]). Этот оттенок языка проявляется прежде всего в арго и жаргоне, а также в диалектизмах, он негативно сказывается на языке и ввиду этого подлежит искоренению. Преодолению негативных тенденций в развитии общенационального языка должна была способствовать работа по его нормализации, обусловленная наличием многих вариантов словарной кодификации стандартизованного языка, пробелами в нормативном законодательстве, изменениями в языке.

Вопросы взаимодействия языка и культуры были в ведении государства. Данное

направление государственной языковой политики реализовалось посредством специальных языковедческих институтов и комиссий, проводивших обширные общественные кампании. В 1971 г. Президиумом Академии наук была создана специальная комиссия по защите языка, в ее задачу входили «исследования по проблематике взаимоотношений языка и культуры в социалистическую эпоху и разработка рекомендаций по правильному использованию национального языка» [Бахнян, 1977, с. 31–32].

Установление литературной нормы проходило в тесной взаимосвязи с вопросом о литературном языке. Эта проблематика нашла свое отражение в общественной жизни страны – в газетных и журнальных публикациях. Благодаря СМИ в обиход вошло выражение *cultivarea limbii* (культивирование языка), которым обозначалась борьба за правильную устную и письменную речь [Munteanu, Şuteu, 2006, S. 1440].

Пристальное внимание государства к языковому нормированию способствовало вовлечению в эту работу практически всех лингвистов страны, что привело к появлению большого количества научных трудов по данной теме. Основными исследовательскими проблемами стали правильное или излишнее использование неологизмов в стандартной речи, семантическая корректность употребления отдельных лексем, признание использования жаргонизмов в молодежном языке и пр. [Bochmann, 1989, S. 249–250]. В качестве примера приведем названия известных изданий А. Граур в этой области: «*Cultivarea limbii, culegere de articole*», 1964 («Сборник статей по вопросам культуры речи на румынском языке и привития навыков правильной речи учащимся средней школы Румынии»), «*Limba corectă*», 1963 («Вопросы культуры речи»).

Выводы

Таким образом, учитывая укоренившуюся в общественном сознании отрицательную коннотацию слова *тоталитарный*, отметим, что «тоталитарная» лингвистика не является отрицанием заслуг лингвистов Албании и Румынии тоталитарного периода. Ее тоталитарность проявляется в контроле над деятельностью лингвистов со стороны государства, в социальном (политическом) заказе исследова-

ний в лингвистической сфере, в идеологической заданности подходов и оценок. Роль тоталитарного государства в «тоталитарной» лингвистике представляет собой симбиоз конструктивных и деструктивных влияний. С одной стороны, влияние тоталитарной идеологии препятствует поступательному развитию лингвистики в соответствии с ее имманентными закономерностями. С другой стороны, практическая ориентация лингвистических исследований вносит большой вклад в разработку ряда теоретических аспектов общего языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахнян К. В., 1977. Социоллингвистика в Румынии: (1965–1975): Научно-аналитический обзор. М. : ИНИОН. 48 с.
- Десницкая А. В., 1968. Албанский язык и его диалекты. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние. 380 с.
- Костева В. М., 2013. «Тоталитарная» лингвистика и ее проявление в языковой политике. М. : МПГУ. 128 с.
- Михальчи Д. Е., 1952. Румыния // Вопросы языкознания. № 4. С. 99–102.
- Сухотин В. П., Косталари А., 1953. Основные проблемы албанского языкознания // Вопросы языкознания. № 4. С. 90–98.
- Труд И.В. Сталина..., 1952. Труд И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и историческая наука в европейских странах народной демократии. Румыния / К. И. Козырина, Н. Д. Ратнер, И. Я. Госин, Е. М. Кан, И. И. Орлик, К. Р. Каменецкая // Вопросы истории. № 8. С. 133–135.
- Ходжа Э., 1980. Наша интеллигенция растет и развивается в гуще народа (Из речи на встрече с представителями интеллигенции столицы) (25 октября 1962 г.) / Э. Ходжа // Избранные произведения. Т. 3 (июнь 1960 – октябрь 1965). Тирана : 8 НЕНТОРИ. С. 424–475. URL: <http://www.enverhoxha.ru> (дата обращения: 10.11.2017).
- Beci B., 2014. Rreth librit Dialektet e shqipes. Nga 27.04.2014. URL: <http://gazeta55.al/rreth-librit-dialektet-e-shqipes/> (date of access: 16.07.2017).
- Bochmann K., 1980. Die Herausbildung soziolinguistischer Betrachtungsweisen in der rumänischen Sprachwissenschaft // Soziologische Aspekte der rumänischen Sprache. Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1980. S. 9–34.
- Bochmann K., 1989. Sprachnormierung und Standardsprache // Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. III. S. 239–251.
- Fiedler W., 2006. Einführung in die Albanologie. Meißen (own author Vorläufige Version unvollständig). 143 S. URL: <https://ru.scribd.com/document/105313502/Einfuehrung-in-die-Albanologie> (date of access: 15.12. 2017).
- Kananaj A., 2015. The impact of the totalitarian ideology in Albanian grammatology // International Journal of Multidisciplinary Research and Development. Vol. 2, iss. 6. P. 137–140. URL: <http://www.allsubjectjournal.com> (date of access: 09.05.2017).
- Kostallari A., 1974. Drejtshkrimi i gjuhës shqipe. Tirane. URL: <https://sites.google.com/site/keshilltarijuaj/rregullat-e-drejtshkrimit> (date of access: 07.11.2017).
- Muntenau E., Şuteu F., 2006. Sprachplanung, Sprachlenkung und institutionalisierte Sprachpflege: Rumänisch // Romanische Sprachgeschichte. Histoire blinguistique de la Romania / Ernst G, Gleßgen M.-D., Schmitt Ch., Schweickard W. (Hrsg.). Berlin ; New York : Walter de Gruyter. Teil 2. S. 1440–1445.
- Petrovoci E., 1953. Influenta binefacatoare a lingvisticii sovietice asupra lingvisticii din patria noastra // Studii şi cercetări lingvistice. Bucureşti : Institutul de Lingvistică. T. IV. P. 7–12.

REFERENCES

- Bakhnyan K.V., 1977. *Sociolinguistics in Romania: (1965-1975). The research and analytical review*. Moscow, INION Publ. 48 p.
- Desnitskaya A.V., 1968. *The Albanian language and its dialects*. Leningrad, Nauka Publ. 380 p.
- Kosteva V.M., 2013. *“Totalitarian” linguistics and its expression in the language policy*. Moscow, MPGU Publ. 128 p.
- Mikhalchi D.E., 1952. Romania. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 99-102.
- Sukhotin B.P., Kostalari A., 1953. The main problems of the Albanian linguistics. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 90-98.
- Kozyrina K.I., Ratner N.D., Gosin I.Ya., Kan E.M., Orlik I.I., Kamenetskaya K.R., 1952. The Marxism and the problems of linguistics by Joseph Stalin, and the history in the European countries of people’s democracy. *Voprosy istorii*, no. 8, pp. 133-135.
- Khodzha E., 1980. Our intellectuals are growing and developing in the midst of the people (from the speech at the meeting with the representatives of the capital’s intellectuals) (October 25, 1962). *Selected works. Vol. 3. June 1960 – October 1965*. Tirana, 8 NENTORI Publ., pp. 424-475. URL: <http://www.enverhoxha.ru>. (accessed 10 October, 2017).

- Beci B., 2014. *Rreth librit Dialektet e shqipes. Nga 27.04.2014*. URL: <http://gazeta55.al/rreth-librit-dialektet-e-shqipes/>. (accessed 16 July 2017)
- Bochmann K., 1980. Die Herausbildung soziolinguistischer Betrachtungsweisen in der rumänischen Sprachwissenschaft. *Soziologische Aspekte der rumänischen Sprache*. Leipzig, VEB Verlag Enzyklopädie, pp. 9-34.
- Bochmann K., 1989. Sprachnormierung und Standardsprache. *Lexikon der Romanistischen Linguistik*. Vol. III, pp. 239-251.
- Fiedler W., 2006. *Einführung in die Albanologie. Meißner (own author Vorläufige Version unvollständig)*. 143 p. URL: <https://ru.scribd.com/document/105313502/Einführung-in-die-Albanologie>. (accessed 15 December 2017).
- Kananaj A., 2015. The impact of the totalitarian ideology in Albanian grammarology. *International Journal of Multidisciplinary Research and Development*, vol. 2, iss. 6, pp. 137-140. URL: <http://www.allsubjectjournal.com>. (accessed 9 May 2017).
- Kostallari A., 1974. *Drejtshkrimi i gjuhës shqipe. Tirane*. URL: <https://sites.google.com/site/keshilltarijuaj/rregullat-e-drejtshkrimit>. (accessed 7 November 2017).
- Muntenau E., Şuteu F., 2006. Sprachplanung, Sprachlenkung und institutionalisierte Sprachpflege: Rumänisch. Ernst G, Gleßgen M.-D., Schmitt Ch., Schweickard W., eds. *Romanische Sprachgeschichte. Histoire blinguistique de la Romania*. Berlin; New York, Walter de Gruyter, vol. 2, pp. 1440-1445.
- Petrovoci E., 1953. Influenta binefacatoare a lingvisticii sovietice asupra lingvisticii din patria noastra. *Studii şi cercetări lingvistice*. Bucureşti, Institutul de Lingvistică, vol. IV, pp. 7-12.

Information about the Author

Viktoriya M. Kosteva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Foreign Affairs Advisor to the Rector, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, vmkosteva@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5700-1544>

Информация об авторе

Виктория Михайловна Костева, кандидат филологических наук, доцент, советник по внешним связям при ректорате, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, vmkosteva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5700-1544>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.14>

UDC 811.111'37
LBC 81.432.1-002

Submitted: 09.02.2018
Accepted: 10.04.2018

**A COMPARATIVE DIACHRONICAL ANALYSIS
OF THE CONCEPT *TOLERANCE*
IN THE ENGLISH LANGUAGE SPEAKERS CONSCIOUSNESS**

Nadezhda A. Nerovnaya

Military Educational and Scientific Center of the Air Force N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin Air Force Academy,
Voronezh, Russia

Abstract. The article is devoted to semantic and cognitive analysis of the tolerance concept in the English language native speakers' consciousness. A comparison of the data on tolerance obtained in publicist texts in 2007-2009 and in 2014-2016 revealed stable cognitive signs which proves the supposition that the concept under study is deeply rooted in the consciousness of native speakers of the English language. However, new cognitive signs and the signs which were not detected in 2007-2009, were noticed, thus pointing to reinterpretation of the tolerance concept. The field stratification of the concept was based on a traditional model with a nuclear and close, far, extreme periphery zones, into which the means that denote tolerance were included, whereas they are thought being different by the cognitive index of brightness. The studies highlighted one important trend – the increase index of negative appraisalment which is the testimony to the fact that the attitude of the English language native speakers to the concept under investigation has negatively changed. The author comes to the conclusion that the concept is communicatively relevant and dynamic. The positive appraisalment in the concept 'tolerance' structure prevails.

Key words: concept, semantics, language consciousness, cognitive sign, objectivation, field stratification, index of brightness, tolerance.

Citation. Nerovnaya N.A. A Comparative Diachronical Analysis of the Concept *Tolerance* in the English Language Speakers Consciousness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 126-133. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.14>

УДК 811.111'37
ББК 81.432.1-002

Дата поступления статьи: 09.02.2018
Дата принятия статьи: 10.04.2018

**СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Надежда Александровна Неровная

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Россия

Аннотация. Статья посвящена семантико-когнитивному изучению концепта «толерантность» в английском языковом сознании на материале публицистических текстов, посвященных проблеме толерантности, которые были размещены на сайтах англоязычных СМИ в 2014–2016 годах. Эти результаты сопоставлены с результатами исследования автора, проведенного на материале публикаций 2007–2009 годов. В ходе анализа выявлены стабильные когнитивные признаки, представленные в публикациях обоих временных срезов и свидетельствующие об укороении данного концепта в сознании носителей языка, а также новые когнитивные признаки и признаки, не получившие отражения в публицистических текстах 2014–2016 гг., их наличие является доказательством переосмысления концепта. С учетом полученных новых данных и в зависимости от индекса яркости когнитивных признаков осуществлена полевая стратификация концепта «толерантность» –

выделено ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии. Показано возрастание негативной оценочности когнитивных признаков концепта, свидетельствующее о смещении отношения к толерантности в отрицательную сторону. Сделан вывод о коммуникативной релевантности, динамичности концепта «толерантность» и о преобладании в его структуре признаков, отражающих его позитивную оценку в английском языковом сознании.

Ключевые слова: концепт, семантика, языковое сознание, когнитивный признак, объективация, полевая стратификация, индекс яркости, толерантность.

Цитирование. Неровная Н. А. Содержание концепта «толерантность» в английском языковом сознании: динамический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 126–133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.14>

Введение

Изучение концепта «толерантность» в отечественной лингвистике имеет определенные достижения: описана его структура [Ли Же, 2009], он охарактеризован в лингвокультурном [Сумина, 2007] и когнитивно-дискурсивном [Аболин, 2006] аспектах. Цель нашей работы – выявить изменения содержания концепта «толерантность» в английском языковом сознании. В 2007–2009 гг. нами было проведено обширное исследование данного концепта; результаты нашли отражение в публикациях (см., например: [Неровная, 2008]) и обобщены в кандидатской диссертации «Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов “толерантность”, “терпимость” в русском и английском языковом сознании)» [Неровная, 2009]. Кроме того, в 2016 г. нами был проведен сравнительный анализ содержания концепта «толерантность» в русском языковом сознании в динамическом аспекте, что позволило выявить ряд его существенных изменений и закономерностей развития [Неровная, 2017].

В 2007–2016 гг. значительные перемены затронули практически все сферы жизни населения европейских стран. Страх перед терроризмом, отсутствие единства в обществе и социальные беспорядки привели к тому, что все чаще высказывается мнение о проявлении излишней толерантности по отношению к меньшинствам в ущерб правам большинства. Толерантность стала рассматриваться как причина социальных проблем, признак слабости и социальных беспорядков [Dobbernack, Modood, 2012, p. 8].

Мы предположили, что эти явления оказали влияние на содержание данного концеп-

та в английском языковом сознании и его номинативное поле может содержать объективации, не зафиксированные в ходе исследования, проведенного нами в 2007–2009 гг., и что они могут изменить структуру концепта и его оценочную характеристику.

Методика исследования

Исследование выполнено в русле семантико-когнитивного направления лингвистики, которое, согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, рассматривает лексическую и грамматическую семантику языка как средство доступа к содержанию концептов, соотношение семантических процессов с когнитивными [Попова, Стернин, 2007а, с. 12–13].

Для подтверждения гипотезы мы проанализировали публицистические тематические тексты, посвященные проблеме толерантности, которые размещены на сайтах новостного портала BBC, газет «The Daily Mail», «The Independent», «The Telegraph» в 2014–2016 годах. Всего было обнаружено 582 документа и 610 контекстов употребления лексемы *tolerance*. В связи с тем что некоторые примеры содержали больше чем одну объективацию изучаемого концепта, было выделено 636 объективаций концепта «толерантность». Полученные объективации были подвергнуты когнитивной интерпретации, в результате которой выделено 53 когнитивных признака, а также вычислен их индекс яркости. Под когнитивным признаком, согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, понимается «отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания» [Попова, Стернин, 2007б, с. 90]. Объективации – это «любые номинации ис-

следуемого концепта, включая окказиональные, индивидуально-авторские, описательные» [Попова, Стернин, 2007б, с. 126]. Индекс яркости вычислялся как отношение количества объективаций, входящих в данный когнитивный признак, к общему количеству объективаций в текстах [Попова, Стернин, 2007б, с. 121].

Например, когнитивный признак 'выражается по отношению к негативным явлениям' представлен 52 объективациями, которые составляют примерно 8 % от общего количества объективаций (636), установленных в ходе настоящего исследования: *tolerance for human death – 3; for ambiguity, of alcohol-fuelled behavior, for feelings of uncertainty, of anti-social behavior, for abuse – 2; to conflict, for non-stop music, for critics, for the arrival of thousands of Kurds, for regressive practices in other cultures, for repugnant practices in other cultures, for hypocrisy, for boredom, for the consequences of war, of failure, to stalkerish behavior, of predatory attitudes towards women, for marriage of convenience, for internecine nastiness, of displays of scantily dressed women, to loose arrangements, of totalitarian behavior, to disparaging remarks, of bigotry, for hateful public display, for our degree of economic inequality, to oligarchy, for a racist message, for laziness, for vulnerable individuals, for violence, for domestic political dissent, of Russia's aggression, for mob violence, for unequal access to the resources, for controversy, of the sensations of anxiety, for blood, for guts, for dead giants, for hallmarks of grim medieval battle, for misbehavior, for failure, for controversy – 1.*

Далее было осуществлено сравнение полученных результатов с данными анализа англоязычных публицистических тематических текстов, размещенных на указанных сайтах в 2007–2009 годах.

Результаты и обсуждение

Проведенное сравнение позволило сделать ряд выводов.

1. Общее количество объективаций увеличилось (636 против 478), а количество когнитивных признаков, наоборот, уменьшилось

(52 против 67). Это свидетельствует о расширении содержания концепта, его большей структуризации: упорядочивании групп вербальных единиц, выражающих тот или иной когнитивный признак, а следовательно, о конкретизации смысла концепта в сознании носителей английского языка.

2. Совпадают следующие 10 когнитивных признаков: 'обязанность человека', 'воспитывается с помощью разных педагогических приемов', 'признание права на свободное вероисповедание', 'принятие многообразия форм самовыражения', 'проявление культуры', 'проявляется в сфере политики', 'проявляется по отношению к другому', 'является необходимой людям', 'социально-политическое требование', 'проявляется во взаимности'. Такие сохраняющиеся признаки, отражающие укоренение данного концепта в сознании носителей языка, мы предложили называть стабильными [Неровная, 2017, с. 40].

3. Среди перечисленных стабильных когнитивных признаков повысили яркость такие признаки, как 'признание права на свободное вероисповедание' (индекс яркости (далее – ИЯ) изменился с 0,01 на 0,03), 'воспитывается с помощью разных педагогических приемов' (ИЯ изменился с 0,01 на 0,02), 'проявляется по отношению к другому' (ИЯ изменился с 0,03, на 0,10). Данный факт свидетельствует в пользу повышения структурной значимости этих когнитивных признаков концепта в сознании носителей языка. Остальные стабильные признаки не изменили свой ИЯ: он остался на уровне 0,01.

4. Новыми когнитивными признаками, выявленными в ходе исследования, стали следующие 45 признаков (в скобках указан ИЯ): 'может отсутствовать по отношению к нарушению закона' (0,16), 'может проявляться в разной степени' (0,10), 'выражается по отношению к негативным явлениям' (0,09), 'ее распространяют разными способами' (0,08), 'проявляется в сфере религии' (0,05), 'является добродетелью' (0,04), 'выражается по отношению к нарушениям закона' (0,03), 'нуждается в защите' (0,03), 'демонстрируется' (0,03), 'есть в Великобритании' (0,03), 'является предметом гордости' (0,02), 'проявляется во взаимности' (0,01), 'от нее отказывают'

ся' (0,01), 'находится под угрозой' (0,01), 'ее недостаточно' (0,01), 'является посланием' (0,01), 'является негативным качеством' (0,01), 'обсуждается' (0,01), 'является предметом веры' (0,01), 'имеет пассивное проявление' (0,01), 'доставляет удовольствие' (0,01), 'проявляется в сфере образования' (0,01), 'обладает историей' (0,01), 'есть в Канаде' (0,01), 'есть на Западе' (0,01), 'проявление культуры' (0,01), 'проявляется по отношению к другой культуре' (0,01), 'проявляется по отношению к риску' (0,01), 'обладает стандартом' (0,01), 'проявляется в отношениях' (0,01), 'обладает символами' (0,01), 'не допускается по отношению к другому мнению' (0,01), 'есть в США' (0,01), 'создает репутацию' (0,01), 'проявляется по отношению к работе' (0,01), 'пользуется любовью' (0,01), 'подвергается разрушению' (0,01), 'приводит к положительному результату' (0,01), 'проявляется властями' (0,01), 'вызывает уважение' (0,01), 'проявление человечности' (0,01), 'обладает преимуществами' (0,01), 'является основой будущего' (0,01).

5. В текстах 2014–2016 гг. не были зафиксированы признаки, выявленные в ходе анализа текстов, опубликованных в 2007–2009 гг.: 'уважительное отношение к многообразию' (0,12), 'проявление доброты' (0,06), 'отсутствие предвзятости' (0,06), 'положительное отношение к многообразию' (0,04), 'признание равенства' (0,04), 'снисходительность, мягкость по отношению к другому' (0,03), 'проявление нравственности' (0,03), 'понимание многообразия форм самовыражения' (0,03), 'готовность мирно сосуществовать с другим' (0,02), 'допущение многообразия форм самовыражения' (0,02), 'признание многообразия форм самовыражения' (0,02), 'смирение с чем-л. неприятным' (0,02), 'обусловлена уважением прав человека' (0,02), 'проявляется в свободе' (0,02), 'умение ценить многообразие' (0,02), 'осознание многообразия' (0,01), 'отказ от вмешательства в личную жизнь' (0,01), 'отказ от осуждения действий кого-л.' (0,01), 'отрицание абсолютизма' (0,01), 'отсутствие дискриминации' (0,01), 'отсутствие догматичности' (0,01), 'отсутствие надоедливости' (0,01), 'отсутствие оппозиции многообразию' (0,01), 'отсутствие принуждения' (0,01), 'предостав-

ление шанса' (0,01), 'приводит к единению' (0,01), 'приобретенное качество' (0,01), 'проявление вежливости' (0,01), 'проявление любви' (0,01), 'проявление открытости' (0,01), 'проявляется в действии' (0,01), 'проявляется в способности прощать' (0,01), 'проявляется как гармония в различии' (0,01), 'проявляется как ментальное состояние' (0,01), 'проявляется по отношению к личности' (0,01), 'проявляется по отношению к мысли, замыслу' (0,01), 'свобода от фанатизма' (0,01), 'ассоциируется с сердцем' (0,01), 'вера в хорошее' (0,01), 'выражается в плюрализме' (0,01), 'выражается в поддержке многообразия' (0,01), 'выражается в цивилизованности' (0,01), 'способ эффективной борьбы с расизмом' (0,01), 'способность выживать' (0,01), 'способность делиться с другими' (0,01), 'является единственным абсолютом общества' (0,01), 'желание учиться у других' (0,01), 'имеет невысокую цену' (0,01), 'интерес к многообразию' (0,01), 'либеральное отношение к многообразию' (0,01), 'обусловлена наличием демократии' (0,01), 'обусловлена наличием независимости' (0,01). Такой результат свидетельствует о значительном снижении или утрате перечисленными когнитивными признаками их актуальности для носителей английского языка.

6. С учетом полученных данных концепт «толерантность» может быть структурирован как поле (см. таблицу). Критерием разграничения ядра и периферии является индекс яркости признака (совокупный индекс яркости когнитивных признаков концепта, образующих ядро или периферию, указан в скобках, процентное выражение количества когнитивных признаков определяется относительно общего количества когнитивных признаков концепта).

7. Исследование показывает изменение ядра концепта «толерантность»: если прежде его образовывал такой признак, как 'уважительное отношение к многообразию' (0,12) [Неровная, 2008, с. 85], то теперь ядро образуют когнитивные признаки 'может отсутствовать по отношению к нарушению закона' (0,16) и 'может проявляться в разной степени' (0,10). Данный факт свидетельствует об изменениях в осмыслении толерантности носителями английского языка.

Полевая структура концепта «толерантность»

№ п/п	Когнитивный признак	Индекс яркости
Ядро (0,26) 3,8 %		
1	Может отсутствовать по отношению к нарушению закона	0,16
2	Может проявляться в разной степени	0,10
Ближняя периферия (0,51) 21,2 %		
3	Выражается по отношению к негативным явлениям	0,08
4	Проявляется по отношению к другому	0,08
5	Ее распространяют разными способами	0,08
6	Проявляется в сфере религии	0,05
7	Является ценностью	0,04
8	Признание права на свободное вероисповедание	0,03
9	Является частью общества	0,03
10	Нуждается в защите	0,03
11	Демонстрируется	0,03
12	Есть в Великобритании	0,03
13	Выражается по отношению к нарушениям закона	0,03
Дальняя периферия (0,04) 3,8 %		
14	Является предметом гордости	0,02
15	Воспитывается с помощью разных педагогических приемов	0,02
Крайняя периферия (0,37) 71,2 %		
16	Проявляется во взаимности	0,01
17	От нее отказываются	0,01
18	Находится под угрозой	0,01
19	Ее недостаточно	0,01
20	Является посланием	0,01
21	Обсуждается	0,01
22	Является предметом веры	0,01
23	Является негативным качеством	0,01
24	Проявляется по отношению к риску	0,01
25	Доставляет удовольствие	0,01
26	Проявляется в сфере образования	0,01
27	Обладает историей	0,01
28	Есть в Канаде	0,01
29	Имеет пассивное проявление	0,01
30	Есть на Западе	0,01
31	Проявление культуры	0,01
32	Проявляется по отношению к другой культуре	0,01
33	Является необходимой людям	0,01
34	Принятие многообразия форм самовыражения	0,01
35	Обладает стандартом	0,01
36	Проявляется в отношениях	0,01
37	Социально-политическое требование	0,01
38	Обладает символами	0,01
39	Не допускается по отношению к другому мнению	0,01
40	Есть в США	0,01
41	Создает репутацию	0,01
42	Проявляется в сфере политики	0,01
43	Проявляется по отношению к работе	0,01
44	Пользуется любовью	0,01
45	Подвергается разрушению	0,01
46	Приводит к положительному результату	0,01
47	Средство борьбы с терроризмом	0,01
48	Обладает преимуществами	0,01
49	Вызывает уважение	0,01
50	Проявляется властями	0,01
51	Проявление человечности	0,01
52	Является основой будущего	0,01

8. В результате исследования установлено резкое возрастание негативно-оценочных признаков. Если в текстовом материале 2007–2009 гг. был зафиксирован только 1 негативно-оценочный признак в восприятии толерантности – ‘имеет невысокую цену’ (0,01), то в текстах 2014–2017 гг. их выявлено 11 (21,0 % от общего количества (52) признаков, зафиксированных в 2014–2016 гг.). Это такие признаки, как ‘может отсутствовать по отношению к нарушению закона’ (0,16), ‘выражается по отношению к негативным явлениям’ (0,08), ‘выражается по отношению к нарушениям закона’ (0,03), ‘нуждается в защите’ (0,03), ‘от нее отказываются’ (0,01), ‘находится под угрозой’ (0,01), ‘ее недостаточно’ (0,01), ‘является негативным качеством’ (0,01), ‘не допускается по отношению к другому мнению’ (0,01), ‘имеет пассивное проявление’ (0,01), ‘подвергается разрушению’ (0,01). Особенно важным является тот факт, что негативную оценочность имеет признак ‘может отсутствовать по отношению к нарушению закона’ (0,16), характеризующийся наибольшим индексом яркости и образующий ядро исследуемого концепта. Сам факт того, что толерантность может отсутствовать, несет негативную коннотацию в западной культуре. Если раньше такие словосочетания, как *zero tolerance, no tolerance*, встречались довольно редко, то в последнее время частотность их употребления возросла. Это свидетельствует о более критичном отношении носителей языка к такому явлению, как толерантность, и смещении отношения к нему в сторону негативной оценки.

9. Когнитивных признаков, имеющих позитивную оценку, выявлено 23 (35 % от общего количества (66) признаков, зафиксированных в 2014–2016 гг.): ‘проявляется по отношению к другому’ (0,08), ‘ее распространяют разными способами’ (0,08), ‘проявляется в сфере религии’ (0,05), ‘является ценностью’ (0,04), ‘признание права на свободное вероисповедание’ (0,03), ‘является предметом гордости’ (0,02), ‘воспитывается с помощью разных педагогических приемов’ (0,02), ‘проявляется во взаимности’ (0,01), ‘является предметом веры’ (0,01), ‘доставляет удовольствие’ (0,01), ‘проявление культуры’ (0,01), ‘проявляется по отношению к другой культуре’ (0,01), ‘является необходимой людям’ (0,01), ‘приня-

тие многообразия форм самовыражения’ (0,01), ‘обладает стандартом’ (0,01), ‘социально-политическое требование’ (0,01), ‘пользуется любовью’ (0,01), ‘приводит к положительному результату’ (0,01), ‘средство борьбы с терроризмом’ (0,01), ‘обладает преимуществами’ (0,01), ‘вызывает уважение’ (0,01), ‘проявление человечности’ (0,01), ‘является основой будущего’ (0,01).

10. Неоценочный слой составляют 18 (27 % от общего количества) когнитивных признаков, таких как ‘может проявляться в разной степени’ (0,10), ‘является частью общества’ (0,03), ‘демонстрируется’ (0,03), ‘есть в Великобритании’ (0,03), ‘является посланием’ (0,01), ‘обсуждается’ (0,01), ‘проявляется по отношению к риску’ (0,01), ‘проявляется в сфере образования’ (0,01), ‘обладает историей’ (0,01), ‘есть в Канаде’ (0,01), ‘есть на Западе’ (0,01), ‘проявляется в отношениях’ (0,01), ‘обладает символами’ (0,01), ‘есть в США’ (0,01), ‘создает репутацию’ (0,01), ‘проявляется в сфере политики’ (0,01), ‘проявляется по отношению к работе’ (0,01), ‘проявляется властями’ (0,01).

Выводы

Высокая текстовая рекуррентность, обширное номинативное поле, а также объемное и разнообразное когнитивное содержание, позволяющее выделить ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии, свидетельствуют о том, что исследуемый концепт имеет выраженную коммуникативную значимость и актуален для английского языкового сознания. Результаты проведенного сравнения, позволившего нам обнаружить стабильные когнитивные признаки, свидетельствуют об укоренении концепта в сознании носителей английского языка. Тем не менее тот факт, что в ходе исследования было выявлено большое количество новых когнитивных признаков и не зафиксированы ранее установленные признаки, указывает на динамичность концепта, который подвергается переосмыслению. Глубокие социально-экономические и политические изменения в жизни Европы, по-видимому, обусловили изменение отношения носителей английского языка к толерантности в отрицательную сторону. Однако в целом позитивная оценка преобладает, следовательно, концепт «толеран-

тность» в сознании носителей английского языка является позитивно-оценочным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аболин Б. И., 2006. Компоненты языковой модели толерантного отношения (на материале ядерных репрезентантов концепта «толерантность» в русском языке) // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности : материалы Всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность». Екатеринбург : Изд-во Урал. пед. ун-та. С. 6–10.
- Ли Же, 2009. Толерантность // Антология концептов : сб. науч. работ. Волгоград : Парадигма. Т. 7. С. 70–79.
- Неровная Н. А., 2008. Концепт «толерантность» в публицистических источниках на русском и английском языках // Вестник Воронежского университета. Серия: Филология и журналистика. № 2. С. 84–87.
- Неровная Н. А., 2009. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов толерантность, терпимость в русском и английском языковом сознании) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 252 с.
- Неровная Н. А., 2017. Диахроническое сравнение содержания концепта «толерантность» в русском языковом сознании // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. Т. 9, вып. 2. С. 39–46.
- Попова З. Д., Стернин И. А., 2007а. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки. 252 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А., 2007б. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад. 226 с.
- Сумина Е. С., 2007. Толерантность: от феномена к лингвокультурному концепту : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 21 с.
- Dobbernack J., Modood T., 2012. *Tolerance and cultural diversity in Europe: Theoretical perspectives and contemporary developments*. Florence : European University Institute. 35 p.

ИСТОЧНИКИ

- BBC. URL: <http://www.bbc.com> (date of access: 20.08.2016).
- The Daily Mail Online. URL: <http://www.dailymail.co.uk/home/index.html> (date of access: 18.09.2016).
- The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk> (date of access: 26.10.2016).
- The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk> (date of access: 15.11.2016).

REFERENCES

- Abolin B.I., 2006. Components of the language model of tolerant attitude (on the material of nuclear representatives of the concept 'tolerance' in the Russian language). *Problemy yazykovoy kontseptualizatsii i kategorizatsii deystvitelnosti: materialy Vseros. nauch. konf. «Yazyk. Sistema. Lichnost»*. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. Ped. Un-ta, pp. 6-10.
- Li Zhe, 2009. Tolerance. *Antologiya kontseptov: sb. nauch. rabot*. Volgograd, Paradigma Publ., vol. 7, pp. 70-79.
- Nerovnaya N.A., 2008. The concept 'tolerance' in the Russian and English language journalistic sources. *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Seriya: Filologiya i zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series, Philology. Journalism], no. 2, pp. 84-87.
- Nerovnaya N.A., 2009. *The national specificity of lexical and phraseological objectivation of concepts close in content (on the material of the concepts 'tolerance', 'indulgence' in the Russian and English language consciousness)*. PhD Thesis. Voronezh. 252 p.
- Nerovnaya N.A., 2017. Diachronic comparison of the concept 'tolerance' in the Russian consciousness. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], vol. 9, iss. 2, pp. 39-46.
- Popova Z.D., Sternin I.A., 2007a. *Semantic and cognitive analysis of language*. Voronezh, Istoki Publ. 252 p.
- Popova Z.D., Sternin I.A., 2007b. *Cognitive linguistics*. Moscow, AST; Vostok-Zapad Publ. 226 p.
- Sumina E.S., 2007. *Tolerance: from phenomenon to linguocultural concept. Abstract of PhD Thesis*. Ekaterinburg. 21 p.
- Dobbernack J., Modood T., 2012. *Tolerance and cultural diversity in Europe: Theoretical perspectives and contemporary developments*. Florence, European University Institute. 35 p.

SOURCES

- BBC. URL: <http://www.bbc.com> (accessed 20 August 2016).
- The Daily Mail Online. URL: <http://www.dailymail.co.uk/home/index.html> (accessed 18 September 2016).
- The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk> (accessed 26 October 2016).
- The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk> (accessed 15 November 2016).

Information about the Author

Nadezhda A. Nerovnaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Military Educational and Scientific Center of the Air Force N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin Air Force Academy, Starykh Bolshevikov St., 54a, 394064 Voronezh, Russia, mnerovnaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8782-0903>

Информация об авторе

Надежда Александровна Неровная, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», ул. Старых Большевиков, 54а, 394064 г. Воронеж, Россия, mnerovnaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8782-0903>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.15>

UDC 81'42:82-54
LBC 81.006

Submitted: 05.03.2018
Accepted: 20.04.2018

**SPEECH BEHAVIOUR
OF INTROVERT AND EXTROVERT PERSONALITY TYPES
IN THE PARLIAMENTARY DISCOURSE**

Olga V. Popova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The paper deals with the peculiarities of British politicians' speech behaviour in the frames of the parliamentary discourse. The research is based on the scripted monologic speeches and spontaneous dialogic speeches given by Prime Minister Teresa May and Labour Leader Jeremy Corbyn, during the PMQs session in the British Parliament on September 14, 2016. The first stage of the research is aimed at determining the levels of extraversion or introversion and emotionality of the speakers through the analysis of the non-verbal component of their speech behaviour such as eye contact with the audience, gestures and facial expressions when delivering scripted speeches in different situations – direct (in front of the audience) and mediated (on air) socially oriented communication. The methods of observation and comparison let refer the communicants to different psychological types: J. Corbyn's behaviour betrays the extrovert type of personality, while that of T. May demonstrates the characteristics of the introvert type. The second stage focuses on the speakers' verbal communication patterns when delivering spontaneous speech with the purpose of finding correlations between the psychological type of the speaker (extrovert or introvert, stable or emotional) and the preferred type of argumentation and strategies in debate. The analyzed material indicates the tendency of an extraverted type to rely on quotations and statistical data as a means of rational argumentation, while an introverted type tends to rely on subjective arguments gained through personal experience. The strategies of an extravert tend to be flexible, while the strategies of an introvert are characterized as rigid.

Key words: parliamentary discourse, argumentation, extraversion, introversion, temperament, speech activity, speech behaviour, speech strategy.

Citation. Popova O.V. Speech Behaviour of Introvert and Extrovert Personality Types in the Parliamentary Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 134-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.15>

УДК 81'42:82-54
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 05.03.2018
Дата принятия статьи: 20.04.2018

**ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ
ИНТРОВЕРТНОГО И ЭКСТРАВЕРТНОГО ТИПОВ
В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ**

Ольга Валентиновна Попова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируются особенности речевого поведения британских политиков в условиях парламентского дискурса. Материалом для изучения послужили подготовленные монологические и неподготовленные диалогические высказывания премьер-министра Великобритании Терезы Мэй и лидера лейбористов Джереми Корбина. Цель исследования – определить влияние интроверсии / экстраверсии и темперамента политиков на выбор типа аргументации и стратегий убеждения в ходе дискуссий и споров. Первый этап предполагал установление уровня экстраверсии и эмоциональной стабильности коммуникантов путем анализа их невербального поведения в ходе произнесения подготовленных монологических высказываний в ситуациях прямого (в присутствии зрителей) и опосредованного (перед телекамерами) социально

ориентированного общения. С помощью методов наблюдения и сопоставления было выявлено, что коммуниканты относятся к разным психологическим типам: поведение Дж. Корбина указывает на его принадлежность к экстравертному типу личности, в то время как Т. Мэй демонстрирует черты интровертного типа. Второй этап исследования предполагал анализ неподготовленных диалогических высказываний коммуникантов в условиях спонтанного речевого общения в ходе парламентской сессии вопросов к премьер-министру. Анализ материала убеждает в существовании определенных корреляций между типом личности и предпочитаемыми речевыми стратегиями и типом аргументации.

Ключевые слова: парламентский дискурс, аргументация, экстраверсия, интроверсия, темперамент, речевая деятельность, речевое поведение, речевая стратегия.

Цитирование. Попова О. В. Особенности речевого поведения личности интровертного и экстравертного типов в парламентском дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 134–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.15>

Введение

Профессиональная политическая речевая деятельность социально и коммуникативно ориентирована: прямая и опосредованная, монологическая и диалогическая, подготовленная и спонтанная, она осуществляется в публичном пространстве и становится объектом разных гуманитарных наук. Возможность наблюдения за речевым поведением политиков в различных ситуациях позволяет исследователю не только эмпирически диагностировать такие личностные черты, как интроверсия / экстраверсия и эмоциональная устойчивость / нейротизм, но и установить зависимость речевых стратегий от личностных свойств и, возможно, представить закономерные связи между доминантными речевыми стратегиями и типом личности.

Цель нашего исследования – определить влияние интроверсии / экстраверсии и эмоциональной устойчивости на вербальное поведение англоязычных политиков в ситуациях прямого и опосредованного социально ориентированного общения. Гипотеза заключается в том, что в зависимости от типа личности – интровертного или экстравертного – коммуниканты используют различные виды аргументации и стратегии убеждения в ходе дискуссий и споров.

Материалом для изучения послужили подготовленные монологические и неподготовленные диалогические выступления британских политиков: премьер-министра Терезы Мэй (Theresa May): 1) первая речь по вступлению в должность; 2) презентация проекта образовательной реформы и ответы на последующие вопросы аудитории; 3) дебаты по поводу образовательной реформы в ходе

традиционной сессии вопросов к премьер-министру в британском парламенте; а также выступление лидера оппозиции Джереми Корбина (Jeremy Corbyn) по окончании избирательной кампании на должность лидера лейбористской партии.

Выдвигая гипотезу, мы учитываем, что подготовленные выступления политиков (программные речи, обсуждения на митингах, заявления министров) не могут служить надежным источником информации о личности коммуниканта, поскольку политические деятели высшего ранга нередко прибегают к услугам личных помощников, спичрайтеров, специалистов по общественным связям и пр. Специфика личности наиболее ярко проявляется в спонтанных речевых актах, например в Question time – специфической сессии британского парламента, в ходе которой депутаты в устной форме задают вопросы премьер-министру или другим представителям правительства [Матвеева, Зюбина, Лесняк, 2016].

Формат таких встреч строго регламентирован: сессии вопросов к премьер-министру (Prime Minister's Question Time, или PMQs) проходят еженедельно по средам с 12.00 до 12.30. Список вопросов членов парламента подается заранее и публикуется в день заседания, вопросы задаются в случайном порядке, определенном компьютером. Этот порядок предполагает, что премьер-министр не знает заранее, на какой вопрос ему придется отвечать. Депутат, который первым задает вопрос по указанию спикера, начинает с формального вопроса о текущей деятельности премьера (engagements question), после чего может задать «дополнительный» (supplementary) вопрос на любую тему. Затем право задавать

вопросы переходит к лидеру оппозиции – это единственный член парламента, которому позволено задать более одного вопроса (но не больше шести) [UK Parliament Home Page]. Особенность британского парламентского дискурса – неукоснительное следование этикету, сложившемуся около двухсот лет назад, контроль за соблюдением которого осуществляется спикером. В частности, помимо запрета на использование оскорбительной лексики, действует правило обращения депутатов друг к другу исключительно в третьем лице с использованием таких формул вежливости, как *the Honourable gentleman, the Honourable lady* или *the Honourable Member for...*, с указанием избирательного округа парламентария; в отношении представителей собственной партии депутаты используют формулу *my Honourable friend*; министры именуется *the Right Honourable gentleman*. Обращение по имени и использование личного местоимения второго лица не допускается [Минаева, 2015].

Методика исследования

Согласно теории речевой деятельности, которая является методологической базой нашего исследования, всякое высказывание содержит в себе определенные отображенные элементы личности [Ермолаев, 1999; Леонтьев, 1997]. Одним из таких элементов, по мнению психологов, выступает параметр интроверсия / экстраверсия – «характеристика типических различий между людьми, крайние полюсы которой соответствуют преимущественной направленности человека либо на мир внешних объектов, либо на собственный субъективный мир» [Ильин, 2004, с. 134]. Понятия интроверсия / экстраверсия и нейротизм (эмоциональная неустойчивость) / стабильность (эмоциональная устойчивость) лежат в основе теории личности Г. Айзенка [Eysenck, 1970]. В соответствии с этой теорией людей можно разделить на четыре группы:

– стабильный интроверт (спокойный, уравновешенный, надежный, контролируемый, миролюбивый, внимательный, заботливый, пассивный);

– стабильный экстраверт (лидер, беззаботный, веселый, покладистый, отзывчивый, разговорчивый, дружелюбный, общительный);

– невротичный интроверт (легко поддающийся переменам настроения, тревожный, ригидный, рассудительный, пессимистичный, замкнутый, необщительный, тихий);

– невротичный экстраверт (ранимый, беспоконный, агрессивный, возбудимый, непостоянный, импульсивный, оптимистичный, активный).

Двухфакторная модель Г. Айзенка, используемая для определения типа личности, представляет собой пересечение двух ортогональных факторов – экстраверсии / интроверсии и эмоциональности / стабильности: «two orthogonal personality factors, extraversion / introversion and emotionality / stability» [Eysenck, 1970, с. 425]. Типы личности, выявляемые при помощи модели Айзенка, коррелируют с типами темперамента: эмоционально устойчивые типы соответствуют темпераментам сангвиника (экстраверт) и флегматика (интроверт); невротичные типы – темпераментам холерика (экстраверт) и меланхолика (интроверт). В тех случаях, когда показатели экстравертированности и нейротизма находятся на условном нуле, можно говорить о равновесном типе личности: у нее средние уровни возбуждения и торможения [Батаршев, 2001, с. 54]. Важно отметить, что экстраверсия и интроверсия, как и другие черты в понимании Г. Айзенка, представляют собой континуум, диапазон с верхним и нижним пределами, внутри которого можно расположить всех людей в зависимости от выраженности данного качества [Хьелл, Зиглер, 2003, с. 314–320].

Для определения основных черт личности Г. Айзенк разработал ряд опросников и психологических тестов, а также использовал такие методы, как самонаблюдение, исследование физических и физиологических параметров, анализ биографических сведений и экспертные оценки.

Существуют и другие эффективные способы диагностики темперамента. Такой способ, не требующий специального оборудования, был предложен Н.Н. Обозовым [Обозов, 1997]. Он предполагает изучение пятнадцати эмпирических признаков, таких как: 1) уравновешенность поведения; 2) уровень эмоционального переживания; 3) настроение; 4) речь; 5) терпение; 6) адаптация; 7) общительность; 8) агрессивность в поведении; 9) отношение к критике; 10) активность; 11) отношение к новому; 12) от-

ношение к опасности; 13) стремление к цели; 14) самооценка; 15) внушаемость. Каждому типу темперамента свойственна определенная степень выраженности каждого из этих признаков. Н.Н. Обозов выделил 15 эмпирических признаков, характеризующих тип темперамента, А.В. Батаршев предложил использовать ту же методику для дистантной диагностики [Батаршев, 2001, с. 22].

Координация ряда лингвистических исследований с психологическими методиками диагностирования темперамента и характера позволила выявить определенные корреляции экстраверсии / интроверсии с некоторыми особенностями коммуникативно-речевого поведения. По сравнению с экстравертами у интровертов замедленная, с длительными паузами речь [Ильин, 2004, с. 137]. Экстраверты чаще и с большей легкостью совершают фатические операции, в том числе с малознакомыми людьми. В рабочей обстановке интроверты обычно поддерживают чисто деловые связи, в то время как экстраверты стремятся к эмоционально-личностным отношениям. Экспериментально было установлено, что при повышенном эмоциональном напряжении у стабильных экстравертов увеличивается словарное разнообразие и длина устного высказывания, а у невротичных интровертов эта же ситуация приводит к стереотипности словаря и уменьшению длины высказываний [Гиль, 2000, с. 51–54].

Анализ речи британских политиков и психологическая диагностика методом опроса или объективного психологического теста далеко не всегда представляются возможными, поэтому мы определяем в качестве своей задачи установление корреляции между типом темперамента и характером речевой деятельности политиков, опираясь на модель Г. Айзенка и иные сведения, подтверждающие возможность такой корреляции.

Результаты и обсуждение

Охарактеризуем особенности речевого поведения коммуникантов в ситуации, когда они выступают с **подготовленной монологической** речью в схожих условиях, то есть в присутствии журналистов и телекамер.

Первая речь Терезы Мэй по вступлении в должность премьер-министра была произ-

несена 13 июля 2016 г. перед официальной резиденцией на Даунинг-стрит (II). Очевидно, что для политика, только что победившего на выборах, выступать впервые в таком знаковом месте – это новый опыт, сопряженный с высоким уровнем волнения. Первая речь Мэй производит впечатление тщательно отрепетированной: темп очень медленный, с акцентированными паузами. Взгляд направлен вверх и обращен в пространство, а не на присутствующих зрителей, оратор часто смотрит в текст речи. В моменты прямого обращения к зрителю взгляд оратора направлен в камеру, что также создает впечатление отрепетированного речевого поведения. Отсутствие жестикulyляции свидетельствует о некоторой скованности говорящего. Из этих внешних наблюдений можно заключить: ситуация прямого спонтанного социально ориентированного общения воспринимается коммуникантом как стрессовая, что свидетельствует о его интроверсии. Свойственная интровертам направленность на внутренний субъективный мир, преувеличенное ощущение собственной значимости отражается также в выборе языковых единиц. Выступление Т. Мэй характеризуется акцентированным использованием личного местоимения первого лица:

I have just been to Buckingham Palace, where Her Majesty The Queen has asked me to form a new government, and I accepted. – Я только что была в Букингемском дворце, где Ее Величество попросила меня сформировать новое правительство, и я согласилась (здесь и далее перевод наш. – О. П.).

В отличие от Т. Мэй, Дж. Корбин в своей победной речи по окончании кампании 2015 г., приведшей к избранию его лидером лейбористской партии (I), практически не обращается к своим записям, поддерживает зрительный контакт с аудиторией, темп его речи быстрый, манера уверенная. Благодаря своим сторонников и коллег по партии, участников избирательной кампании, Корбин называет их по именам и в некоторых случаях обращается к ним напрямую:

Tom, your man to do that. – Том тот человек, кто может это сделать;

Ed, thank you for all of that. – Эд, спасибо за все это.

Речь политика сопровождается активной жестикуляцией, подчеркивающей заинтересованность оратора в выступлении и реакции на него; вместе с тем коммуникант чутко отслеживает реакцию аудитории и точно на нее реагирует. Примечательна реакция оратора на помехи в виде аплодисментов: он ждет их окончания, не сбиваясь с мысли, и в некоторых случаях аплодирует вместе с аудиторией. Такие паралингвистические характеристики указывают на экстравертированность личности коммуниканта.

Пользуясь методом наблюдения и сопоставления по совокупности выявленных характеристик невербального поведения в различных ситуациях подготовленного и спонтанного общения, можно сделать вывод о том, что Тереза Мэй обладает меланхолическим темпераментом, который в классификации Г. Айзенка соответствует типу невротичного интроверта, а Джереми Корбин демонстрирует свойства эмоционально стабильного экстраверта, что позволяет охарактеризовать его как сангвиника.

Так как речевая деятельность социально обусловлена и по природе своей диалогична, продуцент, создавая целенаправленный текст, всегда думает о том, как он будет воспринят и какое воздействие окажет на реципиента. В процессе диалога, при непосредственном общении, у продуцента есть возможность следить за реакцией реципиента и при необходимости варьировать стратегии. Можно предположить, что у экстраверта для этого больше возможностей, поскольку постоянная направленность на мир внешних, зачастую изменчивых обстоятельств способствует большей гибкости и пластичности по сравнению с ригидными реакциями интроверта. Предпочтительный тип аргументации и выбор продуцентом наиболее эффективных средств воздействия на реципиента также может быть обусловлен типом личности. Интроверт, привыкший во всем полагаться на собственный опыт, будет приписывать свои стратегии восприятия и реципиенту, полагая, что то, что кажется убедительным ему, должно быть убедительно для всех. Экстраверт, вероятнее всего, будет полагаться на внешние источники информации: ссылаться на авторитетные мнения экспертов, приводить статистику, исторические примеры и пр.

Рассмотрим взаимодействие невротичного интроверта, которым, по-видимому, является Т. Мэй, с ее политическим оппонентом Дж. Корбином, по внешним признакам явным экстравертом, в ситуации **спонтанного речевого общения** во время сессии вопросов к премьер-министру, в ходе которой обсуждался представленный премьером проект образовательной реформы (IV). Суть предлагаемых изменений, направленных на повышение качества государственного среднего образования, заключается в следующем: 1) привлечение университетов к участию в школьном образовании путем спонсирования существующих или открытия собственных средних школ; 2) увеличение количества учащихся в религиозных школах (faith schools), в частности католических, за счет снятия ограничений на прием учащихся других конфессий; 3) стимулирование сотрудничества государственных школ с частными, в том числе в форме помощи в организации учебного процесса со стороны последних; 4) расширение деятельности так называемых грамматических школ (grammar schools), то есть финансируемых государством учебных заведений, практикующих отбор учащихся с одиннадцатилетнего возраста по критерию академической успеваемости (III).

Последний пункт вызвал наибольшее количество нареканий, поскольку такие школы в британском обществе зачастую рассматриваются как пережиток сегрегационной классовой системы школьного образования, существовавшей в Великобритании до конца 1960-х годов. В частности, лейбористская партия выразила резкий протест против предполагаемой реформы, о чем свидетельствует выступление ее лидера в ходе сессии вопросов к премьер-министру, посвященной этой проблеме.

Получив слово, Дж. Корбин выражает формальную благодарность спикеру, затем призывает коллег отдать дань уважения раннему накануне полицейскому и только потом переходит к обсуждению интересующей его темы образовательной реформы. Он вспоминает инаугурационную речь Т. Мэй о единстве, иронично замечая, что она достигла небывалого единства в рядах учителей, чиновников и бывших министров образования из всех фракций, выступивших против ее проек-

та. Затем он просит назвать экспертов, одобряющих ее проект.

Т. Мэй присоединяется к соболезнованиям полицейскому и *вспоминает собственный опыт* работы министром внутренних дел. Перейдя к вопросу о реформе системы образования, она почти дословно повторяет слова своей программной речи (III), *вопрос об эксперте игнорируется* (что ее оппонент не преминул заметить).

Далее Дж. Корбин цитирует слова учителя, недовольного проектом реформы, и приводит статистику, подтверждающую неэффективность элитных школ Кента по сравнению с общеобразовательными школами Лондона в отношении успеваемости детей из бедных семей, и спрашивает, зачем поддерживать такую систему. Ответ Т. Мэй *не связан с вопросом* Корбина: она советует перестать смотреть в прошлое, вновь цитирует свою же программную речь и наконец заявляет:

The Right hon. Gentleman believes in equality of outcome, I believe in equality of opportunity. – Уважаемый оппонент верит в равенство результатов, а мы верим в равенство возможностей;

You believe in leveling down, we believe in leveling up. – Вы верите в выравнивание по нижней границе, а мы – в выравнивание по верхней.

В своем ответе на вопрос о том, смогут ли ученики начальных школ, на месте которых планируется открыть элитные, продолжить учебу или их тоже подвергнут селекции, Мэй настаивает, что ее программа не влияет на селекцию по месту жительства, которая и так существует. Затем Мэй *переходит на личности*, напоминая Корбину, что сам он учился в элитной школе, так же как и она (*обращение к личному опыту*), благодаря чему они оба оказались на своем месте, и этому ее сторонники рады больше, чем его (снова *переход на личности*). Прямого ответа на вопрос о будущем учеников начальной школы не последовало (*уход от ответа*).

На вопрос Дж. Корбина, окажет ли правительство давление на действующие элитные школы, чтобы они принимали больше детей, Т. Мэй отвечает: *The Right hon. Gentleman is right that what we are looking at and consulting on is a diversity in provision in education.* – Уважаемый оппонент прав в

том, что мы ищем разнообразия (*diversity*) в подходах к образованию (*реплика не связана с вопросом*), – затем обвиняет лейбористов в эгоизме и, наконец, *переводит разговор* на совершенно другую тему: улучшение показателей занятости.

Анализируя виды аргументации, применяемые коммуникантами, можно заметить существенные различия в выборе стратегий убеждения. Экстраверт Корбин опирается на внешние источники информации, его речь изобилует цитатами:

May I quote one expert at her? His name is John and he is a teacher. – Позвольте мне процитировать одного эксперта. Его зовут Джон, и он учитель;

Let me quote the Institute for Fiscal Studies. – Позвольте мне процитировать Институт исследований в сфере налогообложения;

The Secretary of State for Education suggested on Monday that grammar schools may be required to set up feeder schools in poorer areas. – Глава министерства образования предположила в понедельник, что на грамматические школы будет возложена обязанность открыть собственные начальные школы в бедных районах;

Let me quote to her a critic of grammar schools. – Позвольте процитировать противника грамматических школ;

Not my words, but those of former Right hon. Member for Witney. – Это не мои слова, а слова бывшего члена парламента от Уитни;

Could I quote to her what Michael Wilshaw, the chief inspector of schools, has said? – Могу я процитировать ей, что сказал Майкл Уилшо, главный школьный инспектор?

От оппонента Дж. Корбин также требует предоставить ссылку на авторитетное мнение эксперта:

I wonder if it is possible for her... to name any educational experts who back her proposals. – Я хотел бы знать, может ли она... назвать каких-либо экспертов от образования, кто поддерживает ее предложения.

Он обращает внимание присутствующих на то, что премьер такой информации не предоставляет или уходит от ответа на прямо поставленный вопрос:

Sadly, she wasn't able to [name any experts]. – К сожалению, она не смогла этого сделать;

I notice she didn't answer my question about feeder primary schools. – Я вижу, что она не ответила на мой вопрос о начальных школах;

I am sorry the Prime Minister was unable to help anyone in Kent or Buckinghamshire in the answer to my question. – Мне жаль, что премьер-министр не смогла помочь жителям Кента и Бакингемшира, ответив на мой вопрос.

В целом можно заключить, что экстраверт Корбин относится к репликам оппонента более внимательно, чем это делает интроверт Мэй. Так, в ответ на явно заготовленную заранее обвинительную фразу премьер-министра: *The Right hon. Gentleman believes in equality of outcome, I believe in equality of opportunity.* – Достопочтенный джентльмен верит в равенство результатов, а я верю в равенство возможностей, – Корбин отвечает, цитируя оппонента: *Equality of opportunity is not segregating children at the age of 11.* – Равенство возможностей не предполагает сегрегацию детей в одиннадцатилетнем возрасте. – Таким же образом Корбин обращает против Мэй ее же метафору.

Т. Мэй: *Members of the Labour Party will take the advantages of a good education for themselves and pull up the ladder behind them for other people.* – Члены лейбористской партии оставляют себе преимущества хорошего образования и втягивают за собой лестницу, чтобы остальные не могли ей воспользоваться.

Дж. Корбин: *It's not about pulling up ladders, it's about providing a ladder for every child.* – Речь не о том, чтобы втягивать за собой лестницы, а о том, чтобы обеспечить лестницей каждого ребенка.

Статистические данные и цифры – это еще один способ аргументации, который использует Корбин:

In Kent, which has a grammar school system, 27 % of pupils on free school meals get good GCSEs compared with 45 % in London. – В Кенте, где действует система элитных школ, 27 % детей, имеющих право на бесплатное школьное питание, хорошо сдают экзамены на аттестат о среднем образовании, в то время как в Лондоне таких 45 %;

The problem is there are now almost a million of them on zero-hours contracts who do not know what they are going to be paid from one week to

another. – Проблема в том, что почти миллион из них не имеют постоянного контракта и не знают, сколько им заплатят на каждой неделе.

Ответы Т. Мэй также содержат некоторые цифры, но, если Дж. Корбин приводит статистические данные, связанные с фактической информацией о проценте учащихся, успешно сдающих экзамены в регионах с преобладанием того или иного типа образовательной системы, премьер-министр дает оценку посещению учениками «хороших и отличных школ» и числу школьников, обучающихся в школах «плохих, не соответствующих стандарту или нуждающихся в улучшении»:

We have seen 1.4 million more children in good or outstanding schools. – Мы видим на 1,4 миллиона больше детей в хороших и отличных школах;

We will ensure that we are able to provide good school places for the 1.25 million children in schools that are failing, inadequate or that need improvement. – Мы добьемся того, чтобы обеспечить местами в хороших школах 1,25 миллиона детей, обучающихся в школах плохих, не соответствующих стандарту или нуждающихся в улучшении.

В отличие от экстраверта, ищущего подтверждение своей правоты вовне, личности интровертированного типа свойственно, как мы уже отмечали, ссылаться в качестве аргументации на собственный опыт:

One of the events that I used to look forward to going to every year as Home Secretary was the Police Bravery Awards. – Одним из тех событий, в которых я с радостью участвовала каждый год, будучи министром внутренних дел, была церемония вручения полицейским наград за отвагу;

I gently remind the Right hon. Gentleman that he went to a grammar school. – Позвольте напомнить достопочтенному джентльмену, что он учился в грамматической школе;

I went to a grammar school... – Я училась в грамматической школе...

...and it is what got us to where we are today – и благодаря этому мы достигли того, что имеем сегодня.

Речь Т. Мэй содержит множество повторов: формулировка фразы, которая кажется ей удачной, повторяется дословно:

What I want to see is more good school places and a diversity of provision of education in this

country... and young people going as far as their talents will take them. – Я хочу видеть больше мест в хороших школах и разнообразие в подходах к образованию... чтобы молодые люди могли пойти так далеко, как им позволит талант;

We will ensure that we are able to provide good school places for the 1.25 million children that are in schools that are failing or inadequate... It is an opportunity for young people to go where their talents will take them. – Мы сделаем все, чтобы обеспечить местами в хороших школах 1,25 миллиона детей... это возможность для молодых людей пойти, куда им позволит талант;

We are setting up a more diverse education system that provides more opportunities... I want to ensure that children have the ability to go where their talents take them. – Мы создаем более разнообразную систему образования, предоставляющую больше возможностей... Я хочу сделать все, чтобы дети могли пойти, куда им позволяет талант;

The Right hon. Gentleman is right that what we are looking at and consulting on is a diversity in provision in education. – Уважаемый оппонент прав в том, что мы ищем и рассматриваем пути к большему разнообразию в подходах к образованию.

Таким образом, можно заключить, что особенностью речевого поведения политика экстравертного типа является аргументация с опорой на факты из внешних источников (мнения экспертов и статистические данные), в то время как в речевом поведении политика интровертного типа преобладает аргументация, основанная на личном субъективном опыте, в его речи изобилуют повторы, стратегии убеждения отличаются ригидностью.

Выводы

Наблюдение за вербальным и невербальным поведением политиков в различных ситуациях социально ориентированного общения дает возможность, во-первых, охарактеризовать темперамент политика, уровень его экстравертированности или интровертированности, а также эмоциональной стабильности; во-вторых, выявить определенную корреляцию между типом личности и предпочитаемыми вербальными стратегиями в подготовленной монологической и неподготовленной диалогической речи. При обдумывании и подготовке аргументации интроверт склонен выбирать такие стратегии, которые оказали бы наибольшее

воздействие на него самого, прежде всего обращение к собственному опыту. Общение с малознакомыми людьми для невротичного интроверта сопряжено с высоким уровнем стресса. Вербальные стратегии отличаются ригидностью: интроверту трудно переформулировать высказывание, он часто прибегает к повторам, иногда дает ответ, не соответствующий вопросу. Интроверт невнимателен к реакциям партнера, уходит от ответа на прямой вопрос, в ответ на критику переходит на личности. Экстраверт, напротив, чутко реагирует на реплики оппонента, способен удачно обратить их в свою пользу. При подготовке аргументации экстраверт не полагается на свой опыт, но прибегает к внешним источникам информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батаршев А. В., 2001. Темперамент и характер: Психологическая диагностика. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС. 336 с.
- Гиль О. Г., 2000. Речевые проявления личности в устном рассказе нарративного типа : дис. ... канд. филол. наук. М. 271 с.
- Ермолаев А. К., 1999. Моделирование личности по тексту: обобщение опыта оперативно-розыскной работы : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 173 с.
- Ильин Е. П., 2004. Психология индивидуальных различий. СПб. : Питер. 701 с.
- Леонтьев А. А., 1997. Основы психолингвистики. М. : Смысл. 287 с.
- Матвеева Г. Г., Зюбина И. А., Лесняк М. В., 2016. Особенности жанровой системы парламентского дискурса // Политическая лингвистика. №4 (58). С. 133–138.
- Минаева Л. В., 2015. Британский парламентский дискурс как культурный феномен // Преподаватель XXI век. № 3, ч. 2. С. 396–404. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/britanskiy-parlamentskiy-diskurs-kak-kulturnyy-fenomen> (дата обращения: 10.09.2017).
- Обозов Н. Н., 1997. Типы личности, темперамент и характер. СПб. : Акад. психологии, предпринимательства и менеджмента. 36 с.
- Хьелл Л., Зиглер Д., 2003. Теории личности (Основные положения, исследования, применение). 3-е изд. СПб. : Питер. 608 с.
- Eysenck H. J., 1970. The Structure of Human Personality. London : Methuen. 476 с.
- UK Parliament Home Page. URL: <http://www.parliament.uk/about/how/business/questions/> (date of access: 12.09.2017).

ИСТОЧНИКИ

- I* – Jeremy Corbyn elected Labour leader: victory speech in full. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wB8EMRgVV1U> (date of access: 03.09.2017).
- II* – Theresa May: First speech as Prime Minister (BBC News). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FDyZ8trge2E> (date of access: 09.07.2017).
- III* – Theresa May's full 'great meritocracy' speech (September 9th 2016). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2MudOTi5z3I> (date of access: 10.07.2017).
- IV* – Prime Minister's Questions (14 September 2016). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jSoxDk879n8&index=25&list=PL40441042C458B62B> (date of access: 12.07.2017).

REFERENCES

- Batarshev A.V., 2001. *Temperament and character: Psychological diagnostics*. Moscow, VLADOS-PRESS Publ. 336 p.
- Gil O.G., 2000. *Speech manifestations of personality in oral narrative*. Cand. philol. sci. diss. Moscow. 271 p.
- Ermolaev A.K., 1999. *Modelling personality by text: Summary of investigative work*. Cand. philol. sci. diss. Barnaul. 173 p.
- Ilyin E.P., 2004. *The psychology of individual differences*. Saint Petersburg, Piter Publ. 701 p.
- Leontyev A.A., 1997. *The basics of psycholinguistics*. Moscow, Smysl Publ. 287 p.
- Matveeva G.G., Zyubina I.A., Lesnyak M.V., 2016. The peculiarities of the parliamentary discourse's genre

system. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], no. 4 (58), pp. 133-138.

- Minaeva L.V., 2015. The British parliamentary discourse as a phenomenon of culture. *Prepodavatel XXI vek*, no. 3, part 2, pp. 396-404. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/britanskiy-parlamentskiy-diskurs-kak-kulturnyy-fenomen>. (accessed 10 September 2017).
- Obozov N.N., 1997. *Personality types, temperament and character*. Saint Petersburg, Akad. psikhologii, predprinimatelstva i menedzhmenta Publ. 36 p.
- Hjelle L., Zigler D., 2003. *Personality theories*. Saint Petersburg, Piter Publ. 608 p.
- Eysenck H.J., 1970. *The Structure of Human Personality*. London, Methuen. 476 p.
- UK Parliament Home Page*. URL: <http://www.parliament.uk/about/how/business/questions/>. (accessed 12 September 2017).

SOURCES

- Jeremy Corbyn elected Labour leader: victory speech in full*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wB8EMRgVV1U>. (accessed 3 September 2017).
- Theresa May: First speech as Prime Minister* (BBC News). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FDyZ8trge2E>. (accessed 9 July 2017).
- Theresa May's full 'great meritocracy' speech* (September 9th 2016). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2MudOTi5z3I>. (accessed 10 July 2017).
- Prime Minister's Questions* (14 September 2016). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jSoxDk879n8&index=25&list=PL40441042C458B62B>. (accessed 12 July 2017).

Information about the Author

Olga V. Popova, Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St., 38/1, 119034 Moscow, Russia, domolgi@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1418-3704>

Информация об авторе

Ольга Валентиновна Попова, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия, domolgi@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1418-3704>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.16>

UDC 81'1:165.12
LBC 81.003

Submitted: 31.01.2018
Accepted: 05.03.2018

METALANGUAGE CONSCIOUSNESS: STRUCTURE AND CONTENT OF THE CONCEPT

Evgeniy B. Ivannikov

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. A narrow and wide understanding of the metalanguage consciousness is presented in the article as a set of metalinguistic consciousness levels, which are subconscious, verbalized and creative ones, and every level demonstrates its specificity. The author proves that subconscious and verbalized levels of metalanguage consciousness correspond to deep and surface levels of linguistic consciousness. The paper is also focused on features of metalinguistic consciousness, which embraces dual characteristics, including ontologism and gnoseologism, intuitivity and rationality, pragmatism and conceptual-terminological vagueness, prescientific and scientific character, objectivity and subjectivity; it describes main antinomies of metalinguistic consciousness: community or individuality; part or whole; creativity or automatism; common or scientific character; unconsciousness or awareness. The ratio of metalanguage consciousness levels and various areas of linguistics is characterized in terms of hierarchy of metalinguistic consciousness, provided that ordinary reflection and ordinary metalinguistic consciousness of an average native speaker are part of ordinary linguistics; scientific reflection and professional metalinguistic consciousness of a linguist are part of scientific linguistics. Accordingly, ordinary linguistics forms a linguistic (naive) picture of the world, whereas scientific linguistics - a scientific picture of the world. It is concluded that metalinguistic consciousness is a part of linguistic consciousness, but its functions overcome the intralanguage borders.

Key words: metalinguistic consciousness, linguistic consciousness, ordinary metalinguistic consciousness, professional metalanguage consciousness, naive linguistics, scientific linguistics.

Citation. Ivannikov E.B. Metalanguage Consciousness: Structure and Content of the Concept. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 143-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.16>

УДК 81'1:165.12
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 31.01.2018
Дата принятия статьи: 05.03.2018

МЕТАЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Евгений Борисович Иванников

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье на основе анализа современной научной литературы представлена структура метаязыкового сознания: охарактеризованы его уровни (подсознательный, вербализированный, творческий). Показано, что подсознательный и вербализированный уровни метаязыкового сознания соответствуют глубинному и поверхностному уровням языкового сознания. Определено понятие обыденного метаязыкового сознания, имеющего

такие двойственные характеристики, как онтологичность и гносеологичность; интуитивность и рационалистичность; прагматичность и понятийно-терминологическая нечеткость; донаучность и научность; объектность и субъектность. Установлены и представлены как антиномии основные свойства метаязыкового сознания: общественность / индивидуальность; часть / целое; креативность / автоматизированность; обыденность / научность; неосознанность / осознанность. Показано соотношение уровней метаязыкового сознания и различных областей лингвистики, проявляющееся в том, что подсознательный уровень метаязыкового сознания, обыденная рефлексия и обыденное метаязыковое сознание рядового носителя языка входят в область обыденной лингвистики; научная рефлексия и профессиональное метаязыковое сознание лингвиста входят в область научной лингвистики. При этом обыденная лингвистика образует языковую (наивную) картину мира; научная лингвистика – научную картину мира. Вывод о том, что метаязыковое сознание, будучи частью языкового сознания, в то же время функционирует за его пределами, позволяет разграничить термины «метаязыковое сознание» и «языковое сознание».

Ключевые слова: метаязыковое сознание, языковое сознание, обыденное метаязыковое сознание, профессиональное метаязыковое сознание, обыденная лингвистика, научная лингвистика.

Цитирование. Иванников Е. Б. Метаязыковое сознание: структура и содержание понятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 143–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.16>

Введение

На современном этапе формирования гуманитарной науки возникает необходимость терминологического упорядочения в области исследования языка и мышления. Так, по-разному понимается термин «метаязыковое сознание». Зачастую он используется как синоним термина «языковое сознание». Этому способствует, по мнению лингвистов, ряд причин: во-первых, термины хронологически относятся к разным этапам развития лингвистики; во-вторых, создание терминов проходило в русле разнообразных научных направлений и школ; в-третьих, размытость и неоднозначность границ терминов объясняется многоаспектностью, глубиной и низким уровнем определенности самого понятия «сознание» [Кравченко, Кравченко, 2015, с. 106]. Однако достижения в изучении метаязыковой деятельности человека дают основания для разграничения терминов «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» как обозначающих разные феномены.

Систематизация современной научной литературы позволяет представить объем понятия «метаязыковое сознание» и аргументировать тем самым разграничение этих терминов.

Метаязыковое сознание: узкое и широкое понимание

В науке сложились два подхода к пониманию метаязыкового сознания, условно обозначаемые как узкий и широкий.

При узком понимании метаязыковое сознание – часть языкового сознания, функционирующая только на поверхностном уровне языкового сознания. В соответствии с этим метаязыковое сознание определяется как «область рационально-логического, рефлексивного языкового сознания, направленного на отражение языка-объекта как элемента действительного мира» [Ростова, 2006, с. 24].

Метаязыковое сознание, будучи поверхностным уровнем языкового сознания, выражается «в рефлексии говорящего по поводу языковой организации, в суждениях индивида о языке, о собственных речевых тактиках». Поверхностный уровень организует «мышление о языке» [Ростова, 2008, с. 50]. Узкого понимания метаязыкового сознания придерживается и Н.Д. Голев, указывающий на то, что существуют две формы языкового сознания: собственно языковое сознание и метаязыковое сознание, при котором «носитель языка встает “над” языком, выступая в роли субъекта, познающего язык во всех его ипостасях и самого себя как носителя языка» [Голев, 2009а, с. 7].

При широком понимании метаязыковое сознание определяется как «область знания человека о своем языке» [Шафтельская, 2012, с. 125]. Оно лишь частично пересекается с языковым сознанием, поскольку включает в свою структуру не только поверхностный уровень языкового сознания, но и область бессознательного, а также собственно метаязыковую деятельность, выраженную в различных формах языкового творчества. Именно

поэтому сторонники широкого понимания полагают, что метаязыковое сознание «нельзя редуцировать до компонента языкового сознания» [Кравченко, Кравченко, 2015, с. 107].

Структура метаязыкового сознания

Содержание понятия «метаязыковое сознание» получает отражение в его структуре. Согласно концепции М.Р. Шумариной, метаязыковое сознание имеет структуру, состоящую из трех уровней:

– **подсознательный (бессознательный)**. На этом уровне речевой самоконтроль реализуется автоматизированно и бессознательно. Метаязыковое сознание представлено в имплицитном состоянии;

– **вербализированный**. На этом уровне речевой самоконтроль реализуется либо в исправлении допущенных ошибок и неточностей, либо в предвидении и предупреждении возможного коммуникативного сбоя. В метаязыковой рефлексии звучит своеобразное оправдание в употреблении того или иного выражения и дается оценка используемым речевым средствам. Метаязыковое сознание представлено в эксплицитном состоянии;

– **творческий**. На этом уровне субъект рефлексии не просто осознает объект, но сознательно выделяет его и подвергает творческому переосмыслению. В результате происходят определенного рода приращения, метаязыковая рефлексия обогащает содержание объекта и расширяет возможности его использования и интерпретации [Шумарина, 2011, с. 46–49].

Первый уровень метаязыкового сознания выражен в так называемой «нерефлектирующей рефлексии», под которой понимается «свободное ассоциирование, первая реакция на интерпретируемый знак, бессознательная, мгновенная, автоматическая, обнаруживающаяся в оценках воспринимающего знак субъекта» [Дударева, 2010, с. 289]. Первый уровень метаязыкового сознания в концепции М.Р. Шумариной соотносится с глубинным уровнем языкового сознания в концепции А.Н. Ростовской. Общими функциональными признаками данных уровней являются регуляция речемыслительной деятельности и контроль автоматизированных действий говоряще-

го при порождении речи. Причина такой размытости границ метаязыкового сознания связана с тем, что метаязыковое сознание «включает не только сферу явного, вербализованного, но и сферу скрытого осознания» [Ростова, 2000, с. 45].

Второй уровень метаязыкового сознания, согласно А.Ф. Колясевой, включает два подуровня:

– теоретически несистематизированное сознание;

– теоретически систематизированное сознание [Колясева, 2014, с. 157].

Первый подуровень реализуется в форме многочисленных «эмпирических знаний и представлений о языке основной массы говорящих» и функционирует в сфере обыденного сознания [Блинова, 2012, с. 168]. **Второй подуровень** реализуется «в форме системы научных понятий, суждений, теоретических доказательств» [Блинова, 2012, с. 168] и функционирует в сфере профессиональной лингвистики. Соответственно, первый подуровень определяется как обыденное метаязыковое сознание рядовых носителей языка, а второй – как профессиональное метаязыковое сознание лингвистов [Левенталь, 2014, с. 78].

Второй уровень метаязыкового сознания в концепции М.Р. Шумариной тождествен «поверхностному уровню языкового сознания», выделенному А.Н. Ростовской. Соответственно, при узком понимании метаязыковое сознание рассматривается как совокупность двух разновидностей сознания: обыденного метаязыкового сознания рядовых носителей языка и профессионального метаязыкового сознания лингвистов. При этом обыденное метаязыковое сознание первично по отношению к профессиональному (лингвистическому) метаязыковому сознанию, так как любая научная работа начинается с обыденной метаязыковой деятельности [Трофимова, 2009, с. 46].

Отдельного рассмотрения заслуживает *обыденное метаязыковое сознание* (далее – ОМС), которое «является фундаментальной категорией, существенно влияющей на повседневную речевую практику, на преподавание языка в школе и вузе, на решение вопросов языкового строительства, на состояние ментальности в обществе и, наконец, опосредованно или прямо на саму науку о языке» [Голев, 2008, с. 5].

Обыденное метаязыковое сознание играет важную роль в формировании языковой компетенции говорящих [Ундармаа, 2014, с. 48]. ОМС понимается как «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии и т. д.» [Ростова, 2000, с. 45].

Обыденное метаязыковое сознание обладает рядом признаков, которые имеют двойственный характер.

Онтологичность – гносеологичность

Онтологическая сущность ОМС выражена в том, что оно, по мнению М.Р. Шумариной, является частью наивной картины мира [Шумарина, 2009, с. 220]. ОМС взаимосвязано с гносеологией: «с уровнем развития цивилизации, науки и самопознания человека, со стилем мышления, техническим прогрессом, актуальными в данном культурном контексте гносеологическими, стратегическими и тактическими проблемами и методами познания, особенно способностей и возможностей человека и т. п. Это проявляется в рефлексии представлений, стереотипов, предубеждений, противоречий и т. п.» [Базылев, 2012, с. 235].

Интуитивность – рационалистичность

Такая двойственность выражена в том, что обыденное метаязыковое сознание «на практике ориентируется на интуицию, а рефлексивирует по поводу языка в рационалистических модальностях и понятиях» [Голев, 2009б, с. 281].

Прагматичность – понятийно-терминологическая нечеткость

Обыденное метаязыковое сознание характеризуется высокой степенью «детерминированности метаязыковых представлений практическим опытом дискурсивной деятельности». При этом «метаязыковые операторы, используемые рядовыми носителями языка, довольно регулярно не совпадают в своем значении с соответствующими лингвистическими терминами» [Шумарина, 2010, с. 301].

Донаучность – научность

ОМС взаимосвязано с донаучным и научным контекстом, то есть «с практическим, обыденным, донаучным языком и научным знанием и его языком, пусть даже и весьма маргинально» [Базылев, 2012, с. 234].

Объектность – субъектность

Обыденное метаязыковое сознание предполагает одновременно фокусирование внимания на деятельности слушающего и адресата речевого произведения, занимающего двойственную объектно-субъектную позицию [Ким, 2010, с. 94].

ОМС как часть естественного языка осмысленно «использует все имеющиеся в языке внутренние ресурсы, когнитивные и коммуникативные, лексические и грамматические, структурные и системные: метафору, метонимию, словообразование, синонимию, антонимию, аналогию, заимствования» [Базылев, 2012, с. 234]. При этом ОМС уделяет повышенное внимание функциональной стороне языка. Это «проявляется не только в комментировании социальных функций языка, в приписывании слову определенной (иногда магической) силы, но и в постоянном “контроле” за свойствами, которые обеспечивают пользователю “удобство”» при употреблении языка [Шумарина, 2009, с. 220]. Таким образом, обыденное метаязыковое сознание поддерживает своеобразный «комфорт» использования языка.

ОМС объединяет различные системы: язык и сознание, обыденное сознание и лингвистическое сознание, ментально-языковую и социальную жизнь человека, сопряженные с языковой деятельностью [Голев, 2008, с. 5].

Третий уровень – творческая рефлексия – реализуется в сложных трансформациях, результаты которых проявляются на втором уровне метаязыкового сознания: лингвистическое мифотворчество и языковая игра преобразуются в теоретически несистематизированное сознание (обыденные метаязыковые представления), а научно-исследовательское творчество лингвиста выступает источником пополнения теоретически систематизированного сознания (научно-лингвистическое знание). Кроме того, на третьем уровне метаязыкового сознания функционирует эстетическая рефлексия, выраженная в различных текстах: художественных, художественно-публицистических, фольклорных.

Таким образом, третий уровень метаязыкового сознания представлен следующими формами творческой рефлексии: научной, обыденной и эстетической.

Научная рефлексия связана с научно-исследовательским творчеством лингвиста и формирует научно-лингвистическое знание, которое «усваивается коллективным и индивидуальным метаязыковым сознанием и воспроизводится уже в процессе стандартизированной рефлексии, которая действует на втором уровне метаязыкового сознания» [Шумарина, 2011, с. 51].

Обыденная рефлексия языка обусловлена лингвистическим мифотворчеством и языковой игрой и формирует обыденное знание, выраженное в нестандартных, личностно окрашенных комментировании фактов языка / речи [Шумарина, 2011, с. 49].

Эстетическая рефлексия выражается в художественном творчестве и «является “художественным освоением” различных положений о языке и речи в эстетически организованных текстах» [Шумарина, 2011, с. 50]. Эстетическая рефлексия формирует поэтическое метаязыковое сознание, которое, в отличие от обыденного метаязыкового сознания, всегда осознанно и вербализованно, а также сближается одновременно с обыденным и с научным сознанием [Кузьмина, 2009, с. 208–209].

Научная рефлексия и профессиональное метаязыковое сознание лингвиста входят в область так называемой *научной лингвистики*, образующей научную картину мира [Ефремов, 2009, с. 34–35].

Подсознательный уровень метаязыкового сознания, обыденная рефлексия и обыденное метаязыковое сознание рядового носителя языка входят в область так называемой *обыденной лингвистики*, которая понимается как «метаязыковая деятельность индивида в области восприятия лексических, фонетических, грамматических, стилистических и прочих явлений в языке» [Трофимова, 2009, с. 47]. Обыденная лингвистика образует языковую (наивную) картину мира.

Свойства метаязыкового сознания

Широкое понимание метаязыкового сознания позволяет трактовать его как «сложный и противоречивый феномен, формируемый под воздействием разных детерминант» [Голев, 2012, с. 326] и характеризующийся рядом свойств, которые можно представить как антиномии.

Общественность / индивидуальность

Метаязыковое сознание как форма общественного сознания «является частью национального менталитета наряду с другими формами обыденного сознания» [Шапилова, 2010, с. 111]. При этом метаязыковое сознание, будучи общественным явлением, имеет индивидуальную форму объективации.

Часть / целое

Метаязыковое сознание одновременно является и частью языкового сознания, и отдельным целым, выходящим за рамки языкового сознания. Данный диалектический характер структуры метаязыкового сознания обусловлен тем, что «метаязыковое сознание имеет широкий диапазон форм – от “молчаливой рефлексии” рядовых носителей языка до серьезной теоретической рефлексии профессиональных лингвистов» [Левенталь, 2014, с. 78].

Креативность / автоматизированность

Основными источниками пополнения вербализованного уровня метаязыкового сознания являются различные формы творческой рефлексии, отражающие креативную сущность метаязыкового сознания. При этом некоторая метаязыковая деятельность вербализованного уровня метаязыкового сознания может доводиться до автоматизма и переходить на подсознательный уровень метаязыкового сознания.

Обыденность / научность

Обыденность является одним из важнейших признаков метаязыкового сознания [Левенталь, 2014, с. 78]. Она отражает область обыденной лингвистики, включающей подсознательное обыденное метаязыковое сознание и обыденную рефлексии рядового носителя языка. Обыденная лингвистика противопоставлена научной лингвистике, которая состоит из профессионального метаязыкового сознания и научной рефлексии лингвиста. При этом научная лингвистика развивается на основе обыденной лингвистики. Соответственно, обыденность, с одной стороны, противопоставлена научности, а с другой – является ее основой.

Неосознанность / осознанность

Некоторые уровни метаязыкового сознания реализуются как в подсознательной, так и в сознательной областях: на первом уровне метаязыкового сознания это рефлексия в им-

плицитном состоянии («нерефлектирующая рефлексия»); на втором и третьем уровнях это рефлексия в эксплицитном состоянии, то есть в вербализированной форме.

Выводы

Метаязыковое сознание имеет структуру, состоящую из трех уровней: подсознательного, вербализованного, творческого, каждый из которых характеризуется рядом особенностей и свойств. Уровни метаязыкового сознания соотносятся с различными областями лингвистики: подсознательный уровень метаязыкового сознания, обыденная рефлексия и обыденное метаязыковое сознание рядового носителя языка входят в область обыденной лингвистики; научная рефлексия и профессиональное метаязыковое сознание лингвиста входят в область научной лингвистики.

Термины «метаязыковое сознание» и «языковое сознание» необходимо разграничивать, так как метаязыковое сознание одновременно является частью языкового сознания и в то же время выходит за его пределы. Подсознательный и вербализованный уровни метаязыкового сознания соотносятся с глубинным и поверхностным уровнями языкового сознания. Творческий уровень метаязыкового сознания не соответствует ни одному уровню языкового сознания, реализуя различные формы творческой рефлексии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базылев В. Н., 2012. Релевантность и нерелевантность метаязыкового знания как категории диахронического описания повседневного опыта // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т. Ч. IV. С. 231–241.
- Блинова О. И., 2012. Лексикографический способ исследования метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т. Ч. IV. С. 168–177.
- Голев Н. Д., 2008. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 3 (4). С. 5–17.
- Голев, Н. Д., 2009а. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та. Ч. I. С. 7–40.
- Голев Н. Д., 2009б. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Томск : Томский гос. пед. ун-т. Ч. II. С. 261–282.
- Голев Н. Д., 2012. Вариативность метаязыкового сознания студентов-филологов и научный плюрализм (антиномический анализ проблемы) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т. Ч. IV. С. 306–330.
- Дударева Я. А., 2010. Ассоциативно-интерпретационная деятельность рядовых носителей русского языка при определении тождества, сходства и различия товарных знаков // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т. Ч. III. С. 286–292.
- Ефремов В. А., 2009. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 184 с.
- Ким Л. Г., 2010. Текст как объект метаязыковой деятельности субъекта-интерпретатора // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т. Ч. III. С. 94–109.
- Коляева А. Ф., 2014. Терминология в зеркале языкового сознания // Филология и человек. № 2. С. 151–161.
- Кравченко М. А., Кравченко О. В., 2015. О соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9, ч. 1. С. 105–108.
- Кузьмина Н. А., 2009. Автокомментирование как форма проявления метаязыкового сознания (на материале русской поэзии новейшего времени) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. / отв. ред. Н. Д. Голев. Томск : Томский гос. пед. ун-т. Ч. II. С. 192–209.

- Левенталь И. В., 2014. Стратегии толкования слов обыденного метаязыкового сознания и их применение в учебной лексикографии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8, ч. 2. С. 77–81.
- Ростова А. Н., 2000. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале говоров Сибири). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 193 с.
- Ростова А. Н., 2006. Языковое мышление в концепции И.А. Бодуэна де Куртенэ и в современной лингвистике // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания : труды и материалы : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань : Казанский гос. ун-т. Т. 2. С. 22–26.
- Ростова А. Н., 2008. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Н. Ростова. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 49–57.
- Трофимова Е. Б., 2009. «Обыденное языковое сознание»: размышления на заданную тему // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Томск : Томский гос. пед. ун-т. Ч. II. С. 46–51.
- Ундармаа Д., 2014. Обыденное языковое сознание и способы его описания // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания : сб. науч. ст. / отв. ред. У. М. Трофимова. Бийск : Алтайская гос. акад. образования им. В.М. Шукшина. С. 45–50.
- Шапилова Н. И., 2010. Метаязыковые рефлексивы в художественном дискурсе (на материале произведений В.П. Астафьева) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т. Ч. III. С. 110–117.
- Шафтельская Н. В., 2012. Метаязыковое сознание как часть языкового сознания // Язык и культура : сб. ст. / отв. ред. С. К. Гураль. Томск : Томский гос. ун-т. С. 125–127.
- Шумарина М. Р., 2009. Обыденное метаязыковое сознание в зеркале художественного текста // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Томск : Томский гос. пед. ун-т. Ч. II. С. 210–222.
- Шумарина М. Р., 2010. «Наивная» социолингвистика // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т. Ч. III. С. 301–313.
- Шумарина М. Р., 2011. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М. : Флинта : Наука. 325 с.

REFERENCES

- Bazylev V.N., 2012. Relevance and irrelevance of metalanguage knowledge as categories of diachronic description of everyday experience. Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoje soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Kemerovo, Izd-vo KGU, Part 4, pp. 231-241.
- Blinova O.I., 2012. Lexicographic method of research in metalanguage consciousness. Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoje soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Kemerovo, Izd-vo KGU, Part 4, pp. 168-177.
- Golev N.D., 2008. Peculiarities of modern metalinguistic consciousness reflected in discussions about language construction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 3 (4), pp. 5-17.
- Golev N.D., 2009a. Obydennoe metazykovoje soznanie kak ontologo-gnoseologicheskij fenomen (k poiskam «lingvognoseologem») [Ordinary metalanguage consciousness as an ontological and gnosological phenomenon (to the search for ‘linguistic gnosologems’)]. Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoje soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Kemerovo; Barnaul, Izd-vo Altayskogo gos. un-ta, vol. 1, pp. 7-40.
- Golev N.D., 2009b. The modern Russian everyday metalanguage consciousness between science and the school course of the Russian language (‘correctness’ as the basic postulate of naive linguistics). Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoje soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Tomsk, Tomskiy gos. ped. un-t, Part 2, pp. 261-282.
- Golev N.D., 2012. Variability of the metalanguage consciousness of students-philologists and academic pluralism (antinomical analysis of the problem). Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoje soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Kemerovo, Izd-vo KGU, Part 4, pp. 306-330.
- Dudareva Ya.A., 2010. Associative and interpretative activity of ordinary Russian speakers in determining the identity, similarity and difference of trademarks. Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoje soznanie: ontologicheskie i*

- gnoseologicheskie aspekty*. Kemerovo, Izd-vo KGU, Part 3, pp. 286-292.
- Efremov V.A., 2009. 'Man' and 'woman' in the Russian language picture of the world. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena. 184 p.
- Kim L.G., 2010. Text as an object of the metalinguistic activity of the interpreter. Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Kemerovo, Izd-vo KGU, Part 3, pp. 94-109.
- Kolyaseva A.F., 2014. Terminology in the light of language consciousness studies. *Filologiya i chelovek*, no. 2, pp. 151-161.
- Kravchenko M.A., Kravchenko O.V., 2015. On correlation of the concepts 'linguistic consciousness' and 'meta-linguistic consciousness'. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 9, part 1, pp. 105-108.
- Kuzmina N.A., 2009. Autocommenting as a form of manifestation of the metalanguage consciousness (on the material of modern Russian poetry). Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Tomsk, Tomskiy gos. ped. un-t, Part 2, pp. 192-209.
- Levental I.V., 2014. Interpretation strategies of words of ordinary metalinguistic consciousness and their application in academic lexicography. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 8, part 2, pp. 77-81.
- Rostova A.N., 2000. *Metatext as a form of explication of the metalanguage consciousness (on the material of the dialects of Siberia)*. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta. 193 p.
- Rostova A.N., 2006. Linguistic thinking in the conception of I.A. Baudouin de Courtenay and in modern linguistics. Galiullin K.R., Nikolaev G.A., eds. *III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: I.A. Boduen de Kurtene i sovremennyye problemy teoreticheskogo i prikladnogo yazykoznanija: trudy i materialy: v 2 t.* Kazan, Kazanskiy gos. un-t, vol. 2, pp. 22-26.
- Rostova A.N., 2008. Ordinary metalanguage consciousness: status and aspects of study. Rostova A.N., ed. *Obydennoe metazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Kemerovo; Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, pp. 49-57.
- Trofimova E.B., 2009. Ordinary linguistic consciousness: reflections. Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Tomsk, Tomskiy gos. ped. un-t, Part 2, pp. 46-51.
- Undarmaa D., 2014. Ordinary linguistic consciousness and the ways of its description. Trofimova U.M., ed. *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy yazykoznanija: sb. nauch. st.* Bijsk, Altayskaya gos. akad. obrazovaniya im. V.M. Shukshina, pp. 45-50.
- Shapilova N.I., 2010. Metalanguage reflexions in the fiction discourse (based on the works by V.P. Astafyev). Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Kemerovo, Izd-vo KGU, Part 3, pp. 110-117.
- Shaftelskaya N.V., 2012. Metalanguage consciousness as a part of linguistic consciousness. Gural S.K., ed. *Yazyk i kultura: sb. st.* Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, pp. 125-127.
- Shumarina M.R., 2009. Ordinary metalanguage consciousness in the mirror of a fiction text. Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Tomsk, Tomskiy gos. ped. un-t, Part 2, pp. 210-222.
- Shumarina M.R., 2010. 'Напве' sociolinguistics. Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. Kemerovo, Izd-vo KGU, Part 3, pp. 301-313.
- Shumarina M.R., 2011. *Language in the mirror of a fiction text (Metalanguage reflexion in the works of Russian prose)*. Moscow, Flinta; Nauka Publ. 325 p.

Information about the Author

Evgeniy B. Ivannikov, Postgraduate Student, Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University, Naberezhnaya reki Moyki, 8, 191186 Saint Petersburg, Russia, ivannikov_evgeni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5529-6230>

Информация об авторе

Евгений Борисович Иванников, аспирант кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Набережная реки Мойки, 8, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, ivannikov_evgeni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5529-6230>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.17>

UDC 81-25:366.63
LBC 81.006

Submitted: 05.03.2018
Accepted: 04.05.2018

‘THINKING ALOUD’ AS A TOOL FOR DATA COLLECTION AND BASIS FOR ANALYSIS

Reinhold Schmitt

Institute for the German Language, Mannheim, Germany

Reinhard Fiehler

Pedagogic University of Heidelberg, Heidelberg, Germany

Serap Öndüç

University of Koblenz-Landau, Koblenz, Germany

Abstract. On the basis of video records of church attendance, in which ‘thinking aloud’ was used as a method of collecting data, this paper analyses the similarities and differences in the church attendance of Aurelia, Saskia and Anton. They viewed the same church and – this was the explicitly stated task – accompanied their visual perception by verbal comments and descriptions of the church interior. The ultimate goal of the analysis of ‘thinking aloud’ was the reconstruction of the underlying concepts of the attendance, which are largely based on relevancies that the viewers bring along.

After outlining the focus of this paper and placing our approach within the context of relevant research, we identify the similarities of the forms of ‘thinking aloud’ and their functions exhibited in the three church attendances. We then focus on the differences and particularities of the three attendances and identify three independent, inherently conclusive concepts of attendance. These concepts are each characterized by their independent constitution of the church interior during its attendance. We’ve shown that the church interior is constituted as a religious functional space (Aurelia), as a place of representations of Christ (Saskia) and as an architectural historical context (Anton). The model-like independency of the concepts became clear exclusively through the use of ‘thinking aloud’. This method of verbally addressing topics alongside one’s visual perception is therefore an important tool for data collection and a technique to access situated cognition within the context of multimodal cultural practices.

Key words: multimodality, multimodal analysis of interaction, church attendance, cultural practice, interactionist analysis of space, thinking aloud, language, cognition.

Citation. Schmitt R., Fiehler R., Öndüç S. ‘Thinking Aloud’ as a Tool for Data Collection and Basis for Analysis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 157-169. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.17>

УДК 81-25:366.63
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 05.03.2018
Дата принятия статьи: 04.05.2018

«РАЗМЫШЛЕНИЯ ВСЛУХ» КАК МЕТОД СБОРА ДАННЫХ И ОСНОВА КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА

Райнхольд Шмитт

Институт немецкого языка, г. Мангейм, Германия

Райнхард Филер

Педагогический университет Хайдельберга, г. Хайдельберг, Германия

Серап Ендич

Университет Кобленц-Ландау, г. Кобленц, Германия

Аннотация. В статье на основе видеодокументов анализируется посещение церкви, в процессе которого участники эксперимента визуально воспринимают пространство церкви и вербально его обозначают и описывают объекты, находящиеся в поле их индивидуального внимания. Процесс вербальной идентификации объектов, или экзотетическое говорение (озвучивание мыслей, говорящая рефлексия), выражается в понятии экзотезы, которая лежит в основе метода сбора данных и одновременно представляет собой базу для проведения эмпирического когнитивного анализа.

Целью анализа экзотетического говорения является реконструкция концептов, раскрывающих общие и индивидуальные когниции, формируемые у посетителей церкви и связанные с воспринимаемым миром и с волей человека.

В результате исследования общих экзотетических форм, функций и их различий у трех посетителей церкви авторы выделили три концепта, отличающие индивидуальное восприятие пространства церкви: церковь как функциональное религиозное пространство, церковь как место, в котором изображаются фрагменты жизни Иисуса Христа, и церковь как архитектурно-исторический объект. Метод экзотезы дал возможность авторам не только смоделировать концепты и выявить их своеобразие, но и изучить формирование ситуативно обусловленных когниций, связанных с комплексом осуществления культурных практик.

Ключевые слова: мультимодальность, мультимодальный анализ интеракции, посещение церкви, культурная практика, интеракционный анализ пространства, экзотетическое говорение, язык и когниция.

Цитирование. Schmitt R., Fiehler R., Öndüç S. Exothese als Erhebungsmethode und Analysegrundlage // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 151–169. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.17>

UDK 81-25:366.63
BBK 81.006

Eingereicht: 05.03.2018
Angenommen: 04.05.2018

EXOTHESE ALS ERHEBUNGSMETHODE UND ANALYSEGRUNDLAGE

Reinhold Schmitt

Institut für Deutsche Sprache, Mannheim, Deutschland

Reinhard Fiehler

Pädagogische Hochschule Heidelberg, Heidelberg, Deutschland

Serap Öndüç

Universität Koblenz-Landau, Koblenz, Deutschland

Abstract. Auf der Grundlage videodokumentierter Kirchenbesichtigungen, bei denen exothetisches Sprechen als Erhebungsmethode eingesetzt wurde, analysiert der Aufsatz Gemeinsamkeiten und Unterschiede in den Kirchenbesichtigungen von Aurelia, Saskia und Anton. Alle haben dieselbe Kirche besichtigt und ihre visuelle Wahrnehmung des Kirchenraums – das war die explizit formulierte Aufgabe – durch verbale Kommentare und Beschreibungen begleitet. Übergeordnetes Ziel der Analyse des exothetischen Sprechens war die Rekonstruktion der den Besichtigungen zugrundeliegenden Konzepte, die zum Großteil in mitgebrachten Relevanzen begründet sind.

Nach der Skizzierung unseres zentralen Erkenntnisinteresses und der Verortung unseres Ansatzes im relevanten Forschungskontext arbeiten wir zunächst die Gemeinsamkeiten der exothetischen Formen und ihre Funktionen in den drei Kirchenbesichtigungen heraus. Dann konzentrieren wir uns auf die Unterschiede und jeweiligen Besonderheiten der drei Besichtigungen und arbeiten dabei drei eigenständige, in sich schlüssige Besichtigungskonzepte heraus. Diese drei Konzepte zeichnen sich durch die jeweils eigenständige Konstitution des Kirchenraums bei dessen Besichtigung aus. Wir konnten zeigen, dass der Kirchenraum als religiöser Funktionsraum konstituiert wird (Aurelia), als Ort von Christusdarstellungen (Saskia) und als architekturgeschichtlicher Zusammenhang (Anton). Die modellhafte Eigenständigkeit der Konzepte wurde ausschließlich durch das exothetische Sprechen deutlich. Dies weist die wahrnehmungsbegleitende Thematisierung als wichtiges Erhebungs- und Analyseverfahren für den Zugang zur situierten Kognition im Zusammenhang mit dem Vollzug komplexer kultureller Praktiken aus.

Schlüsselwörter: Multimodalität, multimodale Interaktionsanalyse, Kirchenbesichtigung, kulturelle Praktik, interaktionistische Raumanalyse, exothetisches Sprechen, Sprache und Kognition.

Citation. Schmitt R., Fiehler R., Öndüç S. Exothese als Erhebungsmethode und Analysegrundlage. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 157-169. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.17>

Einleitung und erkenntnistheoretische Kontextualisierung. Unter exothetischem Sprechen versteht man in der Regel Fälle von selbstbezogenem hörbarem Reden oder von lautem Nachdenken im Kontext von Problemlösungssituationen. Im ersten Fall handelt es sich zumeist um situativ-eruptive Äußerungen, die faktisch aufgrund ihrer fehlenden Vorhersagbarkeit nicht systematisch dokumentiert und analysiert werden können. Beim lauten Denken hingegen handelt es sich um Äußerungen, die – zumeist unter Laborbedingungen – explizit als Problemlösungsverfahren eingesetzt, dokumentiert und analysiert werden. In der empirischen Interaktionsanalyse spielt exothetisches Sprechen jedoch bisher so gut wie keine Rolle (siehe jedoch: [Schmitt, 2017]).

Um zu verstehen, wie es zu unserem spezifischen Erkenntnisinteresse an exothetischem Sprechen kommt und in welcher Weise wir dokumentierte Fälle von Exothesen als empirische Grundlage für eine multimodal-interaktionsanalytische¹ Untersuchung nutzen, müssen wir etwas ausholen. Die Anfänge unseres Interesses an exothetischem Sprechen gehen auf die Phase der Konstitution des Kirchenbesichtigungskorpus im Jahr 2015 zurück.

Dieses Erhebungsdesign hat – gemessen am konversationsanalytischen Authentizitätspostulat – einen semiexperimentellen Charakter, für den in erster Linie das wahrnehmungsbegleitende Sprechen bei den Kirchenbesichtigungen verantwortlich ist, das als von den drei Besichtigern (Aurelia, Saskia und Anton) explizit zu bearbeitende Aufgabe formuliert wurde. Diese Anforderung zum wahrnehmungsbegleitenden Sprechen als Teil der wissenschaftlichen Erhebungsmethode entstand nicht aufgrund theoretischer Vorüberlegungen, sondern ist das Ergebnis des Datenkonstitutionsprozesses selbst. Die Entwicklung des Erhebungsdesigns vollzog sich in insgesamt drei Etappen, bei denen das Design systematisch auf der Basis intensiver Auswertungen der bereits vorliegenden Aufnahmen aufnahmetechnisch erweitert wurde.

Phase 1 bestand in der Dokumentation des Kirchenraums bei der Begehung mit einer Action Cam, bei der die Aufnahme in etwa den Wahrnehmungsraum der besichtigenden Person wiedergibt. Die systematische Auswertung der Aufnahmen führte zu einem unbefriedigenden Ergebnis, denn sie waren in keiner Weise als empirische Grundlage für die Beschäftigung mit Kirchenbesichtigungen geeignet. Der zentrale Grund hierfür war der im Vergleich mit dem menschlichen Sehen gänzlich unfokussierte Blick, den die Kamera aufgrund ihres Weitwinkelobjektivs produzierte. Man konnte schlicht und einfach nicht hinreichend erkennen, worauf genau sich der Blick in bestimmten Situationen richtete, da alles undifferenziert scharf war.

In Phase 2 wurde versucht, diese unscharfe Fokussierung mit dem Einsatz einer zusätzlichen Kontextkamera zu korrigieren. Diese dokumentierte die besichtigende Person nun bei ihrem Gang durch den Kirchenraum. Die Hoffnung, die wir mit dem Einsatz dieser zweiten Kamera und einer neuen Perspektive verbanden, realisierte sich jedoch nicht. Es blieb weiterhin relativ unklar, was zu welchem Zeitpunkt der Aufnahme(n) konkret im Fokus (und in der Peripherie) der besichtigenden Personen lag.

In Reaktion auf dieses unbefriedigende Auswertungsergebnis haben wir uns dann in Phase 3 entschieden, die kameratechnisch nicht zu realisierende Wahrnehmungsfokussierung, die wir für unsere Analysen der Kirchenbesichtigung dringend brauchten, im Medium der Verbalität „herzustellen“: Die besichtigenden Personen sollten kontinuierlich, aber gänzlich selbstbestimmt, ihre visuelle Wahrnehmung durch Kommentare, Beschreibungen etc. begleiten. Erst nach Einsatz dieses exothetischen Sprechens war es uns analytisch möglich zu verfolgen, worauf sich der Blick und der Fokus bei der Besichtigung jeweils konkret richteten.

Die wahrnehmungsbegleitende Verbalisierung erleichterte bzw. erhöhte in signifikanter Weise die Verstehbarkeit und den Nachvollzug der Wahrnehmung bzw. der Struktur und Sequenzialität der dokumentierten Wahrnehmungsräume des Raumbetrachters.

Die Verbalisierung leistet im Grunde genommen die Selektion, Fokussierung und Relevanzrückstufung bestimmter Aspekte und Ausschnitte aus der Totalität des aktuell im Wahrnehmungsraum des Betrachters Sichtbaren. Sie ersetzt – in spezifischer Weise – im Medium der Sprache die Arbeit des menschlichen Auges und stellt so die für die Wahrnehmung wichtige Grundstruktur von Vorder- und Hintergrund her. Sie rückt einzelne Objekte in den Vordergrund und defokussiert gleichzeitig alles im Moment nicht Relevante, rückt es – analog dem menschlichen Auge – in den Unschärfbereich der Peripherie oder des Hintergrunds. Ohne wahrnehmungsbegleitende und wahrnehmungskommentierende Verbalisierung bleibt aufgrund der undifferenzierten Relevanzstruktur sehr vieles im Vagen, Hypothetischen und Vieldeutigen. In vielen Situationen kann man die Vielzahl möglicher Seh-Arten, mit denen man als Analytiker versucht, aus den sich kontinuierlich verändernden Wahrnehmungsräumen des Betrachters dessen Relevanzen zu rekonstruieren, nicht in hinreichender Weise einschränken.

Erkenntnisinteresse und methodisches Vorgehen. Was muss man nun beachten und mit welchen Implikationen theoretischer und methodologischer Art bekommt man es zu tun, wenn man multimodal-interaktionsanalytisch mit verbalen Daten arbeitet, die das Ergebnis der Bearbeitung einer explizit formulierten Aufgabe sind? Ein aus konversationsanalytischer Sicht erwartbarer Hinweis zielt auf das Authentizitätspostulat, nach dem die empirische Grundlage ihrer Analyse „naturally occurring“² – das heißt nicht explizit für die Zwecke ihrer Dokumentation produziert sein müssen. Das ist bei unseren Daten nicht der Fall. Ein solcher Hinweis läuft jedoch Gefahr, die erkenntnistheoretischen Grundlagen desselben unreflektiert zu lassen und zu übersehen, dass das Authentizitätsgebot die Antwort aus der Perspektive eines spezifischen Erkenntnisinteresses ist. Sie ist die Reaktion auf die übergeordnete und für jegliche Form von wissenschaftlichem Erkenntnisinteresse geltende Anforderung der „empirischen Adäquatheit der Analysegrundlagen“. Bei anderen Erkenntnisinteressen als denen der Konversationsanalyse fallen Antworten auf die zentrale Anforderung, für die Analyse spezifischer Fragestellungen adäquate empirische Daten zu generieren, gänzlich anders aus. Die Frage für

uns lautete also: Für welche Fragestellungen stellen die videodokumentierten Kirchenbesichtigungen mit der zentralen Komponente des exothetischen Sprechens adäquate empirische Grundlagen dar?

Wir benutzen die Daten, die wir explizit als Bearbeitung einer fremdgestellten Aufgabe fokussieren, um in einem ersten Schritt zu rekonstruieren, wie drei besichtigende Personen (die wir Aurelia, Saskia und Anton nennen wollen) diese Aufgabe als Bestandteil ihrer Besichtigung derselben Kirche jeweils individuell bearbeitet haben.

In einem zweiten Schritt fragen wir auf der Grundlage der rekonstruierten Bearbeitungsspezifik danach, wie die Besichtigungskonzepte der Personen aussehen, das heißt welches De-facto-Modell von Kirchenbesichtigung sie jeweils konkret realisieren. Dieses spezifische Erkenntnisinteresse lässt sich nur auf der Grundlage des wahrnehmungsbegleitenden Sprechens rekonstruieren. Würde man versuchen, alleine auf der Basis der Videoaufnahmen ohne wahrnehmungsbegleitendes Sprechen konzeptrekonstruktiv zu arbeiten, könnte man letztlich nur sagen, dass alle drei Personen mehr oder weniger das Gleiche tun: Sie betreten den Kirchenraum, bewegen sich durch den Raum, bleiben an verschiedenen Stellen stehen, um sich etwas genauer umzusehen, und verlassen nach einer gewissen Zeit – nachdem sie sozusagen einmal durch sind – den Kirchenraum wieder. Letztlich sind Dokumente ohne wahrnehmungsbegleitendes Sprechen nur adäquat, um sich mit dem körperlich-räumlichen Positionierungsverhalten von Personen im Kontext von Ausstellungen, Museumsbesuchen, Besichtigungen historischer Monumente etc. zu beschäftigen. Der Erkenntnisgewinn, der dabei erzielt werden kann, liegt letztlich in der Beantwortung der Frage, was – bezogen auf die oben relevant gesetzten Verhaltensaspekte – Konstituenten und Unterschiede im visuell wahrnehmbaren Verhalten der Personen sind. Wir erfahren dabei jedoch nichts über die besichtigungsrelevanten konzeptionellen Orientierungen der Personen. Genau diese stehen jedoch im Zentrum unseres hiesigen Erkenntnisinteresses.

Wir werden – nachdem wir in einem nächsten Schritt zunächst unsere eigene Arbeit im relevanten Forschungskontext verortet haben – im empirischen Teil wie folgt vorgehen:

Zunächst geben wir (basierend auf der Grundlage mehrfacher intensiver Sichtungsdurchgänge durch die Gesamttranskripte) einen Überblick über Gemeinsamkeiten des exothetischen Sprechens. Diese Gemeinsamkeiten haben wir in äußerungsstruktureller, äußerungstypologischer und pragmatischer Hinsicht bei den wahrnehmungsbegleitenden Aktivitäten von Aurelia, Saskia und Anton bei der ausgewählten Kirchenbesichtigung identifiziert.

Danach fragen wir nach der grundlegenden Motivierung dieser Gemeinsamkeiten im Hinblick auf zwei zentrale Aspekte, die die dokumentierte kulturelle Praktik [Schmitt, 2015] „Kirchenbesichtigung“ konstituieren: *Kirche* (im Verständnis eines spezifischen, kulturhistorisch geprägten gesellschaftlichen Funktionsraums) und *Besichtigung* (als einen spezifischen, sozial-kulturell geprägten Aktivitätszusammenhang). Bei diesem Arbeitsschritt steht die Frage im Mittelpunkt: Lassen sich die rekonstruierten Gemeinsamkeiten in systematischer Weise auf einen dieser beiden Aspekte beziehen? Und wenn ja: Welche sind dies jeweils?

In einem dritten Schritt analysieren wir für Aurelia, Saskia und Anton jeweils eine ausgewählte Sequenz, die hinsichtlich unseres konzeptbezogenen Erkenntnisinteresses exemplarische und prototypische Qualität besitzt – und die nun die jeweiligen Besonderheiten und Unterschiede im wahrnehmungsbegleitenden Sprechen fokussiert. Diese Sequenzen unterziehen wir einer detaillierten Analyse. Aufgrund unseres auf exothetisches Sprechen bezogenen Erkenntnisinteresses analysieren wir die exothetischen Aktivitäten als monomodal-verbale Ausdruck, obwohl sie integraler Bestandteil des multimodal-räumlichen Gesamtverhaltens der Personen sind. Die Exothese besitzt – auch wenn sie im gewissen Sinne im Rahmen unseres spezifischen, konzeptbezogenen Erkenntnisinteresses im Mittelpunkt steht – keinen interaktionstheoretisch autonomen oder gar primären Status gegenüber der visuellen Wahrnehmung oder den lokomotiven Aktivitäten der Personen im Kirchenraum.

Anschließend formulieren wir in einem fallbezogenen Resümee die den rekonstruierten Gemeinsamkeiten und Unterschieden zugrundeliegenden besichtigungskonzeptionellen Orientierungen der Beteiligten im Sinne typologischer De-facto-Modelle möglicher Kirchenbesichtigungen.

Auf der Grundlage dieses Resümee werden wir dann in einem Ausblick Erkenntnismöglichkeiten und -grenzen des Einsatzes exothetischen Sprechens als systematischer Erweiterung bisheriger wissenschaftlicher Erhebungsdesigns und Gegenstandskonstitutionen im Bereich der empirischen Interaktionsforschung reflektieren.

Zunächst aber wollen wir unseren eigenen Ansatz in dem für uns relevanten Forschungsfeld skizzieren und verorten.

Verortung unseres Ansatzes im Forschungskontext. Für die Datenkonstitution wurde – wie bereits angedeutet – wahrnehmungsbegleitendes Sprechen als methodisches Verfahren eingesetzt. Die kirchenbesichtigenden Personen wurden gebeten, während ihres Gangs durch den Kirchenraum ihnen wichtig erscheinende Aspekte ihrer visuellen Wahrnehmungen, ihrer Gedanken und ihrer Empfindungen zu verbalisieren. Die so produzierten Äußerungen wurden aufgezeichnet und später transkribiert. Diese nicht unmittelbar partnergerichteten Äußerungen bezeichnen wir in der Tradition der Funktionalen Pragmatik als Exothesen:

„Eine ‚Exothese‘ ist das unmittelbare, direkte Nach-Außen-Setzen von Prozessen und/oder Resultaten mentaler Vorgänge“ [Rehbein, 1977, S. 346, Anm. 27].

Von seiner Grundstruktur und seinem Zielbezug hat das exothetische Sprechen gewisse Ähnlichkeiten mit dem „lauten Denken“³. Lautes Denken wurde unter anderem in der Sozialpsychologie eingesetzt, um einen Zugang zu kognitiven Verarbeitungsstrukturen (vor allem im Zusammenhang mit Planungs- und Problemlösungsprozessen) von Versuchspersonen zu bekommen (beispielsweise [Konrad, 2010] mit Literaturüberblick):

„Die Methode ‚Lautes Denken‘ ermöglicht es, Einblicke in die Gedanken, Gefühle und Absichten einer [...] denkenden Person zu erhalten“ [Konrad, 2010, S. 476].

Die hier verwendete Form des lauten Denkens wird als Introspektion (augenblickliche Verbalisierung) bezeichnet:

„die engste Verbindung zwischen Denken und verbalen Berichten [ist] dann nachweisbar, wenn das Individuum seine Gedanken unmittelbar im Zuge der Aufgabenbearbeitung in Worte fasst (‚Introspektion‘)“ [Konrad, 2010, S. 476].

Die Analyse von Exothesen und Protokollen lauten Denkens wird in einer Vielzahl von Disziplinen genutzt. Dem hier verwendeten Untersuchungsdesign am nächsten kommen Arbeiten, die mit Hilfe von Action Cam, Kontextkamera und transkribierten Protokollen lauten Denkens Museums- bzw. Ausstellungsbesuche analysieren [Buttkereit et al., 2014; Wise, 2011].

Auch wenn das genaue Verhältnis zwischen exothetischen Äußerungen und den zugrunde liegenden Wahrnehmungen, Gedanken und Empfindungen nach wie vor weitgehend ungeklärt ist, lässt die Versprachlichung visueller Wahrnehmung doch erkennen, womit die Sprecher/innen der Exothese jeweils befasst sind:

„Wenn die Verbalisation von Kognitionen im Kontext von Handlungen uns auch nicht notwendig die ‚wirklichen‘, objektiven Handlungsursachen erschließt, so doch die subjektive Sicht des Handlungszusammenhangs – und damit die Orientierung der Person auch in vergleichbaren Situationen.“ [Huber, Mandl, 1994, S. 16].

Die methodische Eigenständigkeit des exothetischen Sprechens besteht vor allem in der Kombination der folgenden Aspekte:

- Es kommt bei unserer Untersuchung nicht in einer Laborsituation, sondern im freien Feld zum Einsatz,
- es gibt keine externen Stimuli, um die Exothese am Laufen zu halten,
- das Verfahren wird nicht in selbstreflexiver Weise eingesetzt, sondern Produzent und Analytiker werden bewusst getrennt.

Fallanalysen. Bei wiederholten Durchgängen durch die Videoaufzeichnungen und Transkripte haben wir viele Gemeinsamkeiten, aber auch deutliche Unterschiede im exothetischen Sprechen von Aurelia, Saskia und Anton entdeckt. Die Gemeinsamkeiten bestehen zum einen – was nicht überrascht – in ihrem sehr weitgehend vergleichbaren visuell wahrnehmbaren körperlichen Verhalten im Kirchenraum: Sie betreten den Raum, bewegen sich entlang der begehbaren Flächen durch den Raum, bleiben an bestimmten Stellen stehen, positionieren sich vor ausgewählten Objekten, verweilen manchmal auch etwas länger in einer Position – und treten dann wieder aus der Kirche ins Freie.

Interessanter als diese visuell wahrnehmbaren Gemeinsamkeiten, die gewissermaßen die

körperlich-räumlichen Voraussetzungen der Besichtigung darstellen, sind jedoch die Vergleichbarkeiten des exothetischen Sprechens. Wir fokussieren daher die Realisierung von Äußerungen, die wir als Teilbearbeitungsverfahren hinsichtlich der formulierten Anforderung verstehen und die wir nachfolgend primär im Hinblick auf ihre pragmatischen Implikationen differenzieren wollen.

Gemeinsamkeiten des wahrnehmungsbegleitenden Sprechens. Die Äußerungen, die wir in den Exothesen von Aurelia, Saskia und Anton gefunden haben, lassen sich (auf einem mittleren Abstraktionsniveau) in mehr oder weniger drei große Gruppen unterscheiden, die jeweils spezifische Funktionen erfüllen: objektbezogene und unmittelbar wahrnehmungsbegleitende Äußerungen, Äußerungen mit selbstkoordinativem Charakter und Äußerungen, die auf vorgängige Erfahrungen und mitgebrachte Erwartungen bezogen sind.

Objektbezogene, wahrnehmungsbegleitende Äußerungen. Es gibt eine Gruppe von Äußerungen, die sich hinsichtlich ihrer pragmatischen Charakteristik im engeren Sinne auf das in der Situation visuell Wahrgenommene beziehen (nicht notwendig gleichzeitig!) und sich damit ganz unmittelbar aus der Bearbeitung der gestellten Aufgabe (die visuelle Wahrnehmung nach eigenen Relevanzen und Auswahlkriterien zu beschreiben) ergeben. Solche Äußerungen sind aufgrund der unmittelbaren Implikativität der Aufgabe nicht sonderlich überraschend und im gewissen Sinne prognostizierbar. Zu diesen Äußerungen gehören:

Konstative Äußerungen (und Objektlisten):

- *der altarraum* (Anton Zeile 79),
- *da ist der altar* (Aurelia Zeile 65),
- *die orgel* (Saskia Zeile 74).

Objektbeschreibungen:

- *und (-) ein bild (.) mit einem blauen rahmen* (Aurelia Zeile 99-100),
- *die orgel die nimmt das (.) den (-) den ganzen zwischenraum da ein* (Saskia Zeile 74-77).

Nutzungsmöglichkeiten von Objekten:

- *und dann ist da an der wand ein kleiner schrank (-) aus marmor den kann man öffnen (1.5) und da könnte man vermuten dass da die hostien drin sind* (Aurelia Zeile 282-287).

Positiv- und Negativevaluationen:

- riesige bilder (Anton Zeile 36),
- dieses fenster das ist scheu:ßlich (1.0) mag ich gar nicht (Anton Zeile 117-119),
- und da ist ein (-) schönes fenster (Aurelia Zeile 60),
- das hat was fürstliches irgendwie (Saskia Zeile 228).

Solche unmittelbar objektbezogenen Äußerungen können – je nach Relevanz, welche die visuell wahrgenommenen Objekte für die besichtigende Person besitzen – in ihrem konstativen Status verbleiben, oder aber sie dienen als Startpunkt für eine expandierte verbale Beschäftigung. Beispiele hierfür sind:

Fragen und Selbstbeantwortungen, Erkenntnisse, Nichtwissen, Vermutungen und Problematisierungen:

- ja (-) wie bedient man jetzt diese orgel (-) wahrscheinlich wenn man diesen glaskasten öffnet (Aurelia Zeile 37-39),
- aha ehrenlegion (Saskia Zeile 265),
- was mach man denn mit den kerzen (Aurelia Zeile 131),
- was man damit macht weiß ich nicht (Aurelia Zeile 200),
- was das denn da hinten (Saskia Zeile 300).

Vergleiche, raumintern und raumtranszendierend:

- und (-) hier gibt's auch weihwasser (1.5) und das (.) gabs am eingang nicht (Aurelia Zeile 56-58),
- diese fliesen sind hier auch wieder (1.5) hier sind die ganz anders (1.0) das (in der andern) kirche auch (.) nicht so (Saskia Zeile 115-120).

Selbstkoordinative Äußerungen. Daneben gibt es jedoch eine Gruppe von Äußerungen, die im gewissen Sinne nicht mehr unmittelbar mit der Aufgabenbearbeitung, sondern eher mit deren Strukturierung und der Sicherung von Bearbeitungsvoraussetzungen zusammenhängen. Diese Äußerungen kann man unter dem Stichwort „Selbstkoordination“ zusammenfassen. Sie besitzen unterschiedliche Formen, Explizitheitsgrade und Ausbaustufen. Solche Äußerungen sind beispielsweise:

Äußerungen, die sich auf die kontinuierliche Konstitution der ständig wechselnden und sich verändernden visuellen Wahrnehmungsräume beziehen:

- da is ne (-) büste (2.0) die gucken wir uns mal an (Aurelia Zeile 75-77).

Äußerungen, die sich auf die Organisation der eigenen Laufwege beziehen und die Bewegung im Kirchenraum organisieren:

- da geh ich jetzt nicht rauf (Aurelia Zeile 234),
- gut dann gehen wir mal nach vorne (Aurelia Zeile 157),
- hauptsächlich soll man wohl hier lang (Saskia Zeile 71/72),
- ich glaub da geh ich mal lieber nicht hin ne (Saskia Zeile 192).

Erfahrungsexplizierende und erwartungsthematisierende Äußerungen.

Zu dieser Gruppe exothetischen Sprechens gehören Äußerungen, bei denen Aspekte der aktuellen visuellen Wahrnehmung vor dem Hintergrund vorgängiger Erfahrungen und mitgebrachter Erwartungen thematisiert werden.

Formulierungen von Erwartungen und Erwartungsbrüchen:

- hätt ich mir von außen größer vorgestellt (Anton Zeile 08),
- ungewöhnlicher platz für ne orgel (Anton Zeile 21),
- keine kanzel (Anton Zeile 93),
- viele bänke ich hätte (.) echt gedacht hier sind weniger bänke in so ner kleinen kirche (Aurelia Zeile 324-326),
- die bänke hier haben gar keine fußteile (Saskia Zeile 315).

Zwei Aspekte müssen zum adäquaten Verständnis dieser – letztlich die eigentliche konzeptanalytische Rekonstruktion vorbereitende – typologisierenden Ordnung beachtet werden. Die skizzierten Typen sind – wie bei den meisten Versuchen, eine erkenntnisbasierte Ordnung in eine Fülle von Einzelfällen zu bringen – nicht wirklich trennscharf. So sind beispielsweise konstatierende Objektthematizierungen – unter einer gewissen Perspektive – Bestandteil von Erfahrungsthematisierungen oder der Formulierung von Erwartungsbrüchen. Es gibt also klare Inklusionsverhältnisse, die für unser Erkenntnisinteresse jedoch nicht zentral relevant sind.

Motivierung der Gemeinsamkeiten. Mit den beschriebenen Äußerungstypen haben wir eine relativ große Schnittmenge von Gemeinsamkeiten identifiziert, die man als besichtigungskonstitutive Aspekte charakterisieren

kann. Bezogen auf die formulierte Aufgabe handelt es sich um Teilverfahren der Bearbeitung. Ohne deren Realisierung kann die gestellte Aufgabe nicht bearbeitet werden. Wenn man so will, haben wir mit der typologischen Skizze die sprachlichen Ressourcen rekonstruiert, die Aurelia, Saskia und Anton in übereinstimmender Weise nutzen, um ihre visuelle Wahrnehmung und ihre körperlich-räumlichen Aktivitäten verbal zu begleiten.

Die Konstitutivität dieser Teilverfahren ist – und das ist an dieser Stelle wichtig – dabei weitgehend unabhängig davon, welche spezifische Konzeption von Kirchenbesichtigung sie jeweils verfolgen. Anders formuliert: Die rekonstruierten Gemeinsamkeiten des exothesischen Sprechens sind nur der erste Teil unseres Erkenntnisinteresses. Sie geben noch keine substantielle Auskunft darüber, welches Konzept von Kirchenraum Aurelia, Saskia und Anton bei ihrer Besichtigung ad hoc und situativ, aber – das ist unsere Annahme – in systematischer Weise realisieren. Die rekonstruierten Gemeinsamkeiten und ihre weitgehend unspezifische konzeptionelle Relevanz lassen die situative Realisierung sehr unterschiedlicher Kirchenbesichtigungskonzepte zu. Diese Konzepte kommen erst dann in den Blick, wenn man die Selektion und Rekurrenz raumbezogener Aspekte in den Fokus rückt, mit denen – basierend auf der Grundlage der oben beschriebenen sprachlichen Ressourcen – von den dreien beim wahrnehmungsbegleitenden Sprechen jeweils eigene Räume geschaffen werden. Diesen Aspekten und den zugrundeliegenden Konzepten, die für ihre Selektion und rekurrente Thematisierung verantwortlich sind und bei der Besichtigung derselben Kirche jeweils eigene Räume konstituieren, wollen wir uns jetzt zuwenden.

Unterschiede in der Realisierung der Kirchenraumkonzepte. Aus Platzgründen können wir die nachfolgenden Konzeptrekonstruktionen empirisch nur auf wenige ausgesuchte kurze Stellen mit prototypisch-exemplarischer Qualität gründen. Faktisch-methodisch sind die Konzeptrekonstruktionen aber durch die detaillierte Analyse der vollständigen Besichtigung breit abgesichert. Wir werden in diesem Abschnitt für Aurelia, Saskia und Anton jeweils eine zentrale Stelle analysieren. In einem zweiten Schritt werden wir dann die konzeptionelle Relevanz der

herausgearbeiteten Aspekte durch weitere Verweise und Belege absichern. Faktisch handelt es sich bei den nachfolgenden kurzen Präsentationen also um ein stärker ergebnispräsentierendes Format. Die explizite, in der detaillierten Rekonstruktion gegründete schrittweise Entwicklung und Sättigung finaler Lesarten bis hin zum hier präsentierten Ergebnis kann leider nicht geleistet werden. Wir beginnen die Analyse mit Aurelia, wenden uns dann Saskia zu und beschließen diesen Teil mit Anton. Diese Auswahl ist nicht ganz zufällig, sondern in folgender Weise motiviert: Die drei Kirchenbesichtigungskonzepte lassen sich entlang eines Kontinuums zwischen den Polen situativ-deskriptiv und strukturell-kategorial unterscheiden. Aurelias Kirchenraumkonzept ist deutlich in der Nähe des situativ-deskriptiven Pols verortet, das von Anton tendiert vergleichbar eindeutig zum strukturell-kategorialen Pol, wohingegen Saskias Konzept mittig positioniert ist und somit an den Eigenschaften beider Pole partizipiert. Je deutlicher sich das Konzept strukturell-kategorial positioniert, desto offensichtlicher und benennbarer ist es als mitgebrachte Strukturierungs- und Thematisierungsrelevanz. Umgekehrt gilt für anders gepolte Konzepte eine gewisse Implizitheit und Widerständigkeit dem Versuch gegenüber, die mitgebrachte strukturierende Kraft zu erfassen und adäquat zu benennen.

Aurelia: Der Kirchenraum als religiöser Funktionsraum. Ein rekurrenter Aspekt, den Aurelia in unterschiedlichen Formulierungen und an verschiedenen Stellen bei ihrer Besichtigung des Kirchenraums zur Sprache bringt, sind die Kirchenbänke. Damit ist sie – das sei an dieser Stelle vorweg gesagt – die einzige, die Bänke als einen wesentlichen Teil der innenarchitektonischen Ausstattung des Raums wiederholt thematisiert. Es gibt – neben kurzen konstativen exothesischen Formen – vor allem zwei Stellen, an denen sie sich etwas ausführlicher und reflektierend mit den Bänken beschäftigt. Diese Stellen sind für unser konzeptbezogenes Erkenntnisinteresse von besonderer Bedeutung, weil in ihnen in exemplarischer Weise ein zentrales Element von Aurelias Kirchenraumkonzept zum Ausdruck kommt. Daher wollen wir uns eine der beiden Stellen etwas genauer ansehen.

137 AU: und dann⁴
 138 (1.5)
 139 sind hier noch weitere
 140 bänke (-)

Aurelia bindet die aktuelle Thematisierung der Bänke durch den Anschluss *und dann sind hier noch* an ihre vorgängigen Thematisierungen an. Aurelia thematisiert die Kirchenbänke bereits zu einem sehr frühen Zeitpunkt unmittelbar nach ihrem Eintritt in die Kirche in einem konstativ-deskriptiven Formulierungsmodus (Zeile 11-13: *da sind bänke (2.5) und hier sind bänke* und Zeile 109: *und dann ist da ne bank*). Im Unterschied zu diesen vorherigen Thematisierungen setzt sie sich nun aber in einer Art szenischem Entwurf mit den Bänken im Rahmen einer Wenn-dann-Struktur bezogen auf ihre konkrete Funktion im Gottesdienst auseinander. Die Szene, die sie dabei imaginiert, ist die eines Gottesdienstes, in dem alle Bänke besetzt und nur noch – hinter der letzten Bankreihe – Stehplätze frei sind:

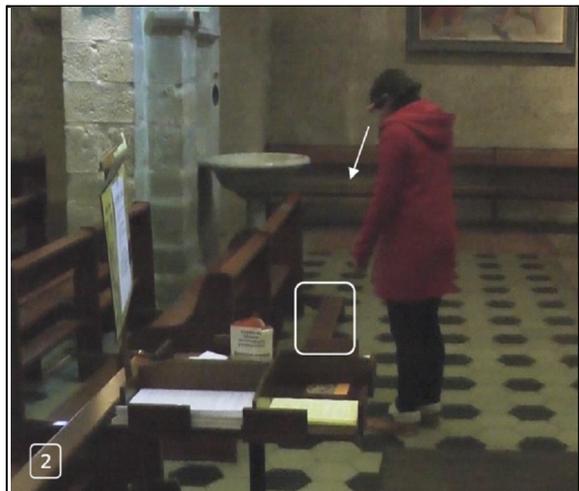
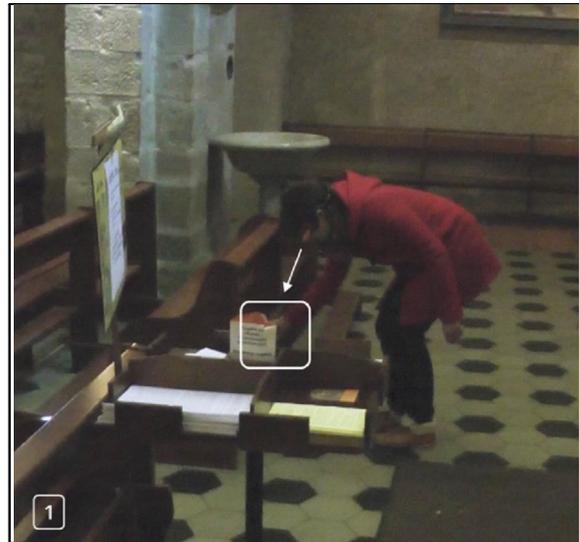
141 AU: und hier wenn man in der
 142 letzten
 143 reihe steht und alle plätze
 144 schon
 145 voll sind dann (-)

Im folgenden Dann-Teil ihrer Äußerung verdeutlicht sie, welche Situation in dem vollbesetzten Gottesdienst sie konkret vor Augen hat: Das Hinknien zu bestimmten Gelegenheiten als Teil der gottesdienstlichen Liturgie. Der Wechsel des Präsenzmodus vom „sitzen/stehen“ zum „knien“ ist für sie ein fragloser und wichtiger Bestandteil der Beteiligungsweise der anwesenden Gemeinde im Gottesdienst.

146 AU: kann man sich das teil
 147 hier runterklappen
 148 (2.0)
 149 und dann kann man sich da
 150 draufknien

Interessant ist an ihrer Formulierung, dass sie selbst nicht von „hinknien“, sondern von *draufknien* spricht. Die Veränderung des Präsenzmodus wird also nicht an sich, sondern mit konkretem Bezug auf die Bank bzw. das Teil, das zum Draufknien vorgesehen ist, beschrieben. Das Knien (in der Variante von Draufknien) wird dadurch neben der Besetzbarkeit zum zentralen Benutzbarkeitshinweis [Hausendorf, Kesselheim, 2013] der Kirchenbank. Während dieser Thematisierung greift sie das bewegliche Teil der

Bank zum Draufknien und klappt es herunter und gleich wieder hinauf (Bild 1).

151 AU: wahrscheinlich (-) so wie *da*⁵

Mit dem abschließenden Formulierungsteil *da* markiert sie, dass sie sich zwar hinsichtlich der spezifischen Funktionalität des gerade bewegten Bankteils nicht ganz sicher ist (*wahrscheinlich*), verweist dann aber sogleich auf das heruntergeklappte Teil (zum Draufknien) in der Bank rechts neben ihr (*so wie da*) (Bild 2)⁶. Bei dem Herunterklappen der Knieleiste handelt es sich im gewissen Sinne um eine taktil durchgeführte praktische Funktionsprüfung, mit der Aurelia die Richtigkeit ihrer formulierten Wahrnehmungsbeschreibung testet. Bei dem beschriebenen taktilen Kontakt mit dem thematisierten Objekt handelt es sich nicht um einen situativen Einzelfall. Vielmehr „prüft“ und berührt Aurelia – auch dies ist ein Alleinstellungsmerkmal – regelmäßig exothetisch

hervorgehobene Objekte: ausliegende Informationsblätter, Plastikblumen, Verputz, Banklehnen mit farbigem Lichtspiel etc.

In vergleichbar expliziter Weise thematisiert Aurelia die Kirchenbänke nochmals zu einem späteren Zeitpunkt, wobei auch hier wieder die Funktionalität der Bänke für die Durchführung des Gottesdienstes im Mittelpunkt steht. Neuer Aspekt ist hier die große Anzahl der Bänke relativ zur Größe der Kirche bzw. des Kircheninnenraums:

152 AU: viele bänke ich hätte (.)
 153 echt
 154 gedacht hier sind weniger
 155 bänke in
 156 so ner kleinen kirche
 157 sondern hier
 158 sind bänke (-) und da hinten
 159 sind
 160 ja (-) eins zwei drei vier
 161 fünf
 162 sechs (-) ja (.) sechs (-)
 163 bankreihen (-) pro reihe
 164 (-)

Dann folgt wieder eine Art szenischer Entwurf, bei dem sie erneut eine Situation im Gottesdienst gestaltet, die sich abermals mit dem Hinknien beschäftigt:

165 AU: und die die hier sitzen
 166 die haben
 167 (-) echt die schlechtesten
 168 karten
 169 (1.0)
 170 die können sich ja (-)
 171 müssen sich
 172 aufn boden hinknien
 173 (1.0)
 174 und das (.) wo man sich
 175 hinknien
 176 können könnte
 177 (2.0)
 178 kann man hier auch nicht
 179 runterklappen

Die exoethetische Relevanz der Kirchenbänke unter dem Aspekt ihrer Funktionalität für den Gottesdienst ist Ausdruck einer generellen Orientierung, mit der sich Aurelia durch den Kirchenraum bewegt und dabei ihre visuelle Wahrnehmung sprachlich begleitet. Die gleiche Funktionsperspektive, mit der sie den Kirchenraum sprachlich als Funktionsraum konstituiert, findet sich auch bei der Thematisierung anderer Gegenstände

und Objekte der innenarchitektonischen Ausgestaltung des Kirchenraums. Dies gilt beispielsweise für die Thematisierung des Ambo (Zeile 227: *kann man da stehen und (.) aus der bibel lesen wenn man möchte*), der Orgel (Zeile 37-38: *wie bedient man jetzt diese orgel*), der Marienstatue (Zeile 255-259: *dann kann man sie dann hier abseits vom altar anbeten (-) wenn man mal ein anliegen hat oder so*) und des Taufbeckens etc.

Ihre funktionalistische Perspektive auf den Kirchenraum ist dabei nicht nur auf die Primärfunktion, den Gottesdienst, beschränkt. Sie gilt vielmehr auch für religiöse Sekundärnutzungen außerhalb des Gottesdienstes. Dies wird beispielsweise deutlich, wenn sich Aurelia intensiv mit der Frage beschäftigt, wo man gekaufte Kerzen entzünden und platzieren kann. Es zeigt sich weiterhin darin, dass sie im Kontext der Betrachtung der Marienstatue sofort darauf hinweist, was deren „Funktion“ ist: *dann kann man sie dann hier abseits vom altar anbeten (-) wenn man mal ein anliegen hat*.

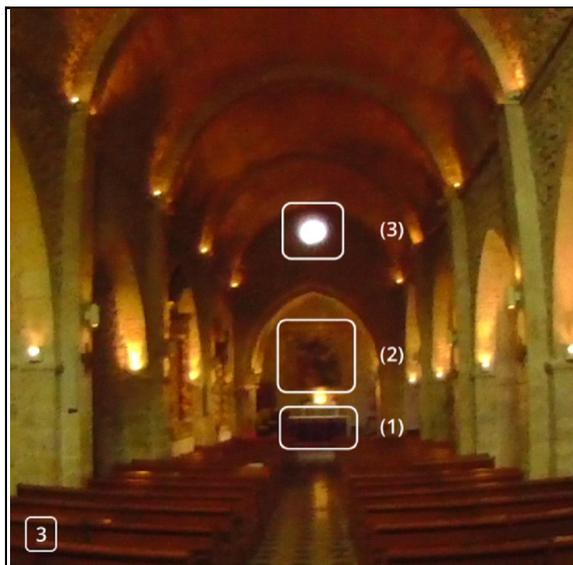
Konstitutiv für Aurelias Kirchenbesichtigungskonzept ist eine funktionalistisch strukturierte Exothese, die – vor allem zentrale Objekte – auf ihre Funktionalität für a) den Vollzug des Gottesdienstes und b) für private religiöse Sekundärnutzungen wie etwa das Anrufen der Jungfrau Maria, das nur außerhalb des Gottesdienstes erfolgen kann, beschreibt. Der Kirchenraum wird unter einer solchen funktionalistischen Perspektive primär als religiöser Funktionsraum konstituiert, für den Aspekte, die generell auf die Raumarchitektur bezogen sind, schlichtweg nicht relevant sind. Und nicht funktionsrelevante Objekte werden zumeist in lakonisch realisierten, listenförmig strukturierten Deskriptionen benannt.

Aurelia bringt die Funktionalität konsequent aus Perspektive der Gottesdienstbesucher zur Sprache, wobei die Nutzung thematisierter Objekte und Gegenstände szenisch entworfen und dabei jeweils als konkreter situativer Handlungszusammenhang gestaltet wird. Im Relevanzrahmen einer solchermaßen funktionalistischen Konstitution des Kirchenraums, die konsequent aus der Perspektive der Gottesdienstbesucher oder von Privatpersonen in individueller religiöser Nutzung erfolgt, macht die zunächst auffällige thematische Abwesenheit des Altars, der im gewissen Sinne exoethetisch übergangen wird, durchaus Sinn: Denn der Altar ist

zwar sakrales Zentrum des Raumes, kann aber im Unterschied etwa zum Ambo, der vom Lektor genutzt wird, nicht von den Besuchern in funktionaler Weise eingesetzt werden. Das macht nur der Pfarrer.

Der Kirchenraum als Ort von Christusdarstellungen. Auch in den exothetischen Aktivitäten von Saskia gibt es einen rekurrenten Aspekt, der an unterschiedlichen Stellen ihrer Kirchenbesichtigung zur Sprache kommt. Bei diesem Aspekt handelt es sich um die Darstellung von Jesus Christus und damit um ein – im Vergleich zur Kirchenbank – eher ausschmückendes Element, das für den Vollzug von Gottesdienst selbst keine Bedeutung besitzt. War bei Aurelia die Kirchenbank ein Alleinstellungsmerkmal, so ist dies bei Saskia die Christusdarstellung. So, wie der konzeptrelevante Aspekt „Kirchenbank“ bei Aurelia bereits zu einem sehr frühen Zeitpunkt thematisch wird, so taucht auch bei Saskia der erste sprachliche Verweis auf eine Darstellung von Jesus Christus bereits unmittelbar nach ihrem Eintritt auf.

Diese erste Thematisierung ist zunächst aufgrund ihres konstativen Charakters und ihrer lakonischen Formulierung nicht besonders auffällig. Relevant wird sie jedoch, wenn man sich vergegenwärtigt, dass die Thematisierung auf große Distanz hin und in einem recht dunklen Raum erfolgt. Zudem ist das Objekt recht klein und dadurch eher unauffällig (Bild 3, 4)⁷. Trotzdem findet die Identifikation der Christusdarstellung ihren Weg in die Exothese *fenster mit jesus* (Zeile 22).
20 SA: altar (1) (-) gemälde (2)
21 (1.0)

22 fenster mit jesus (3)

Die erste Thematisierung einer Christusdarstellung erfolgt im Zusammenhang mit der konstativen Erfassung des Altarraums, der der Eingangstür gegenüberliegt. Weitere Objekte, die im Kontext der Erstthematisierung zur Sprache kommen, sind der *altar* und ein über dem Altar angebrachtes Gemälde. Dass der Altar als das sakrale Zentrum des Kirchenraums bereits unmittelbar nach Eintritt zur Sprache kommt, erstaunt nicht. Aufgrund seiner Platzierung über dem Altar kommt dann durch die vertikale Aufwärtsbewegung ihres Blicks das Gemälde in den Blick und in die Exothese. Dass sich jedoch eine kleine, relativ weit entfernte und fast im Gewölbebereich platzierte Christusdarstellung in einem Fenster zu diesen – motiviert thematisierten – Objekten gesellt, ist hingegen schon bemerkenswert. Fast ist man geneigt anzunehmen, man könne diese unscheinbare – sich der visuellen Wahrnehmung und schon gar nicht einer exothetischen Relevantsetzung in keiner Weise aufdrängende – Christusdarstellung nur identifizieren, wenn man weiß, dass sie sich oberhalb des Altarraums als künstlerische Gestaltung der Rosette befindet. Oder aber es gibt eine spezifische Orientierung auf diese Darstellung, die sie aufgrund einer starken Vororientierung unmittelbar selbst relevant macht.

Zur zweiten Thematisierung kommt es, als sich Saskia die bereits erwähnten großen Gemälde anschaut.

135 SA: ach jesus als kind
136 (2.0)

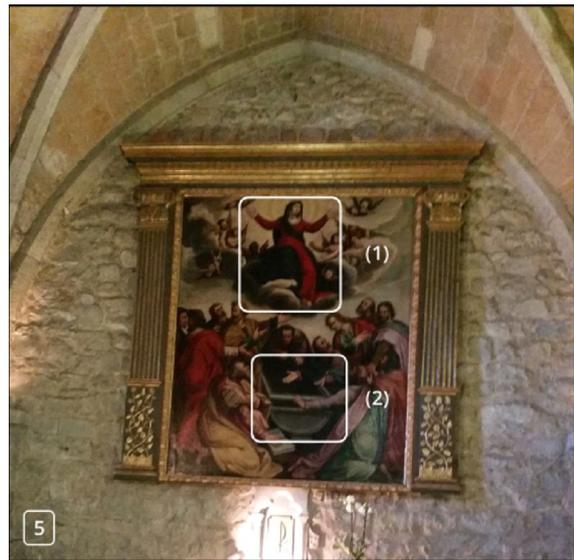
137 mit maria und josef
 138 (2.0)
 139 schätz ich mal

Saskia ist nicht nur die einzige, die bei der Betrachtung und Thematisierung der Darstellung des ersten Gemäldes eine auf die Person von Christus bezogene Interpretation formuliert. Sie ist darüber hinaus auch die einzige, die über die Person Jesus Christus einen Zusammenhang zwischen den beiden, an der linken Seite wandfüllend angebrachten Gemälden herstellt (Bild 1: *als kind*, Bild 2: *kurz vor dem tod*). Interessant ist in diesen Zusammenhang, dass sie dann noch die Darstellung Jesus durch das Kreuzifix (der gekreuzigte Christus) erweitert (*hier dann gekreuzigt*).

176 SA: nh als kind
 177 kurz vor dem tod
 178 (1.5)
 179 hier dann gekreuzigt

Saskia thematisiert jedoch nicht nur den durch die Darstellungen der beiden Gemälde motivierten Zusammenhang „unterschiedliche Stadien im Leben Jesus Christus“. Vielmehr verdeutlicht die Tatsache, dass sie das vor dem Altarraum stehende Kreuzifix mit *hier dann gekreuzigt* in diese lebens- und leidensgeschichtliche Perspektive integriert, dass die Konsistenzorientierung nicht durch die Art der (hier bildlichen) Darstellung motiviert ist. Vielmehr besitzt sie eine von der Objektspezifik unabhängige Relevanz, die sich über die Grenzen der Objektbeschaffenheit die Möglichkeit einer objektunabhängigen, konsistenten Thematisierung sucht und schafft.

Das „Suchen“ ist hier durchaus eine motivierte analytische Beschreibung, die genau auf den eben explizierten konstruktiven Charakter ihrer Orientierung auf die Lebens- und Leidensgeschichte Jesus Christus verweist. Dies zeigt sich bei ihrem weiteren Gang durch den Kirchenraum (sie ist inzwischen vor dem Altar angelangt), bei dem die konstruktive, durch eigene Relevanzen motivierte Orientierung auf Jesusdarstellungen unmittelbar in der sprachlichen Form deutlich wird.

202 SA: wo isser **da**
 203 (-)
 204 des oben is maria (1)
 205 (2.5)
 206 ach der sarg ist leer (2)
 207 ach ja
 208 die platte vom grab ist
 209 weggerollt

Die Frage *wo isser da*, mit der Saskia das über dem Altar hängende Gemälde thematisiert, macht deutlich, dass sie tatsächlich auf der Suche ist und davon ausgeht, dass sie auch *da* eine Darstellung von Jesus Christus finden wird. Die Thematisierung stellt diese Abbildung, bei der Jesus selbst nicht zu sehen ist, als Auferstehungsdarstellung und damit als letzte Etappe der Geschichte Jesus Christus auf Erden in die bislang bereits strukturierte Abfolge zentraler Lebens- und Leidensepisoden dar (Bild 5). Dass hier Jesus Christus von Saskia thematisiert wird, verdeutlicht ihre Äußerung *die platte vom grab ist weggerollt*. Sie ist das Zitat aus einem Kirchenlied über die Auferstehung Jesus Christus. Faktisch handelt es sich bei dem Gemälde jedoch nicht um eine Christusdarstellung, sondern um die bildliche Gestaltung der in den Himmel aufgefahrenen Maria (mit ihrem offenen Grab), was die konstruktivistische Qualität ihrer Thematisierung umso deutlicher macht⁸.

Es gibt noch zwei weitere Thematisierungen von Jesusdarstellungen: *jesus (4.0) mit jemandem ((lacht kurz)) taube oben* (Zeile 352-356). Saskia beschreibt hier ein Gemälde, das die Taufe Jesus durch Johannes dem Täufer zeigt und das Bestandteil eines Taufensembles aus Taufbecken, Bank und Gemälde ist. In besonderer Weise interessant ist die letzte Thematisierung, da sich hier bezogen auf die Darstellungen Christi der Kreis schließt. Saskia, die sich bereits zur Ausgangstür begeben hat, geht noch einmal einige Schritte im Mittelgang in Richtung Altar und kommentiert dabei, dass sie sich ja noch das Fenster anschauen wollte. Es handelt sich um die kleine Rosette, die sie bereits kurz nach ihrem Eintritt mit den Worten *fenster mit jesus* thematisiert hatte. Diese Darstellung beschreibt sie nun als: *das is (2.0) jesus auf jeden fall ja (-) portraitmäßig* (Zeile 394-397). Im gewissen Sinne folgt sie dabei einer Vollständigkeitsorientierung, bei der tatsächlich keine der im Raum befindlichen Jesusdarstellungen ausgelassen wird.

Die Darstellung (*portraitmäßig*) Jesus Christus steht nicht nur, was seine Platzierung betrifft, sondern auch im übertragenen Sinne und ohne szenischen Kontext über allen anderen Darstellungen. Darin das Portrait des in den Himmel Aufgefahrenen zu sehen, der nicht mehr von dieser Welt ist, ist jetzt keine große interpretative Anstrengung mehr.

All diese Thematisierungen zeigen, dass sich die exothetische Relevanz der Person Jesus Christus (es gibt insgesamt sechs Thematisierungen) wie ein roter Faden durch die gesamte Kirchenbesichtigung Saskias zieht. Es ist vor allem diese Rekurrenz und die teilweise nicht unmittelbar im Objekt selbst hervorgehobene Darstellungsqualität, die ihre Orientierung auf Darstellungen von Jesus Christus in den Verdacht bringt, konstitutiv für ihr Konzept der Kirchenbesichtigung zu sein⁹. Saskia hat mit der lebens- und leidenszyklischen Rekonstruktion der Christusdarstellungen in den Kirchenraum einen darstellungslogischen Sinnzusammenhang hineinkonstituiert, der unabhängig von ihren mitgebrachten Relevanzen in die zufällige Anwesenheit von Gemälden, Fenstern und Objekten zerfällt.

Der Kirchenraum als architekturgeschichtlicher Zusammenhang. Ebenso wie Aurelia und Saskia bringt auch Anton unmittelbar nach seinem Eintritt in die Kirche einen Aspekt zur Sprache, der sich als für seine Kirchenbesichtigung und – analytisch gewendet – für die Rekonstruktion seines

Kirchenbesichtigungskonzeptes als strukturprägend erweist. Eine seiner ersten exothetischen Aktivitäten bezieht sich auf die Architektur des Kirchenraums und verdeutlicht, dass er hinsichtlich der Raumarchitektur klare mitgebrachte Relevanzen besitzt. Nach seinem Eintritt in den Raum verweilt Anton für eine Weile am Fuße der Treppe und verschafft sich einen Gesamteindruck des Raumes. Er blickt dabei zunächst nach vorne zum Altar und begleitet seine visuelle Wahrnehmung mit folgenden Worten:

10 AN: das ist ja auch merkwürdig
11 (2.0)
12 das mittelschiff
13 (1.0)

Dann schaut er nach rechts (Bild 6) und formuliert das, was er wahrnimmt, als *ein rechtsschiff*.

14 AN: (2.0)

Dann lässt er seinen Blick nach links wandern (Bild 7) und produziert dabei als Beschreibung dessen, was er sieht, die Äußerung *und linksschiff scheint da nicht zu sein*. Hat er die visuelle Wahrnehmung der rechten Raumhälfte konstativ als *rechtsschiff* benannt, so bringt er beim Blick zur linken Seite eine Vermutung zum Ausdruck, die auf seine Erwartung verweist, auch dort ein Seitenschiff vorzufinden. Diese Erwartung wird jedoch enttäuscht.

15 AN: und linksschiff scheint

16 da nicht zu sein

Anton formuliert hier also zum einen sofort und explizit eine Merkwürdigkeit, was ganz allgemein auf Wissensgrundlagen verweist, die zur Beurteilung und Evaluierung des visuell Wahrgenommenen als merkwürdig notwendig sind. Zum anderen wird der Gesamttraum in seiner basalen Struktur, die für die Merkwürdigkeit verantwortlich ist, thematisiert und dabei unter Rückgriff auf architektonisches Spezialwissen präzise bezeichnet. Vor allem die Vermutung *linksschiff scheint da nicht zu sein* verdeutlicht seine auf Symmetrie basierende Erwartung hinsichtlich des Grundrisses der Kirche: Wo es ein Seitenschiff gibt, „muss“ es auch ein zweites Seitenschiff geben!

23 AN: tatsächlich
 24 (1.0)
 25 das ist ein vollständiges
 26 schiff
 27 (1.0)
 28 und hier (.)
 29 ab hier ist es zugemauert

Diese nicht erfüllte Symmetrieerwartung ist so stark, dass Anton im gewissen Sinne die visuell wahrgenommene Realität exothesisch seinen Erwartungen anpasst. Während er mit Blick in das rechte Seitenschiff dieses als vollständig charakterisiert, normalisiert er mit Blick auf die linke Kirchenraumseite das Wahrgenommene mit *ab hier ist zugemauert*. Seine normative Erwartung ist damit im gewissen Sinne geheilt: Nachträgliche Eingriffe haben das Linksschiff zum Verschwinden gebracht, das ursprünglich (sonst hätte man es nicht zumauern können) einmal vorhanden war¹⁰.

30 AN: (2.0)
 31 vorher warms nischen (.) ja

Die sprachliche Beschäftigung mit dem nicht (mehr) vorhandenen Linksschiff wird dann noch mit dem Hinweis *vorher warms nischen* expandiert. Damit wird thematisiert, dass die Orgel in einer Art Nische am Beginn des ursprünglichen Linksschiffs steht. Diese Äußerung fungiert (neben dem *zugemauert*) als weiteres Argument für die Richtigkeit seiner normativen Symmetrieerwartung. Betrachtet man diese Normalisierungsaktivitäten, dann macht die Redeweise von der situativen Konstitution des Kirchenraums tatsächlich Sinn. Denn das faktisch visuell Wahrgenommene wird konzeptbezogen so lange sprachlich bearbeitet, bis Anton damit leben kann.

Den Aspekt des fehlenden Linksschiffs bringt Anton etwas später noch einmal in fast identischer Weise zur Sprache.

145 AN: und hier ist jetzt das
 146 (1.0)
 147 ganz ausgebaute schiff
 148 auf der anderen seite
 149 (2.0)
 150 sind
 151 (1.0)
 152 da die wände zugemauert

Und auch der Aspekt der Merkwürdigkeit wird nochmals formuliert – diesmal explizit zusammen mit dem Aspekt der Asymmetrie.

162 AN: das ist ganz merkwürdig
 163 warum ist diese kirche
 so asymmetrisch

Es wird deutlich, dass sich Anton nicht mit der konstativen oder deskriptiven Thematisierung identifizierbarer Bestandteile der Innenarchitektur und Ausstattung des Raumes zufrieden gibt. Vielmehr vermisst er den vorgefundenen Raum relativ zu seinen mitgebrachten normativen Erwartungen und formuliert jeweils die Konsequenzen, die damit für sein Empfinden verbunden sind.

Im Unterschied zu Aurelia und Saskia konstituiert Anton in seinen exothesischen Äußerungen den Kirchenraum systematisch als einen gebauten Zusammenhang kunst- und architekturhistorischer Relevanz. Der Raum mit seinen architektonischen Besonderheiten steht im Mittelpunkt der visuellen Betrachtung und der verbalen Thematisierung. Anton kann dabei auf ein breites Spezialwissen zurückgreifen (Mittelschiff, Seitenschiff, Kreuzbögen, Kreuzgewölbe, Schlussstein, Tonnengewölbe und Rosette), das ihm korrekte Begriffe zur Identifikation und Benennung architektonisch relevanter Aspekte zur Verfügung stellt. Gleichzeitig fungiert dieses architekturbezogene Spezialwissen auch zur Beurteilung und Einordnung des aktuell visuell Wahrgenommenen in seine künstlerisch-normativ geprägte Erwartungsstruktur. Dass mit der architekturbezogenen Vorkategorisierung auch konkrete Erwartungen verbunden sind, deren Nichteintreten dann auch exothesische Relevanz und in Form expliziter Evaluationen zum Ausdruck kommen, zeigt der Aspekt der Symmetrie.

Mit der durch Spezialwissen abgesicherten kategorialen Konstitution des Kirchenraumes als

kunsthistorisch geprägte Architektur besitzt Anton bei der Bearbeitung der gestellten Aufgabe dem Raum gegenüber eine größere Autonomie als Aurelia und Saskia. Während die beiden den Raum situativ und basierend auf ihrer visuellen Wahrnehmung relativ unabhängig von einer vergleichbar stabilen und ausdifferenzierten vorgängigen Konzeptualisierung in der situativen Auseinandersetzung erst erarbeiten müssen, bewegt sich Anton – konzeptgeleitet – immer schon segmentierend, identifizierend, einordnend, normativ vermessend und evaluierend durch den Kirchenraum.

Geht man davon aus, dass seine konzeptionelle Orientierung nicht nur durch abstraktes kategoriales Wissen strukturiert wird, sondern auch durch Erfahrung mit Kirchen, die er bereits besichtigt hat und die näher an den Kernbereich seines normativen Ideals kommen, dann kann man auch seine teilweise expressiven Positiv- und Negativevaluationen als durch sein Konzept motiviert verstehen.

Resümee. Wenn man sich abstrahierend den wichtigsten Aspekten der zurückliegenden Ausführungen zuwendet, kommen die folgenden Punkte in den Blick:

Gemeinsamkeit der exothetischen Formate. Im Rückblick auffällig ist der große Überschneidungsbereich hinsichtlich der Äußerungsformate, mit denen Aurelia, Saskia und Anton ihre visuelle Wahrnehmung begleiten. Diese Gemeinsamkeiten exothetischer Formate sind Ausdruck der Realisierung von Basisfunktionen, ohne die die gestellte Aufgabe – die eigene visuelle Wahrnehmung während der Kirchenbesichtigung sprachlich zu kommentieren – letztlich nicht bearbeitet werden kann. Die exothetischen Gemeinsamkeiten verweisen also gewissermaßen auf einen sozial distribuierten Kernbereich sprachlicher Lösungen, mit denen die Aufgabe, die eigene visuelle Wahrnehmung exothetisch zu begleiten, weitgehend übereinstimmend – und gänzlich unabhängig von den konzeptionellen Grundlagen der Besichtigung – bearbeitet wird.

Frühzeitige Thematisierung (konzeptkonstitutiver Relevanzen). Bei allen drei Analysen kamen die konzeptrelevanten Aspekte bereits zu einem sehr frühen Zeitpunkt, nämlich unmittelbar nach dem Eintritt in den Kirchenraum, zur Sprache. Dies gilt bei Aurelia

hinsichtlich der Bänke als Funktionalitätsindikator, bei Saskia hinsichtlich der Darstellung Jesus Christus als Verweis auf den Raum als Expositionsrahmen des Lebens- und Leidensweges Christus, bei Anton hinsichtlich der architektonischen Symmetrie als Ausdruck des Kirchenraums als architektonischer Relevanzrahmen. Diese sehr frühe sequenzstrukturelle Position konzeptrelevanter Aspekte ist ein deutlicher Hinweis auf ihre vorgängige Existenz und ihres Status als mitgebrachte Orientierung („brought along“¹¹ im Sinne von [Hinnenkamp, 1989]).

Objektattraktivität und „fehlende“ Objektthematisierung. Wir haben gesehen, dass der Kirchenraum Objekte und Gegenstände aufweist, die eine hohe Wahrnehmungs- und Thematisierungsattraktivität besitzen und sich quasi von selbst aufdrängen. Sie werden folglich als konstitutive Aspekte des Kirchenraums sowohl von Aurelia, Saskia und Anton zur Sprache gebracht. Zu diesen wahrnehmungs- und thematisierungsattraktiven Aspekten gehören beispielsweise: Altar, Orgel, Statuen, Gemälde und Fenster. Bezogen auf diese Raumaspekte kann man (in Anlehnung an [Cicourel, 1975] und im Kontext der gestellten Aufgabe) von einer normalformspezifischen Thematisierungserwartung sprechen. Auf der Grundlage dieser Erwartung wird dann beispielsweise die Nichtthematisierung eines solchen raumkonstituierenden Objektes (bei Aurelia beispielsweise der Altar) als Form relevanter Abwesenheit deutlich. Solche relevanten Abwesenheiten verweisen – stärker als das Eintreten normalformentsprechenden Thematisierungen von Objekten – auf die besonderen konzeptionellen Grundlagen, die der Kirchenbesichtigung zugrunde liegen.

Besichtigungs- und raumspezifische Aspekte. Es wurde deutlich, dass ein Großteil der exothetischen Ressourcen eher besichtigungsspezifische und weniger raumspezifische Relevanzen besitzt. Die Ressourcen werden in übereinstimmender Weise eingesetzt, um die eigene visuelle Wahrnehmung und die eigenen körperlich-räumlichen Aktivitäten als „Besichtigung“ und damit als einen Aktivitätszusammenhang zu realisieren, der sich beispielsweise von vergleichbaren, ebenfalls durch visuelle Wahrnehmung und körperlich-räumliche Aktivitäten konstituierten

Aktivitätszusammenhängen (wie etwa Begehung) unterscheidet.

Kontinuierliche verbale Konstitution des Wahrnehmungsraums. In diesen Zusammenhang der exoethischen Konstitution des Aktivitätstyps Besichtigung fällt auch der mittels verbaler Deixis (*da ist, dort sind, da drüben gibt es* etc.) produzierte Verweis auf die kontinuierliche Konstitution des visuellen Wahrnehmungsraums. Es ist für Aurelia, Saskia und Anton offensichtlich wichtig, die mit der Besichtigung zwangsweise verbundene und sich kontinuierlich verändernde Selektion wahrnehmungsrelevanter Raumausschnitte, Objekte und Gegenstände immer auch sprachlich zu repräsentieren. Die Verortung des aktuell selektierten Wahrnehmungsfokus wird also nicht nur visuell vollzogen, sondern auch zur Sprache gebracht.

Wissensgrundlagen: deskriptive und kategoriale Exothese. Es wurde deutlich, dass die Spezifik des wahrnehmungsbegleitenden Sprechens eng mit Wissensvoraussetzungen verknüpft ist. Dies kann man in exemplarischer Weise an der Thematisierung der Büste des Heiligen Sebastian verdeutlichen. Das Wissen um die Ikonizität der Darstellung des Heiligen bei Anton ist die Voraussetzung für die konstative Äußerung *unser sebastian*. Dem stehen unterschiedlich ausgebaute deskriptive Thematisierungen gegenüber, die zeigen, dass auf vergleichbares Wissen nicht zurückgegriffen werden kann: *also die büste (3.0) das ist irgendein heiliger* (Aurelia) oder *der is (.) äh von pfeilen getroffen so wie es aussieht* (Saskia).

Sozio-kultureller Hintergrund der Personen. An anderer Stelle [Schmitt, 2015] haben wir expliziert, dass wir eine Kirchenbesichtigung als kulturelle Praktik verstehen, und mitgebrachte Relevanzen eine wesentliche Konstituente darstellen. Mitgebrachte Relevanzen strukturieren im Zusammenspiel mit der situativen Wahrnehmung (unter den Bedingungen der gestellten Aufgabe) die Realisierung der komplexen, multimodal konstituierten kulturellen Praktik. Im weitesten Sinne sind mitgebrachte Relevanzen in der sozio-kulturellen Prägung der jeweiligen Person verankert, die eine Kirche besichtigt.

Wir wollen zumindest vorsichtig andeuten, welche Rolle dieser Hintergrund für die

Kirchenbesichtigung und das exoethische Sprechen von Aurelia, Saskia und Anton spielt und welche damit verbundene kirchenraumbezogene Wissensgrundlagen eine Rolle spielen. Auch wenn wir uns damit dem Vorwurf aussetzen, in unzulässiger Weise kategorial-schnellschüssig zu werden, scheint uns doch folgender Zusammenhang kein Zufall zu sein:

Aurelia, die den Kirchenraum als religiösen Funktionsraum konstituiert (was wir hier exemplarisch anhand der Kirchenbänke verdeutlicht haben), hat einen christlich-katholischen Hintergrund. Aufgrund dieses Hintergrundes – und auf der Basis eigener Erfahrung – weiß sie nicht nur, dass sich die Besucher im Verlauf katholischer Gottesdienste an bestimmten Stellen hinknien. Ihr ist darüber hinaus auch geläufig, dass es hierfür architektonische Lösungen, nämlich Kirchenbänke mit Knieleisten gibt. Über solches – für den adäquaten Vollzug eines katholischen Gottesdienstes relevantes – Wissen verfügt man nicht, wenn man keinerlei eigene Erfahrungen als Besucher katholischer Gottesdienste hat.

Saskia, die den Kirchenraum als Darstellungskontext für den Lebens- und Leidensweg Jesus Christus wahrnimmt und thematisiert, bezeichnet sich selbst als Atheistin. Sie hat einen muslimischen Hintergrund, ist jedoch in Deutschland aufgewachsen und mit der Architektur christlicher Kirchen vertraut. Sie rekonstruiert den Kirchenraum aus einer religionsgeschichtlich motivierten Perspektive mit dem Fokus auf Jesus Christus, auf den – unter anderem mit dem Kreuzifix – an zentraler Stelle der Innenarchitektur verwiesen wird.

Anton, der die Kirche als architekturgeschichtlichen Relevanzrahmen konstituiert, hat zwar einen christlich-protestantischen Hintergrund, bezeichnet sich selbst aber ebenfalls als Atheist. Eine funktionsfundiert-gottesdienstliche oder eine präsentationsbezogene Sicht auf religiöse Aspekte des Raumes liegen ihm fern. Für ihn ist der Kirchenraum Anlass, sich auf der Grundlage seines Spezialwissens mit dem Wahrnehmungsangebot unter einer rein architekturbezogenen Perspektive zu beschäftigen.

Insgesamt scheint die Haltung zur Kirche als durch die Architektur repräsentierte Institution und als stellvertretender Ort der Realisierung des eigenen religiösen Glaubens ein Aspekt zu sein,

der das Kirchenraumkonzept, so wie es bei der Bearbeitung der gestellten Aufgabe entstanden ist, beeinflusst. Bei Saskia und Anton, die sich selbst als Atheist/in bezeichnen, liegt – aufgrund fehlender eigener Gottesdienstpraxis und deren Relevanz – eine primärfunktionale Rekonstruktion wie bei Aurelia nicht nahe. Sie suchen sich daher andere, nicht in der eigenen religiösen Praxis fundierte, Wahrnehmungs- und Thematisierungsrelevanzen. Warum das bei Saskia und Anton genau die hier rekonstruierten sind, lässt sich im Rahmen dieses Beitrags nicht klären. Die Beantwortung dieser Frage wäre nur durch ethnografische Analysen auf der Grundlage von Interviews möglich.

Exothese und das Konzept „kulturelle Praktik“. Ein zentrales Ergebnis der zurückliegenden Analysen ist die deutliche Varianz bei der Realisierung der kulturellen Praktik „Kirchenbesichtigung“. Dass Aurelia, Saskia und Anton bei der Besichtigung derselben Kirche jeweils unterschiedliche, konzeptionell eigenständige und konsistente Modelle des Kirchenraums realisieren, war in dieser Klarheit überraschend. Die Grundlagen dieser konzeptionellen Unterschiede, die ausschließlich durch die Exothese zum Ausdruck kommen, liegen ganz wesentlich in den Relevanzen, welche die drei in den Kirchenraum mitbringen. Diese Einsicht liefert zum einen ein wichtiges empirisches Argument für die an anderer Stelle [Schmitt, 2015] entwickelte Vorstellung von „Kirchenbesichtigung als kulturelle Praktik“. Sie verweist zum anderen auf die Wichtigkeit der methodischen Anstrengungen, bei der Analyse komplexer, multimodal konstituierter kultureller Praktiken – im weitesten Sinne – kognitive Aspekte nicht zu vernachlässigen. Der Versuch, dies über den Einsatz exothetischen Sprechens als Erhebungsverfahren und Analysegegenstand in fallbezogener Weise zu tun, ist sicherlich nur einer von mehreren gangbaren Wegen, einen Zugang zu verhaltensrelevanten Wissensgrundlagen zu eröffnen.

Ausblick. Die Untersuchung des Zusammenhangs von Sprache und Kognition steht nicht im Zentrum interaktionistischer Erkenntnisinteressen (jedoch [Deppermann, 2012]). Die Gründe hierfür liegen primär in dem für Interaktionsanalysen methodologischen Problem der fehlenden empirischen Repräsentation kognitiver Vorgänge. Gleichwohl kann der

systematische Einsatz wahrnehmungsbegleitenden Sprechens (Exothese) als wissenschaftliche Erhebungsmethode und Erkenntnisgegenstand der multimodalen Interaktionsanalyse einen Beitrag leisten, die Erkenntnismöglichkeiten und Grenzen auszuloten, die mit einer interaktionistischen Beschäftigung mit Kognition verbunden sind.

Zwar ermöglicht auch die Analyse exothetischer Aktivitäten keinen direkten empirischen Zugriff auf kognitive Strukturen. Sie eröffnet jedoch (bei der Bearbeitung gestellter Aufgaben in semi-experimentellen Kontexten wie der hier analysierten Kirchenbesichtigung) einen systematischen Einblick in den Zusammenhang des Vollzugs sprachlicher Handlungen und den dabei produzierten Äußerungsformaten¹².

Die Beschäftigung mit solchen, auf der Basis körperlich-räumlicher Grundlagen vollzogenen und beim Vollzug exothetisierten kulturellen Praktiken ist im Zeitalter struktureller reflexiver Dokumentation und Deskription der eigenen Praxis zudem ein durchaus aktueller Gegenstand.

ANMERKUNGEN

¹ Siehe [Schmitt, 2015] zur Differenzierung der multimodalen Interaktionsanalyse und der multimodalen Konversationsanalyse.

² Siehe dazu beispielsweise [Lynch, 2002; Mondada, 2012; Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974, S. 234f; Speer, 2002].

³ Zur Stellung von Exothesen und lautem Denken im Rahmen weiterer Formen des Sprechens mit sich selbst vgl. [Fiehler, 1994].

⁴ Die Transkription erfolgt in Anlehnung an das Basistranskript von GAT 2 [Selting et al., 2009].

⁵ Die Zuordnung von Bild und Transkript erfolgt durch **Fettmarkierungen**.

⁶ Weitere indikative Thematisierungen der Kirchenbank sind (Zeile 33: *ne bank*, Zeile 196-198: *und dann ist hier ein stuhl mit ner bank dahinter*; Zeile 306: *hier sind noch viele bänke*).

⁷ Bild 3 zeigt den Altarraum aus Sicht der Action Cam bei ihrem Eintritt, Bild 4 gibt die Perspektive kurz vor dem Austritt wieder, als Saskia am Ende ihrer Besichtigung noch einmal in Richtung Altar geht, um sich die eingangs thematisierte Rosette (*fenster mit jesus*) anzuschauen. Die Zahl in runden Klammern „(1)“ verweist auf den im Transkript thematisierten Wahrnehmungsbereich im Standbild.

⁸ Diese Qualität der „exothetischen Konstruktion von Wirklichkeit“ erinnert an Antons Normalisierung des fehlenden Linksschiffs.

⁹ Dieser Verdacht erhärtet sich im Vergleich mit den exothetischen Formulierungen von Aurelia und Anton. Anton thematisiert die Person Jesus überhaupt nicht, bei Aurelia wird er ein einziges Mal im Zusammenhang mit dem Kruzifix genannt (ein Kreuz mit *jesus dran*). Das Kruzifix wird von ihr als Symbol des Gekreuzigten und damit als christliches Bekenntnis gesehen, nicht jedoch als eine Christusdarstellung.

¹⁰ Dieses konstruktivistisch normalisierte Linksschiff war tatsächlich jedoch niemals vorhanden. Die Kirche verengt sich – in ihrer ursprünglichen Anlage – auf der linken Seite nach einer Nische, in der die Orgel untergebracht ist, auf die Breite von Mittelschiff und Rechtsschiff.

¹¹ Die Vorstellung von „brought along“ wurde von [Hinnenkamp, 1989] vorgestellt, der seinerseits auf [Giddens, 1976] referiert; siehe auch [Auer, 1992, S. 26], der „brought along“-Aspekte des Kontextes im Kontrast zu „brought about“-Aspekten differenziert.

¹² Es wäre sicher lohnenswert, diesen Zusammenhang – auf der Grundlage der bereits rekonstruierten Äußerungsformate – im Kontext eines eigenständigen Beitrags in systematischer Weise zu fokussieren.

LITERATURLISTE

- Auer P., 1992. Introduction: John Gumperz' approach to contextualization. Auer P., Di Luzio A. (eds.) *The contextualization of language*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Co., pp. 1-37.
- Buttkereit F.-A., Heinrich H.-A., Reithmayr L., Watmann A., Weyland V., 2014. *Prozeßbegleitendes lautes Denken im Museum: Methodenbericht und Ergebnisdokumentation*. Passau, Universität Passau. URL: <https://opus4.kobv.de/opus4-uni-passau/frontdoor/index/index/docId/229>.
- Cicourel A.V., 1975. *Sprache in der sozialen Interaktion*. München, List. 268 p.
- Deppermann A., 2012. How does 'cognition' matter to the analysis of talk-in-interaction? *Language Sciences*, vol. 34, pp. 746-767.
- Fiehler R., 1994. Formen des Sprechens mit sich selbst. Brüner G., Graefen G. Opladen (eds.) *Texte und Diskurse. Methoden und Forschungsergebnisse der Funktionalen Pragmatik*. Ursprünglich erschienen bei Westdeutscher Verlag GmbH, pp. 179-198.
- Giddens A., 1976. *New rules of sociological method*. London, Hutchinson. 196 p.
- Hausendorf H., Kesselheim W., 2013. Können Räume Texte sein? Linguistische Überlegungen zur Unterscheidung von Lesbarkeits- und Benutzbarkeitshinweisen. *Arbeitspapiere des UFSP Sprache und Raum (SpuR)*, No. 2. 31 p. URL: http://www.zora.uzh.ch/id/eprint/84555/1/SpuR_Arbeitspapiere_Nr02_Aug2013.pdf
- Hinnenkamp V., 1989. *Interaktionale Soziolinguistik und interkulturelle Kommunikation: Gesprächsmanagement zwischen Deutschen und Türken*. Tübingen, Niemeyer. 192 p.
- Huber G.L., Mandl H., 1994. *Verbale Daten. Eine Einführung in die Grundlagen und Methoden der Erhebung und Auswertung*. (2. Aufl.). Weinheim, Beltz. 284 p.
- Konrad K., 2010. Lautes Denken. Mey G., Mruck K. Wiesbaden (eds.) *Handbuch Qualitative Forschung in der Psychologie*. VS Verlag, pp. 476-490.
- Lynch M., 2002. From naturally occurring data to naturally organized ordinary activities: comment on Speer. *Discourse Studies*, no. 4, pp. 531-537.
- Mondada L., 2012. The conversation analytic approach to data collection. Sidnell J., Stivers T. (eds.) *The handbook of conversation analysis*. London, Wiley, pp. 32-56.
- Rehbein J., 1977. *Komplexes Handeln*. Stuttgart, Metzler. 399 p.
- Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G., 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*, no. 50, pp. 696-735.
- Schmitt R., 2015. Positionspapier: Multimodale Interaktionsanalyse. Dausendschön-Gay U., Gülich E., Krafft U. Bielefeld (eds.) *Ko-Konstruktionen in der Interaktion. Die gemeinsame Arbeit an Äußerungen und anderen sozialen Ereignissen*. Transcript, pp. 43-51.
- Schmitt R., 2017. Multimodale Objektkonstitution: Wie eine Kirchenbesichtigung funktioniert. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 1, pp. 163-183.
- Selting M., Auer P., Barden B., Bergmann J.R., Couper-Kuhlen E., Günthner S., Meier C. et al., 2009. Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2). *Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion*, No. 10, pp. 353-402. URL: www.gespraechsforschung-ozs.de/heft2009/px-gat2.pdf
- Speer S.A., 2002. Natural and contrived data: a sustainable distinction? *Discourse Studies*, no. 4, pp. 511-525.
- Wise S., 2011. *Visitors encounter the dust: How People think with objects in a history museum exhibition (Dissertation)*. Stanford, Stanford University. URL: <http://purl.stanford.edu/zs034ry4864>.

Information about the Authors

Reinhold Schmitt, Doctor of Sociology, Researcher, Department of Pragmatics, Institute for the German Language, Augustaanlage St., 32, D-68165 Mannheim, Germany, reinhold.schmitt@ids-mannheim.de, <https://orcid.org/0000-0003-0981-8039>

Reinhard Fiehler, Doctor of Linguistics, Pedagogic University of Heidelberg, Keplerstraße, 87, D-69120 Heidelberg, Germany, reinhard.fiehler@web.de, <https://orcid.org/0000-0003-1589-4599>

Serap Öndüç, Doctoral Student of Linguistics, Department of German Studies, University of Koblenz-Landau, Campus Koblenz, Universitätsstraße St., 1, D-56070 Koblenz, Germany, oenduec@uni-koblenz.de, <https://orcid.org/0000-0002-4278-4451>

Информация об авторах

Райнхольд Шмитт, доктор социологии, научный сотрудник отделения прагматики, Институт немецкого языка, ул. Аугустаанлаге, 32, D-68165 г. Мангейм, Германия, reinhold.schmitt@ids-mannheim.de, <https://orcid.org/0000-0003-0981-8039>

Райнхард Филер, доктор лингвистики, Педагогический университет Хайдельберга, Кеплерштрассе, 87, D-69120 г. Хайдельберг, Германия, reinhard.fiehler@web.de, <https://orcid.org/0000-0003-1589-4599>

Серап Ендич, докторант лингвистики, Институт германистики, Университет Кобленц-Ландау, Кампус Ландау, Университетштрассе, 1, D-56070 г. Кобленц, Германия, oenduec@uni-koblenz.de, <https://orcid.org/0000-0002-4278-4451>

Information über die Autoren

Reinhold Schmitt, Doktor der Soziologie, Mitarbeiter der Abteilung Pragmatik, Institut für Deutsche Sprache, Augustaanlage, 32, D-68165 Mannheim, Deutschland, reinhold.schmitt@ids-mannheim.de, <https://orcid.org/0000-0003-0981-8039>

Reinhard Fiehler, apl. Prof. Dr. der Linguistik, im Ruhestand, Pädagogische Hochschule Heidelberg, Keplerstraße, 87, D-69120 Heidelberg, Deutschland, reinhard.fiehler@web.de, <https://orcid.org/0000-0003-1589-4599>

Serap Öndüç, Doktorandin der Sprachwissenschaft, Institut für Germanistik, Universität Koblenz-Landau, Campus Koblenz, Universitätsstraße, 1, D-56070 Koblenz, Deutschland, oenduec@uni-koblenz.de, <https://orcid.org/0000-0002-4278-4451>

PECULIARITIES OF THE OFFICIAL COMMUNICATION IN PROFESSIONAL COMMUNITIES

(Book Review: Boychenko V. V. *Kultura rechi sotrudnikov organov vnutrennikh del. Sostavlenie sluzhebnoy dokumentatsii [Tekst] : ucheb. posobie / V. V. Boychenko. – Volgograd : VA MVD Rossii, 2016. – 88 p.)*

Sergey P. Kushneruk

Volgograd Institute for the Humanities, Volgograd, Russia

ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЦИУМАХ

(Рец. на кн.: Бойченко, В. В. *Культура речи сотрудников органов внутренних дел. Составление служебной документации [Текст] : учеб. пособие / В. В. Бойченко. – Волгоград : ВА МВД России, 2016. – 88 с.)*

Сергей Петрович Кушнерук

Волгоградский гуманитарный институт, г. Волгоград, Россия

– Не грусти, – сказала Алиса. –
Рано или поздно все станет понятно, все
станет на свои места и выстроится в еди-
ную красивую схему, как кружева. Ста-
нет понятно, зачем все было нужно, по-
тому что все будет правильно.

Льюис Кэрролл. Алиса в стране чудес

Любое качественное учебное пособие неминуемо содержит черты монографии. Они отражают не только авторское видение предмета описания, но и движение науки и практики, хотя еще и не приобрели доминантности, общего признания, закрепленного «единственно верными» терминологическими дефинициями. Применительно к рассматриваемой предметной области возникает как минимум два дополнительных условия, заметно усложняющих создание учебного текста. Во-первых, необходимость определения объема материала, который обязательно должен быть включен в пособие. Во-вторых, необходимость непротиворечивого ответа на

вопрос о том, в каком аспекте должно быть представлено содержание, которое является объектом учебного описания.

Представляя аксиоматику предмета, исходные сведения о нем, каждое учебное пособие должно, по-видимому, обладать признаками, связанными с творческим развитием научной мысли, определяющей суть учебной дисциплины. Не исключено, что именно творческие, инновационные компоненты содержания вносят в учебные пособия необходимую спорность, способствуют научной полемике, отражают концептуальное развитие дисциплины.

Чаще всего полемическими свойствами обладают учебники и учебные пособия, созданные для дисциплин либо новых по своему содержанию, отражающих значимые прорывы в предметных областях, принципиальное качественное развитие ранее существовавших наук или практик, либо для дисциплин межпредметных, описывающих знания в

практиках, которые объединяют два или более вида человеческой деятельности. Качественные изменения содержания учебных пособий могут быть связаны с изменением параметров социальной и профессиональной среды, в которой востребованы те или иные профессиональные умения, а также с внешней, формальной модификацией правил реализации знаний.

Именно эти соображения возникают по прочтении текста рецензируемого пособия. Содержательно-методические качества книги, требующие обсуждения, относятся к разным предметно-содержательным аспектам анализа.

Во-первых, введение термина «культура речи», не только широко используемого автором, но и включенного в словарь терминов, который дан в пособии, наверняка потребует дополнительного внимания и методических усилий. Слишком широк спектр толкований этого термина в лингвистической науке и коммуникативных практиках. Применительно к официально-деловой коммуникации использование термина «культура речи» становится весьма неоднозначным, поскольку «эстетические установки» нивелируются требованиями унифицирующих правил, что наиболее последовательно проявляется в письменных документных материалах. Включение этого понятия в пособие связано, видимо, с именованием учебного курса или с помещением в фокус учебных действий всех основных проблем, образующихся в связи с устной формой официально-деловой коммуникации, участниками которой становятся сотрудники полиции.

Именно эта сторона пособия формирует основания для неоднозначной оценки включения в небольшой по объему текст разделов, которые в учебном аспекте рассматривают и устные формы профессионального взаимодействия, и письменные документные материалы.

При общих функционально-субъектных свойствах речевые объекты, образующиеся в устной и письменной сферах, существенно различаются и требуют на лингвистическом уровне применения разных методических и содержательных приемов в обучении.

Не приуменьшая значимости устной деловой коммуникации, оставим ее в стороне.

Тем более, что образуется содержательная неоднозначность, вызванная отсутствием определенных ответов на некоторые вопросы, которые вполне естественны на начальных этапах создания пособия, раскрывающего основы устной профессиональной коммуникации: кто является участниками устного коммуникативного процесса? сопровождается ли коммуникативный процесс фиксацией речевого материала какой-то из множасьихся технологических форм? каковы жанровые параметры устного взаимодействия? испытывает ли устная речь воздействие субъектной субординации? каков жанровый диапазон речевых материалов, порождаемых устным официальным взаимодействием? Безусловно, перечень вопросов может быть продолжен.

Пособие методически актуально, поскольку обращается к описанию правил, ориентированных на создание письменных документных текстов. Такие тексты создаются участвующими в коммуникативных процессах субъектами – одним, двумя или несколькими. В чем состоит дополнительная особенность таких коммуникативных ситуаций? С точки зрения адресанта, документы, технологию создания которых должны освоить будущие сотрудники органов внутренних дел, приобретают ряд системных внелингвистических качеств. В частности, функцию знакового инструмента в социальных и, что важно, в правовых отношениях. Это обстоятельство предполагает соблюдение правил, которые построены на основе системных представлений о стилистико-грамматической грамотности русского текста и с учетом внеязыковых факторов – содержательных и формальных ограничений, отражающих действующие нормы стандартизации или унификации.

Поскольку унифицирующие и стандартизирующие регуляторы в конце концов определяют лексические, композиционные, синтаксические (на уровне микротекстов) параметры документных текстов, то методически эффективным видится представление учебных данных (с учетом состава аудитории, прагматических соображений и организационных особенностей процесса обучения) в соответствии со следующими методическими этапами.

1. Выделение и функционально-ситуативное описание наиболее частотных доку-

ментных текстов, умение работать с которыми входит в состав профессиональных компетенций, предполагает существование образцов таких текстов, поэтому необходимо сформировать образцы текстов, составление и применение которых является профессионально обязательными. Рецензируемое пособие содержит некоторое количество документных текстов, однако возникает вопрос об их составе и степени профессионального освоения, и, следовательно, об их «образцовости».

2. В рецензируемом пособии в разных контекстах упоминается пока еще действующий стандарт Р 6.30-2003, что с методической точки зрения очень важно. Ориентация обучаемого на внеязыковые регуляторы коммуникативных процессов является обязательным фактором в представлении лингвистического знания. Основной проблемой становится описание связей между одновременно действующими собственно лингвистическими правилами и правилами внелингвистическими, определяемыми аксиоматикой стандартизации и унификации как процессов скорее формально-технологических. Необходимо отметить эффективность пособия в части установления содержания и описания соответствий между реквизитами, состав которых регулируется стандартом, с одной стороны, и речевыми текстовыми фрагментами документных текстов, являющимися знаковыми реализациями реквизитов, с другой стороны. В этом аспекте рецензируемое пособие сохраняет перспективы своего содержательного развития, а сам подход позволил бы реализовать обучение с большей конкретизацией и содержательной определенностью.

3. С середины 2018 г. стандарт Р 6.30-2003, просуществовавший 15 лет, заменяется стандартом Р 7.0.97-2016 [ГОСТ Р 7.0.97-2016]. Какие основные последствия в лингвистическом аспекте можно ожидать от введения нового стандарта?

Во-первых, введение двух новых реквизитов и изменение формулировок и содержания некоторых «старых» реквизитов изменит состояние и состав документных текстов в целом.

Во-вторых, изменения знакового состава текстов повысят их коммуникативно-функ-

циональную надежность в составах соответствующих документов.

В-третьих, изменение пространства организации текста в связи с изменением формуляра и разрешением на двустороннее использование бумажного носителя будет иметь куда как более серьезные следствия в работе с текстами, чем это представляется на первый взгляд, поскольку двустороннее расположение текста меняет не только технологию его подготовки и обработки, но и его восприятие [Brusaw, Alfred, Oliu, 2008].

В-четвертых, новые требования к оформлению абзацев, строк и шрифтов не только отменяют требования уходящего стандарта, но и вводят иные, отличающиеся от действующих логико-содержательные и даже пространственно-эстетические отношения, значимые при оценке текстов и документов, их содержащих.

Принципиальным для учебного текста является определенность и непротиворечивость описываемого объекта. Выше уже отмечалась методологическая опасность неразделения устных и письменных форм документной коммуникации на этапе их учебного освоения. Устные и письменные документные речевые объекты требуют применения разных учебных подходов и, возможно, даже разных учебных пособий. Порождение устных речевых объектов регулируется не столько положениями стандартизирующих документов, сколько правилами культуры речи. Однако в таком общении многое определяется субъектным составом коммуникантов и самими коммуникативными условиями.

В письменной официально-документной коммуникации, в которой участвуют сотрудники МВД, существенно возрастает роль знаний и умений, в основе которых лежит реализация правил документоведения и документационного обеспечения управления, следовательно, – правил с внелингвистическими содержательными основаниями. В официально-деловой коммуникации разделение письменных и устных форм (уже на уровне обучения и, соответственно, в учебной литературе) является, на наш взгляд, обязательным, вплоть до разделения учебных дисциплин и часов преподавания. Основные сложности в учебном представлении официально-деловых докумен-

тов той или иной служебной сферы – выбор тех типологических групп текстов, которые являются наиболее частыми, обязательным образом связанными с производственно-деловыми ситуациями.

Достоинством рецензируемого пособия является насыщенность его упражнениями, практическим материалом, что особенно важно для дисциплин с высоким уровнем формальной окраски.

Рецензируемое пособие, несмотря на возможную спорность некоторых содержательно-методических позиций (что естественно для быстро и неравномерно развивающихся предметных областей), может быть полезно не только курсантам учебных учреждений системы МВД. Оно представляет несомненный интерес для специалистов любого направления, чья деятельность связана с составлением текстов официально-деловой сферы коммуникации, может быть полезно при документном самообразовании и как справочное пособие на начальных этапах освоения документационного обеспечения деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ГОСТ Р 7.0.97-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов : (утв. приказом Росстандарта от 08.12.2016 № 2004-ст). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Brusaw C. T., Alred G. J., Oliu W. E., 2008. Designing the page // *The Business Writer's Handbook*. 9th ed. N. Y. : Bedford/St. Martin's. P. 381–384.

REFERENCES

- GOST R 7.0.97-2016. National standard of the Russian Federation. System of standards on information, librarianship and publishing. Organizational and administrative documentation. Requirements for the execution of documents (approved by order of Rosstandart on December 8, 2016 No. 2004-st). *ConsultantPlus*. URL: www.consultant.ru.
- Brusaw C.T., Alred G.J., Oliu W.E., 2008. Designing the page. *The Business Writer's Handbook*. 9th ed. New York, Bedford/St. Martin's, pp. 381-384.

Information about the Author

Sergey P. Kushneruk, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Volgograd Institute for the Humanities, Griбанова St., 12, 400011 Volgograd, Russia, sp_kushneruk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5008-3946>

Информация об авторе

Сергей Петрович Кушнерук, доктор филологических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Волгоградский гуманитарный институт, ул. Грибанова, 12, 400011 г. Волгоград, Россия, sp_kushneruk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5008-3946>

«Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научной общественности с результатами современных исследований по проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительного изучения языков, теории языка и смежных дисциплин.

Авторами «Вестника ВолГУ» могут быть преподаватели, научные сотрудники и аспиранты высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений России, а также другие отечественные и зарубежные исследователи.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2018 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2018 года 764 руб. 00 коп. Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

**ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по адресу: 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100, Волгоградский государственный университет – главному редактору Шептухиной Елене Михайловне или высылаются по электронной почте на адреса: vestnik2@volsu.ru и istruslingva@yandex.ru.

Обязательно наличие сопроводительного письма, в котором должны содержаться следующие пункты: гарантия оригинальности статьи, отсутствия в ней недостоверных данных и плагиата; обязательство не подавать данный материал в другой журнал; информация о наличии/отсутствии потенциального конфликта интересов с членами редколлегии; данные о финансировании исследования (с пометкой об их конфиденциальности или необходимости опубликования); согласие с принципами, изложенными в разделе «Издательская этика» журнала (<http://l.jvolsu.com/index.php/publishing-ethics-ru>).

Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения.

2. Правила оформления статей.

Объем статьи не должен превышать 1 п. л.

Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

- 1) Индексы УДК и ББК.
- 2) Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках).
- 3) Имя, отчество, фамилия автора; ученое звание, ученая степень; контактная информация (место работы/учебы и должность автора, полный почтовый адрес организации, телефон, e-mail) на русском и английском языках.
- 4) Аннотация на русском языке и авторское резюме (Abstract) на английском языке.
- 5) 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках).
- 6) Текст статьи.
- 7) Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.1-2003, и References – список литературы на английском языке (латинским шрифтом), оформленный в соответствии с требованиями редакции. При необходимости – примечания, приложения.

2.1. Требования к авторским оригиналам на бумажном и электронном носителях.

- 1) Поля по 2 см с каждой стороны.
- 2) Нумерация страницы по центру внизу.
- 3) Шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал 1,5.
- 4) Файл должен быть создан в программе «Microsoft Word» и сохранен с расширением *.rtf; имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора.

2.2. Оформление библиографических ссылок и примечаний.

- 1) Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера источника и через запятую номеров соответствующих страниц.
- 2) Пристатейный список литературы, озаглавленный как «Список литературы», составляется в алфавитном пронумерованном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

3. После получения материалов рукопись направляется на рецензирование. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. После получения положительной рецензии редакция уведомляет авторов о том, что статья принята к опубликованию, а также направляет замечания рецензентов и редакторов, в соответствии с которыми необходимо исправить или дополнить статью. В случае отказа в публикации статьи редакция представляет автору мотивированный отказ.

Полнотекстовые версии опубликованных статей и их метаданные (аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках, список литературы) будут размещены в свободном доступе в Интернете на официальном сайте издания, на платформе Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU и других реферативных баз данных.

4. Более подробно с требованиями к статьям можно ознакомиться на страничке Издательства на сайте Волгоградского государственного университета: <http://www.volsu.ru> – и сайте журнала: <http://l.jvolsu.com>.
